

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ**

Материалы международной научно-практической
конференции 5–6 июня 2011 года

Пенза – Прага
2011

УДК 34
ББК 60.5
П68

П68 Права и свободы человека: проблемы реализации, обеспечения и защиты: материалы международной научно-практической конференции 5–6 июня 2011 года. – Пенза – Прага: Научно-издательский центр «Социосфера», 2011. – 177 с.

Редакционная коллегия:

Суменков Сергей Юрьевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права и политологии Пензенского государственного университета.

Кашпарова Ева, доктор философских наук, научный сотрудник кафедры психологии и социологии управления Высшей школы экономики в Праге.

Дорошин Борис Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии Пензенской государственной технологической академии.

В сборнике представлены научные статьи преподавателей вузов, соискателей и аспирантов, работников правоохранения, в которых освещаются социокультурные основания правовой сферы общественного и индивидуального бытия, её взаимосвязи с социально-экономическими и политическими явлениями и процессами. Характеризуются особенности реализации, охраны и защиты прав и свобод различными институтами и иными субъектами.

ISBN 978-5-91990-028-3

УДК 34
ББК 60.5

© Научно-издательский
центр «Социосфера», 2011.
© Коллектив авторов, 2011.

СОДЕРЖАНИЕ

I. СОЦИУМ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ — ПРАВО

Казанцева Д. Б., Коврыгин С. И. Особенности проявления морали и нравственности в поведении людей	6
Исмаилов А. Ю. Добросовестность — мера присутствия морального начала в правовой сфере индивидуального бытия человека.....	9
Сулейманова С. Т., Кубрин С. Д. Влияние молодежных субкультур на преступное поведение несовершеннолетних.....	13
Хворостов А. Ю. Неотчуждаемость прав человека.....	22
Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколения прав человека. Любовь.....	29
Олейникова С. С. К вопросу о природе социальных прав личности и деятельности государства по их обеспечению	32
Самбор Н. А. Механизм реализации прав, свобод и интересов человека и гражданина	35
Запорожцев А. Г. Гарантии реализации конституционного права наследования на современном этапе.....	40
Нгаламулуме Л. М. Права человека и демократия	44
Спрыгина Е. А. Права человека в контексте глобализации	47
Суменков С. Ю. Лексико-семантический анализ понятия «исключение в праве»	52

II. ПРАВА И СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

Сычевская Т. В. Права человека в конституциях и национальных законодательствах на примере России и Германии (сравнительно-правовой анализ)	60
Амбарцумян К. А., Спичак Ю. Г. Новая конституция (основной закон) Венгрии: некоторые аспекты прав человека	75

Валетова Ю. А. Международно-правовое регулирование права человека на питание.....	79
Савинова Е. И. Права человека и гражданина на охрану здоровья и медицинскую помощь в Российской Федерации	82
Кругленя А. Н. Систематизация избирательных прав граждан РФ в целях их эффективной уголовно-правовой охраны.....	88
Розгон О. В. Действительность завещания по законодательствам Российской Федерации, Украины, Туркменистана.....	92
Брус В. А. Особенности правового статуса иностранных граждан – высококвалифицированных специалистов в России	94
Ринчинов Б. А. Обеспечение права на защиту в суде второй инстанции.....	98

III. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

Хисматуллина В. В., Гарифуллина А. Ф. Личные права и свободы. Правовое регулирование	101
Мирошниченко В. В. Защита государством прав и свобод детей-сирот посредством создания сиротских домов в России конца XVIII–XIX вв.	103
Кордуба С. Б. Проведение государственной политики в сфере заботы о семье, родителях, детях как гарантия реализации конституционной обязанности родителей заботиться о детях в Российской Федерации.....	108
Левушкин А. Н. Защита прав детей, оставшихся без попечения родителей в Российской Федерации	116
Арестова О. Н. Состояние и дальнейшие перспективы реализации в России организационно-правовых гарантий в отношении лиц, страдающих психическими расстройствами	119
Куликова С. А. Вопрос о цензуре переписки в решениях Конституционного суда РФ и Европейского суда по правам человека	126

Алиев В. Р.	
НАТО – Азербайджан: современное состояние взаимоотношений и партнерства с точки зрения обеспечения прав человека.....	132
Трофимов Е. А.	
Ограничение пассивного избирательного права граждан России в начале XXI века.....	135
Бобровская О. Н.	
Перспектива удовлетворения потребностей граждан в жилье как критерий социально ориентированного государства.....	142
Соколов А. Ю.	
Процессуальные аспекты применения ареста товаров, транспортных средств и иных вещей в производстве по делам об административных правонарушениях	145
Майоров А. С.	
Инновационные технологии в регулировании молодежного предпринимательства	149
Шевцов С. Г.	
Усмотрение суда по делам об установлении сервитутов.....	150
Адоньева И. Г.	
Осмысление сибирскими юристами права судебной защиты и юридической помощи на рубеже XIX–XX вв.	154
Михалёва Т. С.	
Проблемы обеспечения прав личности при заключении лица под стражу в уголовном процессе России ...	158
Ережипалиев Д. И.	
Институт досудебного соглашения о сотрудничестве в контексте реализации прав и свобод человека.....	160
Солдатова А. А.	
Специфика речевых стратегий в адвокатском дискурсе.....	163
Климова М. А.	
Роль неправительственных правозащитных организаций в современной России	167
План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году	131
Информация о журнале «Социосфера»	132

I. СОЦИУМ — МИРОВОЗЗРЕНИЕ — ПРАВО

ОСОБЕННОСТИ ПРОЯВЛЕНИЯ МОРАЛИ И ПРАВСТВЕННОСТИ В ПОВЕДЕНИИ ЛЮДЕЙ

Д. Б. Казанцева, С. И. Коврыгин
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. Morality and ethic are basic controllers of people behavior in all spheres of the activities. Their principles have universal importance and they are distributed to each person. Morality and ethic are the same in something, but they also have differences. All in man depend on his values: real values, universal or fake one.

Key words: morality, ethic, universal values, fake values, moral education, individual.

С давних времен люди нуждались в чётко отлаженной структуре регуляции жизни. С развитием цивилизаций, несущей развитие культуры, эта потребность стала ощущаться сильнее. «Культурный шок» предоставил право выбора, сделав возможным многообразие общественной мысли. В ходе эволюции человека, государств и государственности появляются два новых понятия: мораль и нравственность. Для большинства современных людей эти понятия несут эквивалентную смысловую нагрузку, однако есть отличия.

Существует большое количество определений морали, произошедшей от латинского «moralis» – относящийся к нраву, характеру, складу души, привычкам, а оно в свою очередь от «mores» – нравы, обычаи, мода, поведение. Мораль – это «форма общественного сознания и вид общественных отношений, направленных на утверждение самооценки личности, равенства всех людей в их стремлении к счастливой и достойной жизни, выражающих идеал человечности, гуманистическую перспективу истории» [5]. Мораль регулирует поведение человека во всех сферах общественной деятельности – труде, повседневной жизни, семье, политике, межклассовых и межрасовых делах. Принципы морали имеют всеобщее значение, и распространяются на каждого человека, поддерживая определённые устои уклада его жизни. Принципы морали всегда претендуют на абсолютность. Несмотря на то, что они предельно обобщены, они в себе отражают самые глубокие слои социальных условий и быта человека. Мораль – основной тип регуляции, который можно назвать нормативным, хотя и не имеющим в составе законных оснований для ограничений человека. Однако мораль всегда даёт конкретный ответ, не допускающий возражений, вероятно,

основываясь на страхе утраты бесценного многовекового опыта цивилизаций. Авторитет человека как источника морали для определённой группы людей чаще всего не связан с его политическим положением, количеством денежных средств и его влиянием на различные сферы жизни людей. К примеру, религия всегда была важным регулятором жизни и «Блестящим примером, передавшим основные моральные принципы» [3] человечеству в заповедях о семи смертных грехах, данных явился Иисусом Христом.

Нравственность – это «субъектно-индивидуальная моральность, охватывающая сферу личных и частных взаимоотношений, субъективно мыслимого долженствования, идеала и критических умонастроений по отношению к социально-экономическим явлениям» [5]. Проблемы определения нравственности занимались величайшие люди в истории: Платон, характеризовавший нравственность как регулятор общественных отношений, Аристотель – как всеобъемлющую мысль, Гиппократ – как бесконечную доброту, Вольтер и Дидро – как путь к всеобщему равенству и свободе. Технический прогресс, повышающий уровень материальных ценностей общества, и облегчающий условия быта и труда, оказывает немаловажное влияние на восприятие людьми морали и нравственности, формируя при этом «нравственную неустойчивость» [1]. Примером тому разнообразие неофициальных молодёжных групп и течений, сообществ, поведение которых очень далеко от морали и нравственности.

Однако история нам даёт образцы нравственного поведения. К примеру, история жизни Фёдора Петровича Гааза. Русский врач, немецкого происхождения (род. 24.08.1780 г. в Мюнстерэйфеле, близ Кёльна), ставший старшим врачом московских тюремных больниц, демонстрировал все аспекты нравственного человека – доброту, сострадание, бескорыстие, любовь. Начав свою деятельность до введения в России тюремных комитетов, когда положение людей, находящихся в тюрьмах, было плачевным, Гааз добился того, что ссыльные могли передвигаться не на прутьях, а в кандалах. Денег на подобное «снаряжение» из Москвы не поступало, и врач оплачивал стоимость металлических цепей, искал людей, которые могли бы помочь в этом. Он осознавал, что многие из преступников стали таковыми по одной простой причине – из-за отсутствия нравственного развития, которое в то время, однозначно было связано с религиозным развитием. И он осуществлял пожертвования на сотни тысяч экземпляров Священного писания для раздачи арестантам [2].

Нравственность – это внутренний стержень. И людей, которые рождаются с таким «нерушимым сплавом» внутри, очень мало. Их отличительный признак – мотивация их поступка, – ради других. Всё в человеке зависит от того, какие ценности внутри – истинные,

общечеловеческие, или псевдоценности. Проявляется это в отношении к делу и людям, настрой на доброту или ненависть, терпимость или раздражительность, сочувствие или безразличие, следование моральным принципам или их отсутствие, нравственность или безнравственность. Истинность любых целей, любых идей, любых мыслей проявляется всегда поступком, посредством которого они реализовываются.

У морали и нравственности много общего и отличного. Кант распределил нравственность и мораль, как «логику чувств» и «логику традиций». Нравственность характеризует личный характер, поведение, принятие решения, проявление себя, отношение к самой личности. Нравственность есть внутреннее побуждение и регламент себя своей совестью. Нравственность – это область «практического поведения», события по факту, который оценён совершающим. Мораль – область сформулированных законов, характеризующих любое явление социального происхождения, оценивающее его по строгим критериям, путём вовлечения в него большей части общества, нередко лишаящего человека права выбора. Мораль является помощником в принятии решения и формировании мнения со стороны общественного сознания. Нравственность фиксирует меру человечности в совершенно конкретной ситуации. Мораль, «выражает гуманность в идеальной, завершённой форме» [5], и ей не требуется времени для принятия решения, так как ответ всегда правильный уже присутствует, ориентируясь на мнение большинства. Слово «нравственность» не употребляется там, где речь идёт о негативной оценке чьего-либо поведения, мораль употребляется, причём с «давящим» на сознание людей смыслом, к примеру, «мораль фашизма» или «мораль терроризма» вполне укладываются в сознании людей, в то время как выражение «нравственность фашизма» звучит нелепо и не употребляется в такой форме. Нравственность всегда сопровождается мотивом или совокупностью мотивов – мотивацией, в то время как мораль лишь указывает на последствие и реакцию общества на него. Нравственные отношения, как и сама нравственность представляет собой совокупность субъективного (побуждения, интересы, желания) и объективного (нормы, идеалы, нравы), с которыми так или иначе приходится считаться.

Таким образом, мораль и нравственность есть регуляторы сознания. Они обладают разной степенью влияния, разным происхождением и продолжительностью действия, непрерывностью существования. Мораль основывается на нравственности. Поэтому необходимо нравственное воспитание личности, которое «должно обеспечить всестороннее воспитание личности, сознательное отношение к общественному долгу, развитое чувство прекрасного, кото-

рое помогает восприятию этики» [4]. Формированию нравственности необходимо уделять больше времени, так как это трудоемкий процесс и без целенаправленного воспитания занимающего много времени она не будет внутренней определяющей, глубоко характеризующей сущностью человека.

Библиографический список

1. Белорусов О. С., Бочков Н. П., Бунятян А. А. Деонтология в медицине. – В 2 т. / под ред. Б. В. Петровского. – М.: Медицина, 1988.
2. Врата милосердия. Книга о докторе Гаазе. – М., 2002. – 544 с.
3. История религии: учебник / Ф. М. Ацамба, Н. Н. Бектимирова, И. П. Давыдов. – В 2 т. – Т 2. – М.: Высш. шк., 2007.
4. Медицина в условиях дефицита ресурсов. – М.: Триумф, 2000.
5. Словарь по этике / под ред. А. А. Гусейнова и И. С. Кона. – М.: Политиздат, 1989.

ДОБРОСОВЕСТНОСТЬ – МЕРА ПРИСУТСТВИЯ МОРАЛЬНОГО НАЧАЛА В ПРАВОВОЙ СФЕРЕ ИНДИВИДУАЛЬНОГО БЫТИЯ ЧЕЛОВЕКА

А. Ю. Исмаилов

**Челябинская государственная академия культуры
и искусств, г. Челябинск, Россия**

Summary. The strict legal language which is meeting the requirements of formalization and unambiguity, contains in its vocabulary assessment concepts, filled with moralistic beginning. As an example it is served by concept "conscientiousness". Within the limits of article ways of use of the term "conscientiousness" in legal sphere of individual life of the person are considered.

Key words: conscientiousness, individual, moral and pragmatic emphasis, personal and subjective beginning.

В правовом регулировании поведения человека предусматривается использование строгого юридического языка. Одной из особенностей такого языка является стремление к семантической однозначности используемых терминов и их предельная формализация. Одновременно с этим такая специфичность является и тем пределом, за которым право уже не может охватить всего того, в чём и чем живёт человек. Пытаясь преодолеть такое несоответствие, право обращается к морали. Тем самым в законодательный язык проникают оценочные суждения, примером которого является понятие «добросовестность».

Вариации употребления понятия «добросовестность» можно свести к трём положениям. Во-первых, добросовестность в законода-

тельном массиве представлена как принцип, некое исходное положение. Так, например, при возникновении спорных дел гражданское законодательство (ст. 6 ГК РФ) требует подходить к их разрешению с позиции принципов разумности, справедливости и добросовестности [3]. В жилищном законодательстве (ст. 7 ЖК РФ) наряду с требованиями соблюдения принципов разумности, справедливости и гуманности, должен учитываться и принцип добросовестности [5].

Во-вторых, добросовестность используется как презумпция. При определении пределов осуществления гражданских прав, когда закон ставит защиту гражданских прав в зависимость от того, осуществлялись ли эти права с разумностью и добросовестностью, на первое место ставится презумпция разумности и добросовестности участников правоотношений (ст. 10 ГК РФ) [3]. Таким образом, право признаёт в человеке его изначальную добросовестность, если иное не будет доказано в судебном порядке.

В-третьих, добросовестность может быть представлена как характеристика индивида – участника практических действий и практических отношений (трудовых, семейных, имущественных и т. д.).

Добросовестность можно определить как понятие, фиксирующее полноту (целостность) поступка (правового поступка), его внутреннее и внешнее содержание с позиции нравственного и (или) прагматического начал. На уровне индивидуального бытия человека это находит своё выражение в личностном (с акцентом на нравственное) или субъектном (с акцентом на прагматическое) началах. Именно с этих позиций в статье проводится анализ правовых источников и даются соответствующие примеры.

Вполне допустимы правовые ситуации, в которых можно фиксировать отсутствие нравственной компоненты в правоотношениях, но любые частные, локальные ситуации (когда человек выполняет какую-либо социальную роль) несут в себе потенцию стремления к целостности – той антропологической константе, которая напрямую связывает человека частичного с универсально-общим (в данном случае с нравственным). Любая попытка человека сделать что-либо «от и до» (тщательно и аккуратно) есть его стремление к завершённому образу, целостности. Право пытается решить эту же задачу (охватить всё и вся) и неизбежно приобретает отдельные признаки, напоминающие моральную регуляцию поведения человека.

Важной стабилизирующей и воспроизводящей функцией для общества обладает семья. В Семейном кодексе РФ (ст. 30) существует правовая категория «добросовестный супруг» [7]. Хотя в кодексе и не прописано, что понимать под добросовестным исполнением обязанностей в браке, можно всё-таки догадаться, что речь идёт о тех ценностях, на основе которых возникает и существует институт

брака как такового: свобода заключения брака, равенство и взаимная ответственность супругов, справедливое распределение обязанностей и т. д. Добросовестность здесь выступает мерилем полновесности исполнения таких обязанностей, а значит, подразумевает субъектное начало в индивидуе.

Огромный массив нормативно-правовых документов регулирует такую значимую в человеческой жизни деятельность, как труд. Согласно трудовому законодательству (ст. 21 ТК РФ), к основным обязанностям «работника» относится добросовестное исполнение индивидом своих трудовых обязанностей, возложенных на него трудовым договором [8]. В «добросовестное исполнение трудовых обязанностей», вероятнее всего, вкладывается смысл, связанный с исполнением «от и до» (акцент на прагматическое) тех положений в трудовом договоре, которые являются содержанием (смыслом) самого труда работника.

В российском законодательстве используются и противопоставление двух понятий: добросовестность и недобросовестность. В административном законодательстве (ст. 7.31 КоАП РФ) употребляется понятие «реестр недобросовестных поставщиков» [6]. Сам реестр недобросовестных поставщиков, согласно определению, включает в себя тех из них, которые уклонились от заключения государственного или муниципального контракта, а также тех, с которыми государственные или муниципальные контракты расторгнуты в связи с существенным нарушением ими условий государственных или муниципальных контрактов [9]. Этот пример характеризует прагматическое понимание добросовестности, так как недобросовестный индивид (нет добросовестности) в данном случае – уклоняющийся от заключения... или допустивший нарушение оговорённых условий, т. е. отступивший от них.

В правовой сфере существование человека регулируется не только кодексами, законами, указами и постановлениями, но и иными документами, имеющими нормативный характер. Собственно, один из видов такой нормативной документации уже в своём названии несёт нравственное начинание. Начиная, примерно, с 2003 года в различных областях профессиональной деятельности принимаются документы с условным названием Кодекс Этики профессиональной деятельности. Достаточно часто в них встречается понятие «добросовестность» в её различном контексте (исполнение обязанностей, отношение к людям, поведение вне службы и т. д.).

Данный процесс остаётся динамичным, например, в 2010–2011 гг. активно принимались и обсуждались: Офицерский кодекс чести (название условно), Кодекс чести учителя, Кодекс поведения чиновника. Прямое их назначение – обозначение рамок морального и

внутрицехового поведения индивида в той или иной сфере профессиональной деятельности.

Этико-правовое наполнение ожиданий и требований должно, выдвигаемое человеку, нигде так себя не проявляет как в клятве или присяге. Сама цель присяги (клятвы) – нравственно «привязать» человека к выполнению своих обещаний (в данном случае, служебных обязанностей), что называется не за страх, а за совесть. Как совестное начало экстериоризировано на другого, так и присяга (клятва) в жизни человека направлена на принятие обязательств различного рода не столько по отношению к себе, сколько по отношению к другим.

Добросовестно исполнять свои обязанности – одна из составляющих клятвы Уполномоченного по правам человека в РФ, который клянётся руководствоваться в своей работе Конституцией РФ, законодательством РФ, справедливостью и голосом совести [1]. Честно и добросовестно исполнять свои обязанности клянётся судья Конституционного Суда РФ [2]. Аналогичное содержание клятвы (присяги) встречается и в других правовых источниках.

В заключение хотелось обратить внимание на два особых варианта использования термина «добросовестность» в правовом поле. Обращают они внимание своей необычностью.

Очень интересно в текущем гражданском законодательстве представлено положение о добросовестном заблуждении. В ст. 68 Гражданского процессуального кодекса РФ одной из причин, по которой суд не примет признание человека, участвующего в деле, называет его добросовестное заблуждение. Интересен он возникающим вопросом о возможности заблуждения не только добросовестного, но и какого-либо другого, например, недобросовестного, неразумного и так далее [4].

Согласно закону, индивид, ставший правопреемником, может присоединить к своему сроку приобретательной давности срок владения имуществом предшественника (ст. 224 ГК РФ). Фактически сталкиваемся с ситуацией, когда добросовестность одного может юридически передаваться к другому индивиду [3]. Такое положение дел вытекает из существа правового понятия «правопреемство» и не менее важного положения о презумпции добросовестности.

Таким образом, представленный материал показывает, что добросовестность как оценочное понятие используется в юридическом языке. Именно в таких оценочных понятиях проявляется присутствие «минимума морали» в текстах правового характера. Такое понятие, как добросовестность, только с учётом его морального смысла, становится конкретным понятием в правосознании. Его применение в юридической практике предполагает соотнесённость

с личностным (нравственным) и субъектным (прагматическим) началами практической жизни индивида.

Библиографический список

1. Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации: федер. конституц. закон от 26 февраля 1997 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 28 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1997. – № 9. – Ст. 1011.
2. О Конституционном Суде Российской Федерации: федер. конституц. закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп. от 28 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 13. – Ст. 1447.
3. Гражданский Кодекс РФ: В 4 Ч. (с изм. и доп. от 6 апреля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301; 1996. – № 5. – Ст. 401; 2001. – № 49. – Ст. 4552; 2006. – № 52. – Ст. 5496.
4. Гражданский процессуальный кодекс (с изм. и доп. от 6 апреля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
5. Жилищный Кодекс РФ (с изм. и доп. от 30 ноября 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 1. – Ст. 14.
6. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (с изм. и доп. 21 апреля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 1.
7. Семейный Кодекс РФ (с изм. и доп. от 23 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
8. Трудовой Кодекс РФ (с изм. и доп. от 29 декабря 2010 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1. – Ст. 3.
9. О размещении заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: федер. закон от 21 июля 2005 г. № 94-ФЗ (с изм. и доп. от 21 апреля 2011 г.) // Собрание законодательства РФ. – 2005. – № 11. – Ст. 3105.

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР НА ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

С. Т. Сулейманова, С. Д. Кубрин
Пензенский государственный университет,
г. Пенза, Россия

Summary. In the article dealt with the problem of socio-psychological characteristics of adolescents is touched. The effect of various youth subcultures in criminal behavior of youth considered. The methods and principles to minimize the destructive aspects of youth subcultures are offered.

Key words: adolescents, youth subcultures, criminal behavior.

Одной из самых патологических форм делинквентного поведения подростков является преступность. Из всех проявлений делинквентности преступность наиболее изучена юристами, социоло-

гами, психологами, представителями естественных наук. Преступление и преступность можно определить как социальное явление, не соответствующее нормам уголовного законодательства. В то же время, социальные стандарты поведения для определенных подсистем социальной системы или даже для всей системы могут отличаться от законодательно установленных норм. В этом случае преступное поведение, девиантное по отношению к законодательным нормам, не будет являться девиантным по отношению к социальным нормам соответствующей социальной подсистемы или всей системы. Важно определить условия, при которых происходит переход девиаций в общественно признанную норму, так как поведение большинства членов социальной системы определяется социальными нормами [7]. Сегодня криминальное поведение перестает пониматься обществом как патологическое. Культура большинства населения заменяется своеобразной субкультурой с возведением в обыденную норму криминального, противоправного поведения. Маргинальность в настоящее время становится обычной нормой. При этом криминальные нормы поведения становятся уже не девиацией, а конкурирующей с легалистской, альтернативной общественно признанной нормой.

Несовершеннолетние, по мнению американского криминолога У. Ландена, живут в соответствии с основными моральными принципами, утвердившимися в этом обществе, и, в конечном счете, детерминанты, определяющие поведение индивида, зависят от системы ценностей, занимающей в обществе господствующее положение [10]. Рассматривая преступность подростков, не следует забывать, что их личность еще не до конца сформирована с эмоциональной, психологической и нравственной точек зрения. Их взгляды, их убеждения могут меняться в зависимости от окружения, от происходящих в обществе процессов. Подростки чаще поддаются влиянию со стороны других людей, у них менее выражены такие качества, как настойчивость, честность, волевые качества и т. д. Так, еще в начале XX века американский психолог С. Холл писал, что подростки это «своеобразный гибрид, сочетающий идущую от природы (психосексуальное развитие) неуправляемость и идущую от культуры управляемость (подчинение индивидов социокультурным нормативам)» [цит. по 2]. Неформальные молодежные группировки представляют серьезную угрозу для безопасности страны. «Неважно, под какими идеями и лозунгами действует та или иная группировка, важно, что роль у нее одна и та же – деструктивная», – отметил глава МВД Нургалиев [5]. «Молодежное крыло фашистских организаций, скинхеды, агрессивные группировки футбольных фанатов-траблмайкеров пополняют уголовную статистику не первый год.

Индустрию охвата сознания молодежной субкультуры пополнил флешмоб. «Мы вынуждены признать: выросло полностью бесшабашное, неуправляемое поколение, – это слова лидера о членах своего движения, их нужно просто собрать и обеспечить некоторые условия: бутылочное пиво, временное отсутствие милиции и потенциальный объект агрессии». Доктор психологических наук А. Асмолов видит в этом один из способов заполнения смысловых пустот. Если в обществе исчезает «смысл», то возникают благоприятные условия для появления нигилизма, анархии, уничтожения любых обязательств и обязанностей перед обществом, отрицания всех и всяческих норм. Это мятеж, выросший из смысловой пустоты» [цит. по 4].

Субкультура, в дословном переводе, означает отделение от устоявшейся в обществе культуры, от основных принципов «возделывания» и «вырабатывания» социальных норм. От доминирующей культуры *субкультура* отличается, прежде всего, своей собственной системой ценностей, образом поведения, элементами одежды и стиля. В последнее время Россию просто захлестнула волна всяческих неформальных движений, перекочевавших к нам все с того же Запада. Это и панки, и металлисты, роллеры, анимэшники и растаманы, те же хиппи, снова набирающие популярность со скоростью света, битники, рэйверы, рэггеры, эмо и готы.

Среди субкультур, как считается, можно выделить правых и левых. Первые живут по традиционным законам, увлекаясь просто тем или иным направлением. Они не противоречат ни нормам морали, ни закону. К ним можно отнести роллеров, оттачивающих мастерство катания на заасфальтированных участках. Также сюда можно отнести субкультуру «Нью-эйдж» (от англ. «новый возраст»), занимающихся постижением себя через философские установки прошлого и настоящего [1].

Что же касается левого крыла, то здесь налицо неуважение к устоявшимся в обществе рамкам и границам дозволенного поведения. Сюда можно отнести сатанистов, отчасти панков, распивающих пиво в подворотнях под громыхания «Короля и Шута». Самым ярким примером здесь выступают, конечно же, готы и эмо. В первую очередь интерес вызывают представители субкультуры готов. Это молодежное движение зародилось в конце 70-х годов XX века на волне пост-панка. Готическая субкультура достаточно разнообразна и неоднородна, однако для неё в той или иной степени характерны общие черты: специфический мрачный имидж, а также интерес к хоррор-литературе, фильмам ужасов и мистике. Впервые готы появились в Великобритании на заре восьмидесятых прошлого столетия. Общая тенденция заключается в печальных, иногда даже

скорбных, мистическо-сакральных мотивах в музыке и внешнем виде. Стиль одежды готов может быть разным, начиная от привычного панковского, заканчивая средневековым. Кроме того, здесь можно встретить наряды викторианской эпохи или ренессанса. Иногда все эти стили собираются в одну гремучую смесь. В образ типичного гота вписываются крашеные в черный цвет волосы, глаза, подведенные черным, покрашенные черным лаком ногти, черная, выдержанная в одном стиле, одежда. Пирсинг на теле может быть, а может и не быть. Украшения обычно выполнены из серебра и включают в себя различные символы, например, кресты, анки, пентаграммы и др.

Что касается идеологии, то у готов она достаточно потусторонняя, несколько ужасающая своими мрачными загробными настроениями. Представители этой культуры выступают, по определению, за толерантность и пассивность, за скорбь о социальном и личном зле. Готы, в отличие от хиппи и битников, не придерживаются каких-то радикальных политических взглядов, другими словами, они не задумываются о политике. Интересы у них совсем другие: ночь, кресты, кладбища, древние письмена и рассказы о вампирах. И все вроде бы ничего. Живут они спокойно, никого не трогают, увлекаются мистикой и страшными сказками. Но это лишь одна сторона медали. Идеологию по принципу, как она есть, воспринимает далеко не каждый гот. Свод правил «настоящего гота» постоянно обновляется, дополняется и, что самое страшное, обновления носят далеко не дружеский характер. Попробуй обидеть гота, и ты забудешь, что такое спокойствие. А если обиды им не причиняешь, они сами легко найдут себе занятие, выбивающееся из череды признанного и положительного.

К таким занятиям следует отнести излюбленные могильные посиделки готов. Готы собираются на кладбищах, устраивают загробные песнопения, разрисовывают мистическими символами памятники и надгробья. В отъявленно-повышенном настроении эти неформалы занимаются вандализмом, выдергивая кресты, раскапывая захоронения. Риск и возрастающий с каждой минутой адреналин бодрит неутомонных готов, заставляя их действовать в самом ужасающем амплуа [9].

Готы, тем самым, невольно становятся катализатором роста преступности, влияют на криминологическую ситуацию в стране.

Не так давно в СМИ и на телевидении прокатилась история, поразившая общественность. Шайка питерских готов съела девочку, в прямом смысле этого слова. Прежние якобы стереотипы, что готы съедают мертвых ворон и мертвецов стали уже реальностью, причем на съедение попался далеко не труп, а живой человек. Подозреваем

мые-готы своей вины не признают. Еще бы – преступление носит характер просто недопустимого. Людоедство, насилие, жестокость – это уже из ряда вон выходящее. Стоит только догадываться, что ожидает нас дальше.

Немалую опасность несут также *скинхеды* или *скины* (англ. skinheads, от skin – кожа и head – голова). Возникновение этой субкультуры произошло в Англии, в конце 60-х годов XX века. В России скинхеды появились в 1991 году, в среде учащихся столичных ПТУ и техникумов, вообще молодежи «спальных районов» Москвы и Ленинграда. Скинхеды, как правило, выступают за чистоту своей нации. Преступления, совершаемые представителями данной субкультуры, имеют характер национальной ненависти и выражаются, как правило, в форме убийства или вреда здоровью по отношению к иностранцам. Правозащитники обеспокоены ростом числа скинхедов и высоким уровнем преступности на расовой почве в России. «Растет движение скинхедов, насчитывающее уже до 50 тысяч человек и распространяющееся из крупных региональных центров в малые города и поселки», – говорится в докладе Московского бюро по правам человека (МБПЧ).

Но, несмотря на это, на фоне общей криминальной статистики, совершаемые ими преступления, как говорится, капля в море. Это видно, например, по данным сайта Федеральной службы государственной статистики. За весь 2009 год скинхедами было совершено 366 избиений, приведших к ранениям и 28 убийств. В то же время по данным электронных СМИ, это составляет около одной тысячной доли процента – величина, которую социологи, как правило, не учитывают в силу ее статистической ничтожности (она входит в так называемый «процент погрешности»). Тем не менее, эта тысячная доля процента постоянно находится в поле зрения СМИ и органов. Ведь при неразумно-скептическом подходе к складывающейся ситуации наверняка может произойти так, что одна тысячная запросто наберет вес, уплотнится, составит весомую долю в общем уровне преступности.

Вслед за скинами, пожалуй, одним из самых «буйных» и радикальных является направление футбольных фанатов. Если попытаться оценить численность общероссийского фан-движения, то она составляет примерно 45–50 тысяч человек. По конкретным командам это распределено так: «Спартак» (Москва) – около 15 тысяч, «ЦСКА» (Москва) – около 10 тысяч, «Динамо» (Москва), «Зенит» (Санкт-Петербург) – 6–8 тысяч, «Торпедо», «Локомотив» (Москва) – 3–5 тысяч, региональные команды (в сумме) – 2–3 тысячи [8].

Кроме того, у фан-движения существует огромный резерв в лице тех, кто в данный момент не является фанатом, но является ак-

тивным болельщиком. В качестве иллюстрации – ведущие российские футбольные команды ежегодно продают десятки тысяч клубных шарфов и множество другой клубной атрибутики. Таким образом, фан-движение этих команд ежегодно будет увеличиваться на несколько сотен человек, так как определенный процент из тех людей, кто покупает фанатскую атрибутику, рано или поздно станет футбольным фанатом. И все бы ничего, но фанаты несут огромную беду – массовые беспорядки, беспредел, погромы, зачастую влекущие за собой смерти и даже убийства.

Если обратиться к опыту зарубежного футбольного фанатизма, то для европейских обществ это одна из наиболее серьезных проблем, связанных с футбольными фанатами. Интересно, что обычно фанатские войны возникают в трех видах случаев. Во-первых, между фанатами команд, расположенных в одном городе. Во-вторых, между традиционными городами-соперниками. В-третьих, когда отношения футбольных команд принимают принципиальный характер. Часто случается, например, что одни и те же команды часто встречаются между собой в различных турнирах, и если их встречи проходят в напряженной борьбе, то это может способствовать ухудшению отношений между фанатами. Теоретически существует неписанный кодекс проведения фан-войн, заимствованный из западных аналогов. Во-первых, в драки не должны втягиваться простые болельщики, драться должны только hooligan's или члены фан-групп. Простые болельщики команд не должны подвергаться какой-либо дискриминации, в частности, фанаты не должны пытаться отнять их клубную атрибутику [6]. Во-вторых, во время драк запрещается использование каких-либо колющих или режущих предметов. Фанаты должны выяснять свои отношения на кулаках, без использования каких-либо подручных средств: палок, кастетов и т. д. В-третьих, запрещается какое-либо сотрудничество с органами правопорядка, запрещается «стучать».

Таким образом, субкультура фанатов оппозиционна по отношению к общей культуре общества и имеет довольно значительный потенциал агрессии. Он может значительно увеличиться в будущем за счет развития региональных фан-движений и возникновения связанных с ними потенциальных очагов напряженности, которые повлекут новые «фанатские войны». Конфликтность возникает и во взаимоотношениях с силами правопорядка, подобно событиям в странах Западной Европы.

Другими словами, и субкультура «фанатов» является значимым элементом в формировании и росте преступности в нашей стране. На основании приведенного анализа получается, что почти каждая субкультура, так или иначе, является очагом преступности,

противоправного поведения. Эту концепцию, однако, могут развеять представители эмо-культуры.

«Эмо» происходит от слова «эмоциональный». В 80-е года этим словом шутливо называли часть молодых американских панк-групп, которые играли музыку, несколько отличавшуюся от настоящего панка. Основой их звучания был всё тот же панк, но с добавлением мелодичного, «чистого» вокала. С этих пор и появляется главная черта «эмо» – излишняя эмоциональность, чувственность, лиричность. Выглядя «эмо» тоже весьма специфически. Это странные девушки с детскими причёсками, чёрными волосами, блестящими заколками и пирсингом в губах. Худые высокие парни с длинной чёлкой, закрывающей половину лица, в чёрно-белых кедах с розовыми шнурками, сумкой через плечо, увешанной коллекцией значков. Эмо также большие любители погрузиться. Часто у ребят начинаются затяжные депрессии, ненависть к жизни и окружающему миру, слёзы и печаль. Из-за этого нередко в голову приходят мысли о суициде.

А мысли – не просто отголоски сознания. Достаточно часто они находят выражение и в действиях. Случаи суицида среди эмо очень часто мелькают на страницах СМИ. В прошлом году восьмиклассница из Псковской области, увлекающаяся эмо-культурой, покончила жизнь самоубийством в заброшенном здании. Девочка была из благополучной семьи, хорошо училась, но, тем не менее, это не помогло ей справиться с нахлынувшей депрессией. В ходе обследования дома, где проживала несовершеннолетняя, установлено, что в ее личных вещах, тетрадях имеются множество записей, связанных со смертью и желанием покончить жизнь самоубийством, на стенах ее комнаты расклеены плакаты, вырезки из газет, сопровождающие символики молодежных субкультур эмо и готов.

При этом мысли о самоубийстве у эмо возникают не на пустом месте. Зачастую случается так, что неформальный лидер воздействует на несформировавшуюся психику подростка, убеждает его, что обыденная жизнь, привычные вещи и процессы в мире не приносят истинного удовольствия. Только путем самоуничтожения можно познать смысл жизни, погрузиться в вечный покой, отдаться счастью, испытать наслаждение [3].

Разумеется, на первый взгляд, эмо не составляют звено криминологической структуры, не влияют на рост преступности. Ведь суицид – это не преступление. Но с другой стороны, оказываемое давление со стороны неформального лидера, убеждение в необходимости ухода из жизни преступлением можно считать. А, значит, есть влияние и на криминологическую ситуацию. Полагаем, что данная ситуация отчасти носит характер латентной преступности,

наполненной скрытыми факторами, вытекающими, так или иначе, в понятие преступности.

Такие случаи не единичны, происходят они почти в каждом регионе, в каждом городе, возможно, на каждой второй улице. Продолжаться так не может, это понятно. Вопрос возникает лишь в том, каким образом урегулировать настроения «неформальных» подростков, какие меры следует предпринять, чтобы остановить волну насилия и самоубийств.

Конечно, целесообразно было бы ввести ряд нормативных актов, регулирующих действия молодежных субкультур. Однако законодателю здесь будет достаточно нелегко. Запретить ребятам самовыражаться чиновники не имеют права. Конституция РФ (ст. 28, 29) явно устанавливает свободу совести, мысли, слова, равно как и убеждений. Да и международные положения и конвенции не препятствуют этому. Кроме того, молодежные субкультуры на то и молодежные, что включают в себя представителей, в основном, школьного возраста. Ребята, чей возраст не превышает семнадцати лет. Эпоха переходного возраста (13–15 лет) часто и является провокатором вступления в ту или иную суб-группировку. Несмотря на то, что уголовная ответственность наступает с 16 лет, а за особо тяжкие преступления, как известно, с 14, очень часто виновниками неформальных «преступлений» являются и 12-летние подростки, и даже младшие лица. Учесть интересы ответственности для каждого здесь не очень просто. Да и судить детей, по сути, очень тяжело путем обычного судопроизводства. В данном случае просто необходим особый порядок обращения с «неформальной» молодежью.

Разумеется, исходный пункт такого обращения должен исходить из семьи. И было бы неправильно говорить о нежелании родителей заниматься своими чадами. Очень часто у тех же преступников-готов или самоубийц-эмо встречаются вполне приличные родители. Однако даже чрезмерная заинтересованность в воспитании порой оборачивается обратной стороной. Неформалы как были, так и остаются. Путь здесь следует искать в особом подходе, некоторой новизной воспитания современных детей. Родителям не стоит радикально воспринимать факт ухода ребенка в круги неформалов. По крайней мере, на первых порах. Стоит позабыть на некоторое время о советском прошлом, традициях однообразности и линейности, попытаться понять, почему ребенку стало скучно в кругу одноклассников, что побудило его принять манящие субкультурные красоты. Должен идти разговор, находиться компромиссы и уступки, а уже после этого этап контрнаступления: потихоньку, не торопясь, так, как этого требует сам ребенок.

Стоит задуматься и школе. Понятное дело, каждый учитель выступает за дисциплину и порядок на уроке, а директор требует строгой линии школьной формы. Разве понравится такая скукота взбудораженному эмо-киду. Непонимание и непризнание, в первую очередь, со стороны школы толкает неформалов к ненависти, к движению вразрез со школьными установками. А не лучше ли опять-таки задуматься? Ну пусть школьник походит разрисованный и размалеванный, пусть на фоне такого маскарада «пирсингованному» школьнику предложат провести классный час о молодежных субкультурах. Будет идти общение, поиск новых путей контакта. В конце-концов подросток сам разберется, нужна ли ему «необычная жизнь». Но разберется именно – сам – а не под давлением школы или родителей. Это не наставление и не предложение, это психология...

Нельзя также не упомянуть и о работе СМИ. Очень часто газеты одаривают подростков жареными фактами, непроверенной информацией, пафосными предположениями. Пресса провоцирует. Неплохо было бы прописать в российском законодательстве меры ответственности средств массовой информации и развлекательной индустрии, нацеленных на аудиторию моложе 16 лет. Такие меры достаточно распространены уже за рубежом. Например, в Австралии совсем недавно было объявлено об установке специальных интернетовских фильтров для защиты детей от порнографии и экранного насилия. Эти же фильтры существуют в Англии, скандинавских и других европейских странах.

Возможно, следует больше уделять внимание финансированию спортивных и культурных организаций, где ребенок мог бы проводить свободное время. Его полная занятость плаванием или рисованием (желательно на бюджетной основе) станет препятствием ухода в круги неформальных лидеров. А если бы вновь вернуть некоторое подобие пионерской организации со своим собственным уставом, правилами поведения, взаимовыручкой, помощью и поддержкой, то влиятельные субкультуры вовсе сместились бы на второй план.

Конечно, перспективы эти таятся в далеком будущем. А, может быть, и не в далеком. Исход ситуации зависит от каждого, кто заинтересован в благоприятном развитии российского общества.

Библиографический список

1. Вершинин М. А. «Современные молодежные субкультуры. URL: <http://psyfactor.org/gap.htm>
2. Вишневский Ю. Р., Шапко В. Т. Парадоксальный молодой человек // Социологические исследования. – 2006. – № 6. – С. 26.
3. Воронов В. Что нужно знать о молодежной субкультуре? // Воспитание школьников. – 2007. – № 4–5. – С. 24.

4. Гриб Н. Н. Информационно психологическая сфера как ведущее звено системы противодействия терроризму // РАЮН. Научные труды – № 4. – 2004. – С. 691.
5. Интервью министра внутренних дел Р. Нургалиева газете Известия 3.03.2006 // www.mvd.ru
6. Луков В. А. Молодежные субкультуры в современной России. – М., 2009. – С. 112.
7. Троянский С. Н. Инновационный подход к процессу формирования девиантного поведения и преступности // Российский следователь. – 2003. – № 10. – С. 14.
8. Футбол как опиум для народа // Коммерсантъ. – 2008. – № 5. – С. 57.
9. Щепанская Т. Б. Символика молодежной субкультуры. – М., 2004. – С. 176.
10. Lunden W. Statistics on Delinquents and Delinquency. – Springfield, IL: C.C. Thomas. 1964. – P. 9.

НЕОТЧУЖДАЕМОСТЬ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

А. Ю. Хворостов

**Новокузнецкий филиал-институт
Кемеровского государственного университета,
г. Новокузнецк, Россия**

Summary. Fundamental principle of a legal status of the modern person and the citizen rights and make freedom which majority have absolute character, belong to him from a birth (for their occurrence enough the fact of a birth of the person), express a natural condition of the person and make a basis of his status during all life. The given rights determine opportunities of ability to live of the person, characterize independence of the person of the state and an opportunity their use irrespective of interests of other persons. The state cannot withdraw these rights or to limit them without corresponding legal instructions. These rights are reflected in Constitutions and the international legal acts which have established universal standards of the rights and interests of the person.

Key words: inalienable (integral) rights, natural rights, human rights and the citizen, international legal standards of the rights.

Идея неотчуждаемости (неотъемлемости) прав человека была выдвинута просветителями XVII–XVIII вв. (Ж.-Ж. Руссо, Г. Гроций, Дж. Локк, Ш. Монтескье и др.), в ходе борьбы против феодальных монархий Европы и впервые была выражена в Декларации независимости США (1776 г.), а позже – в Декларации прав человека и гражданина (Франция, 1789 г.). В дальнейшем данные декларации, сохраняющие конституционное значение в своих странах, оказали огромное воздействие на конституционное развитие во всем мире.

На дальнейший генезис идей о правах и свободах человека и гражданина большое влияние оказала либерально-демократическая доктрина, которая акцентировала внимание на личностном аспекте

демократии, на незыблемости неотчужденных прав и свобод человека, на ограничении вмешательства государства в личную жизнь человека, на возможности человека обратиться с жалобой на государство и его органы в суд.

В современном правовом государстве неотчуждаемость прав является одним из основных их свойств: ни одно из провозглашенных в Конституции прав человека и гражданина не может быть изъято государством или ограничено в объёме без указания основных ограничений, а гражданин не может взять на себя обязательство перед кем бы то ни было не пользоваться своими правами, для возникновения же прав человека достаточно самого факта его рождения. Неотчуждаемые права впоследствии легли в основу концепции прав человека, определившей в конечном итоге содержание ряда важнейших международных актов: Всеобщей декларации прав человека, Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, иных международных пактов о правах человека.

В современном мире, когда проблема прав человека вышла далеко за пределы каждого отдельного государства, возникла необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов, которые являлись бы основными правами человека и перестали быть объектом только внутренней компетенции государства, а стали бы делом всего международного сообщества. Эти основные права отражены в ряде важнейших международно-правовых актов, установивших общечеловеческие стандарты прав и интересов личности.

Сегодня объём прав и свобод личности определяется не только конкретными особенностями того или иного общества и государства, но и развитием общечеловеческих ценностей и культуры, уровнем и степенью интегрированности международного сообщества: «основу идей о правах человека составляют принципы свободы, равенства, гуманизма, личной неприкосновенности и др. Проблема прав человека трансформируется в цели, устремления и жизнь людей. Её значение измеряется не только и не столько гносеологическими, сколько социально-практическими ценностями» [1].

Принятие Билля о правах человека, включающего Всеобщую декларацию прав человека (1948 г.), Международный пакт о гражданских и политических правах (1976 г.), Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах (1976 г.), Факультативные протоколы № 1 и № 2 к Международному пакту о гражданских и политических правах, внесло коренные изменения в правосубъектность человека, который становится субъектом не только внутригосударственного (национального), но и международного права.

Согласно международному праву все лица, проживающие в государстве-участнике соответствующих международно-правовых актов и на которых распространяется юрисдикция этого государства, получают возможность пользоваться правами, предусмотренными актами, без различия по признаку расы, цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального либо социального происхождения, имущественного, сословного или иного положения. Это обязывает все государства привести своё национальное законодательство в соответствие с требованиями международных правовых актов. Поэтому гражданин, права которого нарушены, может обратиться непосредственно в Комитет по правам человека при ООН, если им исчерпаны все имеющиеся внутренние средства правовой защиты (ст. 2 Факультативного протокола № 1 к Международному пакту о гражданских и политических правах).

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. так же предусматривает возможность любого человека обратиться в Европейский суд для защиты нарушенного права на тех же условиях – исчерпанности всех внутригосударственных средств защиты прав, предусмотренных национальным законодательством.

Всеобщая декларация прав человека, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод и иные международные акты о правах человека определили тот универсальный набор основных прав и свобод, который в единстве призван обеспечить нормальную жизнедеятельность индивида. Этот каталог прав формировался на основе тысячелетнего опыта борьбы за свободу и социальный прогресс.

В современных условиях под основными правами человека понимают права, содержащиеся в Конституции и международно-правовых документах по правам человека, в частности, в Международном Билле о правах человека, а также в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Европейской социальной хартии 1961 г. и позволяющие человеку свободно, независимо от государства принимать решения. При этом основные права и свободы человека определяются как объективные условия, возможности жизнедеятельности человека, без которых не может существовать сам человек, и в комплексе они характеризуют свободу личности, то есть независимость личности от государства и использование своих прав, свобод и законных интересов независимо от интересов других личностей. Любое основное право человека должно быть признано каждым государством-участником вышеуказанных актов независимо от его конституционного закрепления.

Кроме того, значительно возрастает количество нормативных правовых актов государств, регулирующих права и свободы челове-

ка и гражданина и, соответственно, количество норм в данной сфере. За последние десятилетия свобода личности расширяется, эволюция имеет чёткую направленность на расширение прав и свобод личности, на усиление их обеспеченности государством, а также на усиление обязанностей и ответственности личности.

Тенденция увеличения нормативного регулирования в области субъективных прав, многократного дублирования норм в различных правовых актах, а также появления новых субъективных прав, ранее не известных юридической науке, видимо, будет сохраняться.

Однако многократное дублирование норм, регулирующих права и свободы человека и гражданина, зачастую приводит к необоснованному усложнению нормативной правовой базы, возникновению ряда противоречий между различными нормативными правовыми актами. Это ведёт к тому, что на фоне декларирования большинства необходимых индивиду субъективных прав, человек не всегда в состоянии ими воспользоваться по причине усложнённого механизма реализации, что объясняется, как представляется, недостатками юридической техники.

Приоритет международного права по отношению к внутригосударственному в области прав человека становится общепризнанным принципом международного сообщества. Он закреплён и в Конституции Российской Федерации, которая «признаёт автономию личности, её право на невмешательство в сферу очерченной правом свободы личности, ставит заслон всевластию государства и его посягательствам на развитие свободы и индивидуальности личности» [2]. Конституция Российской Федерации, предписав, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления, одновременно установила способ обеспечения этих прав и свобод (ст. 18).

Однако развитие российского права традиционно шло при подмене или отождествлении правовых и моральных норм. В российском общественном сознании долгое время бытовало традиционное понимание права как памятника истории, представление о правах человека – как об идее-абстракции, предмете полемики, а не универсальной ценности отечественной культуры. С этим связано и то, что до настоящего времени в теоретическом и обыденном сознании россиян не произошло естественной для европейского мышления прагматизации идеала прав человека, правового государства.

До начала 90-х гг. XX в. это оставалось в России в большей степени предметом научного знания – культурологии, политических и юридических наук, философии права, а не реальной практики реформирования социальной действительности. Следствием этого

был диссонанс в общественном сознании – разрыв между нормативным и функциональным аспектами прав человека, вызванный противоречием между официальным признанием принципов правового государства и гражданского общества и отсутствием механизмов, способных последовательно проводить эти принципы. Однако, как отмечал Н. М. Коркунов: «Для того чтобы исторически выработываемая общественная культура не утратила своей жизненности, чтобы она не замерла в неподвижном застое, необходимо, чтобы цивилизация включала в себя и право, обособляющее и оберегающее индивидуальное» [3].

Современные либерализация и демократизация российского общества, вступление России в 1996 г. в Совет Европы и выполнение в связи с этим целого комплекса обязательств: реформа пенитенциарной системы, передача религиозным организациям их собственности, изменение законодательства в соответствии с международными стандартами; создание института Уполномоченного по правам человека и т. д. способствовали трансформации правовой культуры общества и политического режима государства.

Первооснову правового статуса человека и гражданина в современном мире составляют права и свободы, большинство которых носят абсолютный характер, то есть являются неотъемлемыми и не подлежащими ограничению, в них заложен потенциал тех естественных и непреходящих свойств, которые необходимы для нормальной жизнедеятельности человека и человечества в целом. Право индивида является естественным правом, присущим ему от рождения («права человека и фундаментальные свободы являются природными правами» [4]), одним из главных ценностей человеческого бытия, и в качестве таковой выступает измерителем всех процессов, происходящих в обществе, так как нарушение естественных природённых прав человека деформирует нормальное развитие общества, дегуманизирует его.

Личные права человека являются исходными, принадлежат ему от рождения независимо от того, является он гражданином государства, в котором живёт, или нет, и составляют основу его статуса на протяжении всей жизни. Эти права выражают естественное состояние человека (они проистекают из естественного права, как основы норм и принципов общепризнанных прав человека, которое включает в себя идеалы свободы, справедливости, равенства всех перед законом, признание народа в качестве единственного источника власти) и его жизненные устремления, охрана которых является одной из основных обязанностей государства. Личные права и свободы выступают в качестве эффективных инструментов самозащиты человека от давления и вмешательства извне в его частную

жизнь и внутренний мир, в их развитии и укреплении объективно заинтересовано всё общество.

На фоне повсеместного закрепления прав человека в различных нормативных правовых актах на первое место выступает проблема взаимодействия и конкуренции различных прав и свобод. В настоящее время данный аспект не урегулирован в правовом порядке, не существует иерархии прав, которая обладала бы определённой юридической силой, поэтому данный вопрос, как правило, решается на основе судебного усмотрения.

Однако право на жизнь образует первооснову всех других прав и свобод. Оно представляет собой абсолютную ценность мировой цивилизации («Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишён жизни» (гл. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах [5]), ибо все остальные права утрачивают смысл и значение в случае гибели человека. Это фундаментальное право вполне допустимо рассматривать в двух аспектах: во-первых, как право личности на свободу от любых незаконных посягательств на её жизнь со стороны государства, его представителей либо частных лиц; во-вторых, как право личности на свободное распоряжение своей жизнью.

В настоящее время совокупность прав человека имеет тенденцию к дальнейшему развитию и влияет на состояние его правового статуса. Процесс глобализации современного мира коррелируется с возрастанием значимости, своеобразия ценностей различных цивилизаций с их культурой, традициями, стремлением сохранить свою самобытность и специфику образа жизни (на фоне всеобщей глобализации сфера межгосударственных отношений активно осваивается новыми субъектами). В то же самое время, когда «мы в основном обращаем внимание на универсальный характер прав человека, в наших подходах преобладает евроцентристский подход. Однако, оценивая тенденции в развитии прав человека, следует взвешенно подходить к соотношению европейских универсальных стандартов и традиционализма, культуры, религии иных цивилизаций (индийской, исламской, африканской...)» [6].

В современном мире при возросшей миграции населения разных стран, а также в связи с развитием широких контактов в бизнесе, науке, в области культуры в каждом государстве постоянно находится население, которое по разным причинам временно не приобретает гражданства государства пребывания. Их положение определяется только статусом прав человека, который, однако, охраняется каждым государством в силу его конституции и международного права.

Права же гражданина – это своеобразное ограничение равенства между людьми, поскольку их лишают или ограничивают в правах лиц, живущих в стране, но не имеющих гражданства. Это права, которые обычно предполагают возможность участия в государственных делах, в выборах высших и местных органов государственной власти, допуска в своей стране к государственной службе, и лица, не имеющие гражданства, этих прав в данном государстве не имеют. Такая дискриминация, допускаемая международным сообществом, объясняется правомерным желанием каждого государства предоставить указанные права только лицам, устойчиво связанным с судьбой страны и в полной мере несущим конституционные обязанности. Это не означает, что лица без гражданства не несут никаких обязанностей (например, соблюдать конституцию, уплачивать налоги и др.).

В целом же права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти и обеспечиваются правосудием. Однако «права, предоставленные гражданину Конституцией, гарантированы Конституцией и международными документами, существенно важны, но не беспредельны» [7], так как «свобода не может быть ни абсолютной, ни абстрактной. Она всегда конкретна, зависит от объективных условий развития общества» [8].

Права и свободы человека и гражданина связаны с определёнными видами обязанностей: не посягать на права и свободы других лиц, уважать конституционный строй своей страны, общественную мораль. Целостность системы прав человека и гражданина обусловлена единством принципов равноправия и социальной справедливости. Государством и международным сообществом установлены (а «любой закон ограничивает в какой-то мере индивидуальную свободу» [9]) и действуют барьеры, ограничения и прямые запреты, оберегающие сферу личной свободы от противоправных и произвольных попыток её ущемления со стороны государства и иных субъектов.

Библиографический список

1. Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. – Саратов, 1996. – С. 4.
2. Гошуляк В. В. Теоретико-правовые проблемы конституционного и уставного законодательства субъектов Российской Федерации. – М., 2000. – С. 143.
3. Коркунов Н. М. Общественное значение права. – СПб., 1892. – С. 76.
4. Робинсон М. Реальное осуществление прав человека. Российский бюллетень по правам человека. – 1998. – № 10. – С. 5.

5. Права человека. Международный билль о правах человека. Организация Объединённых Наций. – Нью-Йорк, 1998. – С. 7.
6. Лукашева Е. А. Права человека: итоги века, тенденции, перспективы // Государство и право. – 2001. – № 5. – С. 89.
7. Исаков В. Б. Правомерное и неправомерное ограничение прав человека в законотворческой практике России // Теория и практика ограничения прав человека по российскому законодательству и международному праву: сб. научных трудов. – Ч. II. – Т. I. – Н. Новгород, 1999. – С. 5.
8. Государственное право буржуазных и освободившихся стран: учебник / отв. ред. Ильинский И. П., Энтин Л. М. – М., 1988. – С. 228.
9. Хайек Ф. Дорога к рабству // Вопросы философии. – 1990. – № 11. – С. 124.

ЧЕТВЁРТОЕ И ПЯТОЕ ПОКОЛЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА. ЛЮБОВЬ

С. И. Ивентьев

Завод строительных конструкций, г. Казань, Россия

Summary. The fourth and fifth generations of human rights based on Lovewere discovered in Russia. Love is the main eternal human value.

Key words: love, man, human rights, values.

Как справедливо отмечает М. А. Супатаев, в правовом государстве право должно быть нравственным и содержать духовно-нравственные начала [1, с. 11]. Данные потребности человеческой цивилизации нашли своё воплощение через открытие и введение в юриспруденцию совсем новых поколений прав человека (четвёртое и пятое поколение).

Конец XX века ознаменовался объединением этики и юриспруденции [2, с. 107–109], связанного с открытием в России четвёртого поколения прав – духовно-нравственных прав и свобод человека и гражданина, которые провозгласили и провозглашают духовные и нравственные ценности личности [3, с. 47–49; 4, с. 199–203; 5, с. 87–92].

Духовно-нравственные ценности человечества базируются на нормах морали (нравственности) и религии, которые затрагивают фактически все сферы жизнедеятельности человека (духовная и интеллектуальная).

К четвёртому поколению прав относятся право на жизнь, уважение духовного и нравственного достоинства человека, запрет пыток и бесчеловечного обращения, право на творчество, право выбора, свобода совести и вероисповедания, право на духовное образование и воспитание, право на благоприятную окружающую среду и др.

Благодаря духовно-нравственным правам и свободам человека и гражданина в юридическую науку были введены понятия «дух», «душа», «пространство души», а также «духовное пространство», которые приобрели также правовую природу [1, с. 107–109; 6]. В данном случае можно констатировать единство религии, науки и морали [7, с. 388–389].

В начале XXI века в России было провозглашено и введено в юридическую науку пятое поколение прав – Божественные права и свободы, основу которых составляют Любовь, Божественная информация и энергия [5, с. 87–92; 9, с. 373–377; 11, с. 129–131].

К пятому поколению прав относятся такие права, как право на Любовь, Вера и любовь к Богу, единство с Творцом, право на рождение в Любви, право на информацию и управление энергией, право на управление пространством и временем, право на развитие энергетической мощи своей души и своих энергооболочек, право на Сотворчество и совершенствование окружающего мира и другие права, которые вытекают из Любви и Божественной энергии.

В связи с открытием четвёртого и пятого поколений прав человека, Любовь в России была признана главной общечеловеческой ценностью [8, с. 373–377; 9, с. 129–131], которая является по сути своей вечной [10, с. 286–291].

Следует отметить, что Любовь стали относить не только к нравственной и духовной категориям (религиозной и философской), но и к правовой (юридической) категории.

Л. В. Грицай относит Любовь к основной культурной и духовной ценности [13, с. 165–167].

В соответствии со статьей 3 Основ законодательства России о культуре [11], четвёртое и пятое поколения прав человека, и закрепляемые ими ценности относятся к культурному наследию и достоянию народов России.

Любовь как общечеловеческая ценность и национальная идея страны была уже заложена в Конституцию России, из преамбулы которой следует, что наши предки передали нам такие ценности, как Любовь, а также уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость [12].

Согласно статье 1 Семейного кодекса России семейное законодательство исходит из необходимости построения семейных отношений на чувствах взаимной любви и уважения, взаимопомощи и ответственности перед семьёй всех её членов [14].

Семейное законодательство на уровне семьи раскрыло сущность любви как основного источника построения человеческих отношений. Основы любви и нравственного отношения друг к другу заложены фактически во всех основных мировых религиях.

С учётом открытия четвёртого и пятого поколений прав человека, была принята Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека от 23. 11. 2010 г. [15], которая относится к одному из источников права, носящего всемирный и надгосударственный характер [16, с. 254–257]. В народе указанную Декларацию назвали Декларацией Любви.

В связи с открытием и провозглашением четвёртого и пятого поколений прав человека Любовь стала не только духовной, но и главной правовой ценностью [17].

Библиографический список

1. Супатаев М. А. Свобода и справедливость в российском праве (цивилизационный аспект) // Государство и право. – № 4. – 2010. – Апрель. – С. 5–11.
2. Ивентьев С. И. Союз этики и юриспруденции // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом. – № 7. – 2010. – С. 107–109.
3. Ивентьев С. И. Четвёртое и пятое поколение прав человека // Гуманитарные науки: сборник научных трудов. – Часть II. – Караганда: Издательство КарГУ, 2010. – С. 47–49.
4. Ивентьев С. И. Классификация прав человека и гражданина // Казанская наука. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом. – № 3. – 2010. – С. 199–203.
5. Ивентьев С. И. Пятое поколение прав человека. Энергия Любви. // Современность и психолого-педагогические науки. Современность и лингвистические науки. Современность и юриспруденция. Сборник материалов I Всероссийской научно-практической Интернет-конференции / под общ. ред. В. С. Курчеева и Т. В. Сидориной. – Новосибирск: ЦПИ – Издательство СИБПРИНТ, 2010. – С. 87–92.
6. Ивентьев С. И. Философия и право: сфера духа. – Казань. 2010. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/editors/i/iwentxew_s_i/
7. Ивентьев С. И. Троиединство прав человека: религия, наука и мораль // Церковь в истории и культуре России: сборник материалов Международной научной конференции. Киров (Вятка), 22–23 октября 2010 г. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2010. – С. 388–389.
8. Ивентьев С. И. Общечеловеческие ценности: четвёртое и пятое поколение прав человека // Система ценностей современного общества. Сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 373–377.
9. Ивентьев С. И. Любовь как вселенская и общечеловеческая ценность // Социально-гуманитарное знание: поиск новых перспектив: сборник статей IV Международной научно-практической конференции. – Пенза: Приволжский Дом знаний, 2010. с. 129–131.
10. Ивентьев С. И. Любовь как вечная общечеловеческая ценность // Система ценностей современного общества: сборник материалов XVI Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 286–291.
11. Основы законодательства РФ о культуре // Российская газета. – № 248. – 17. 11. 1992.
12. Конституция РФ // Российская газета. – 25. 12. 1993.

13. Грицай Л. В. Любовь как основная культурная и духовная ценность человека // Система ценностей современного общества: сборник материалов XII Международной научно-практической конференции / под общ. ред. С. С. Чернова. – Новосибирск: Издательство НГТУ, 2010. – С. 165–167.
14. Семейный кодекс РФ // Российская газета. – № 17. – 27. 01. 1996.
15. Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека от 23. 11. 2010 г. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/editors/i/iwentxew_s_i/deklarazia.shtml
16. Ивентьев С. И. Декларация Божественных и духовно-нравственных прав и свобод человека как источник права // Казанская наука. – № 10. – 2010 г. – Казань: Изд-во Казанский Издательский Дом, 2010. – С. 254–257.
17. Ивентьев С. И. Современные духовно-правовые ценности. – Казань, 2011. [Электронный ресурс] – режим доступа: http://zhurnal.lib.ru/editors/i/iwentxew_s_i/sovr-1.shtml

К ВОПРОСУ О ПРИРОДЕ СОЦИАЛЬНЫХ ПРАВ ЛИЧНОСТИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА ПО ИХ ОБЕСПЕЧЕНИЮ

С. С. Олейникова

**Волгоградская академия государственной службы,
г. Волгоград, Россия**

Summary. This article analyzes the characteristics of the social rights of the individual in a modern state. The author explores the role of government in the recognition and implementation of social rights. The article contains a description of social rights stipulated in the legislation of foreign countries and Russia.

Key words: social rights, socio-economic rights, the welfare state.

Проблема социальных прав личности традиционно является актуальной, представляет интерес для исследователей. Это связано с особой ролью, которая отводится правам человека в демократическом, социальном государстве. Фактически, по общему признанию, права и свободы человека в их современном виде есть международно-правовой стандарт, идеал, на который должно ориентироваться законодательство отдельных стран, закрепляющее правовое положение своих граждан [1]. Конституция Российской Федерации в ст. 17 признаёт и гарантирует права и свободы человека и гражданина: «Основные права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Согласно ст. 18 «права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [2]. Права человека по своему характеру и времени возникновения традиционно делятся на три положе-

ния. К правам первого поколения, провозглашённым в ходе ранних буржуазных революций, относятся гражданские и политические права. Второе поколение прав включает социальные и экономические (иногда их рассматривают в комплексе как социально-экономические) права. Третье поколение прав иногда называют коллективными или солидарными. К ним относятся, например, право на мир, развитие, на разоружение.

В системе прав человека и гражданина социальные права занимают особое место. Наличие социальных прав у человека предполагает определённые возможности удовлетворения его жизненных потребностей, достойной жизни и свободного развития, гарантированных государством. Они касаются поддержания и нормативного закрепления социально-экономических условий жизни индивида, определяют положение человека в сфере занятости, труда и быта, социальной защищённости и благосостояния [3].

Социальные права отличаются по своей природе и механизмам защиты от прав гражданских и политических. Это связано, в первую очередь, с ролью государства в признании и обеспечении социальных прав. Гражданские и политические права по своему характеру относительно государства являются ограничительно-запретительными. Это предполагает отсутствие вмешательства государства при реализации этих прав гражданами. Государство при этом должно лишь обеспечивать защиту этих прав. Что касается социальных прав, здесь государство не может только воздерживаться от вмешательства в социальную сферу, поскольку реализация социальных прав предполагает активную деятельность государства по обеспечению гражданам достойного уровня жизни [4]. То есть социальные права человека и гражданина выполняют гарантирующую функцию по отношению к личным правам и свободам, в частности, по отношению к праву на жизнь, достоинство и личную свободу.

В советский период социальные и экономические права оценивались неоднозначно. Считалось, что социальные и экономические права не могут быть точно определены и гарантированы, и следовательно, не порождают обязанностей государства по их обеспечению и правовой защите. Такой подход к социально-экономическим правам имел идеологическую основу. По словам Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации В. П. Лукина, «в исторически не столь далёкие советские времена социально-экономические права человека были объектом острой идеологической полемики между социализмом и капитализмом. Страны социализма рассматривали эти права как основополагающие и первичные, а западные демократии, напротив, настаивали на их в лучшем случае вторичности. Идеологическая полемика ушла в

прошлое, но вопрос о месте социально-экономических прав в общей иерархии прав и свобод человека сохраняет свою актуальность. По крайней мере для стран, которые, подобно России, еще далеко не завершили процесс коренных экономических и политических преобразований» [5]. Но даже после признания социальных и экономических прав в качестве основных прав личности их равноценность с гражданскими и политическими правами отрицалась.

В последующий период наблюдается постепенное осознание необходимости и важности нормативного закрепления социальных прав граждан. Международно-правовые основы социальных прав содержатся в положениях Устава ООН (1945 г.), Всеобщей декларации прав человека (1948 г.), Европейской социальной хартии (1961 г.), Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах (1966 г.), и др. [5]. В соответствии с Конституцией РФ к основным социальным правам человека и гражданина относятся: право на труд и отдых (ст. 37); право на материнство и детство (ст. 38); право на социальное обеспечение (ст. 39); право на жилище (ст. 40); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41); право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о её состоянии и на возмещение ущерба, причинённого здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42); право на образование (ст. 43) [6].

Социальные права конкретизируются в федеральных конституционных законах, федеральных законах, указах Президента Российской Федерации, постановлениях Правительства Российской Федерации. В указанных нормативных правовых актах регламентируются социальные права как граждан в целом, так и отдельных категорий.

В настоящее время, когда наша страна находится в процессе построения социального государства, реализация государством социальных прав личности в их полном объёме становится одной из основных проблем, от успешности решения которой зависит уровень жизни каждого россиянина.

Библиографический список

1. Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. – Волгоград: ВЮИ МВД России, 1997. – С. 11.
2. Конституция Российской Федерации // Российская газета. – 2009. – 21 января. – № 4831.
3. Елисеев Б. П., Аристов А. Е. Трансформация концепции социальных прав в Российской Федерации: обеспечение экономической реформы и соблюдение конституционно закреплённых социальных прав // Юрист. – 2004. – № 12. – С. 6.
4. Алёнкина Н. Б. О месте социальных прав в системе прав человека // Современное право. – 2004. – № 9. – С. 21.

5. Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2006 год // Российская газета. – 2007. – 13 апреля. – № 4143.
6. Нелюбина Е. В. Понятие и место социальных прав в системе прав человека и гражданина // Государство и право. – 2009. – № 8. – С. 101–102.

МЕХАНИЗМ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ, СВОБОД И ИНТЕРЕСОВ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Н. А. Самбор

**Прилуцкий ГО УМВД Украины в Черниговской области,
г. Прилуки, Украина**

Summary. In this article the author examines the mechanism of realization of rights, freedoms and interests of individuals and citizens. Focuses on the mechanism of realization of the rights, freedoms and interests rather than on the mechanism of protection and enforcement of rights, freedoms and interests of the individual. We consider international and national mechanisms for the implementation of rights, freedoms and interests of individuals and the citizen. Advocated the idea of necessary regulatory mechanism for securing the rights, freedoms and interests of the individual so that a formal opportunity to exercise their rights and freedoms has become a reality for everyone.

Key words: rights, freedoms and interests of individuals and citizens, mechanism of realization.

Права человека всегда вызывали особый интерес, поскольку неотъемлемо связаны с жизнью всех и каждого, их возможностями реализовать себя в той или иной отрасли деятельности. Не зря проблема прав и свобод человека выходит на первое место не только в национальном законодательстве, но и приобретает международное звучание. Именно права и свободы человека в нынешнем обществе определяют направленность государства, пути развития мирового сообщества. Научные труды в отрасли исследования прав и свобод человека и гражданина позволили сформировать теории трёх поколений прав человека, необходимости их нормативно-правового закрепления на самом высшем государственном уровне (в национальных конституциях либо же в декларациях, которые несут методологически концептуальную нагрузку для развития всего законодательства страны в сфере прав и свобод человека), а также находят себя в программных документах развития мирового порядка: Общей декларации прав человека, Международных пактах и т. д. Однако большинство упомянутых выше законодательных нормативно-правовых актов засвидетельствуют наличие соответствующих прав у того или иного человека. Таким образом, происходит формальное закрепление определённых возможностей человека, которые имеют декларативный характер. На наш взгляд, засвидетельствование гос-

ударством в нормативно-правовых актах наличия у его граждан определённых возможностей, независимо от того позитивные ли это права и свободы или же негативные, касающиеся бытия человека или же связанные с реализацией его способностей в той или иной отрасли народного хозяйствования, далеко не есть идеал правового государства, гражданского общества. Наряду с признанием наличия у человека прав и свобод государство, общество должны создать условия, которые позволят человеку полноценно пользоваться своими правами и свободами, реализовывать свои интересы, при условии отсутствия прямого запрета. Для этого необходимы механизмы реализации прав, свобод человека и гражданина.

Вследствие вышеупомянутого, целью нашей статьи является исследование механизма реализации прав и свобод человека, который должен обеспечить полноценную реализацию прав и свобод личности, обеспечение таких условий, при которых каждый человек потенциально может воспользоваться любым своим правом, формализованным в нормативно-правовых актах.

Большинство научных работ, посвящённых данной тематике, рассматривают вопросы, связанные с охраной и защитой прав, свобод, интересов человека и гражданина. Без сомнения, никак нельзя умалить результаты проведённых исследований, как их теоретический базис, так и практическую роль. Однако охрана и защита прав, свобод и интересов человека и гражданина – есть последствие, следствие наличия определённых препятствий на пути их реализации.

Права человека – это субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закреплённые в конституциях, международно-правовых актах и законах. Однако, как справедливо указывает Е. Лукашева, закрепление того или иного субъективного права в законодательстве должно означать реальную возможность индивида свободно пользоваться определённым благом в границах и в порядке, обозначенных в законе [6, с. 229].

Как утверждает С. Шевчук, для реализации «негативных прав» не нужны «позитивные» действия государства, направленные на создание условий для реализации этих прав. В XX веке на повестку дня вышли права второго поколения – позитивные права. Хотя разница между негативными и позитивными правами очень условная, все-таки можно обозначить, что негативные права рассматриваются как права быть свободными от государства, в то время как позитивные права требуют активных государственных действий в основном финансового характера по отношению к их реализации [7, с. 56–57].

Обеспечение прав и свобод личности, как специфическая деятельность по обеспечению им реального и постоянного характера

предусматривает создание определённых условий, при которых реализация прав и свобод личности будет беспрепятственной и максимально эффективной, их охрана осуществляется с целью предупредить наименьшую возможность их нарушения, а защита от совершённого правонарушения содействует их возобновлению и привлечению виновного лица к ответственности [4, с. 30].

В каждом государстве ... права человека закрепляются в первую очередь в конституции или специально посвящённой им декларации. В текущих законах и подзаконных юридических актах предусматриваются процедуры, механизмы реализации и защиты... прав человека, закреплённых в конституции [2, с. 55]. Таким образом, логическим выводом данного тезиса является обоснование формирования механизма реализации прав, свобод, интересов человека и гражданина в действующем законодательстве. Рассмотрим пример, когда гражданский кодекс Украины [8] в ст. 1177 указывает на то, что имущественный вред, нанесённый имуществу физического лица возмещается государством, если не установлено лицо, совершившее преступление либо оно неплатежеспособно. Таким образом, исходя из вышеупомянутой цитаты, что в законодательстве предусматриваются механизмы реализации прав, закреплённых в Конституции (в данном случае Конституции Украины [9]), а именно ст. 41 Конституции Украины указывает на то, что каждый имеет право владеть, пользоваться и распоряжаться своей собственностью, никто не может противоправно быть лишённым права собственности, Закон, коим является Гражданский кодекс Украины, не предусматривает механизма реализации прав человека, а лишь расширяет их, при этом оставляет вне внимания именно механизм его реализации. Каким же образом будет иметь место возмещение вреда, причинённого преступлением, государством. Исходя из действующего законодательства механизм реализации права на возмещение вреда за счёт государства отсутствует. Таких примеров можно привести множество.

В то же время существенное распространение приобрели исследования механизма защиты прав, свобод и интересов человека и гражданина.

Значительное число работ посвящены проблемам эффективного механизма защиты прав человека [3], хотя назвать их единичными невозможно. Отдельные аспекты механизма защиты прав человека исследовали и продолжают исследовать юристы. Хотелось бы остановиться на том, что, например, М. Аракелян и Н. Узун, указывают на то, что государство должно создать условия доступности получения правовой помощи населением и обеспечить на уровне закона предоставления бесплатной правовой помощи гражданам, которые

не имеют средств обратиться к адвокату, поскольку, не имея возможности получить необходимую правовую помощь, граждане практически не в состоянии защищать свои права в суде [3, с. 21].

В юридической литературе отличают социально-экономические, политические и юридические гарантии прав и свобод человека и гражданина. Социально-экономические гарантии предусматривают наличие соответствующей среды и материальной основы, которые бы обеспечивали реализацию прав, свобод и обязанностей. Под политическими гарантиями понимают соответствующим образом ориентированную политику государства, её направленность на формирование условий по обеспечению соответствующего уровня жизни человека; стабильность политических структур; соответствующий уровень политической культуры в обществе. Юридические (специальные гарантии) охватывают все правовые средства, которые обеспечивают реализацию прав, свобод и обязанностей человека и гражданина. При этом различают внутригосударственные и международно-правовые гарантии прав и свобод человека и гражданина. [5, с. 132].

Среди международных механизмов защиты прав человека выделяют: 1) международные органы, которые действуют в рамках договоров по правам человека, состоят из независимых экспертов или представителей правительств и принимают общие рекомендации; 2) международные несудебные органы контроля за исполнением договоров по правам человека, которые состоят из экспертов как специалистов и принимают конкретные рекомендации, обязательность которых базируется на моральном авторитете международного органа; 3) международные юрисдикционные органы несудебного или судебного характера по защите прав человека, которые выносят обязательные решения и могут обеспечить исполнение этих решений [1].

Естественно, найдутся последователи того, что существующая триада – права – обязанности – юридическая ответственность, уже представляют собою некий механизм реализации прав и свобод человека. Опровергать это никак нельзя, хотя обязанности и ответственность не столько есть механизмом реализации прав, свобод и интересов, сколько играет системную роль в обеспечении правопорядка как необходимого условия формальной возможности реализовать то или иное право. На наш взгляд, механизм реализации должен играть не формальную роль закрепления прав, а действительную сторону практической возможности, а не потенцию.

Однако нельзя оставить без внимания структуру субъективного права, а именно право на собственные действия, правомочие на чужие действия (правоисполнение), право притязания (право на за-

щиту), которые так же необходимо учитывать при построении механизма реализации.

В то же время существующие взгляды на механизм реализации, определяют отдельные стадии (этапы) реализации субъективных прав, а именно: стадия правового статуса, стадия правового модуса, стадия конкретного правового отношения [10, с. 51]. Такой подход к реализации прав, свобод и интересов человека и гражданина раскрывает путь от формального закрепления прав, свобод, интересов личности к потенциальной возможности реализации того или иного права, интереса.

В связи с этим, на наш взгляд, юридические гарантии следует классифицировать на нормативные (те, которые находятся в тексте нормативно-правовых актов), структурно-технические (те, которые связаны с деятельностью человека).

С нашей точки зрения наряду с этим, к внутригосударственным гарантиям прав и свобод необходимо относить:

1) построение нормативного материала, в котором находят закрепление права, свободы и интересы человека таким образом, чтобы каждый человек мог воспользоваться законодательно закреплённой возможностью;

2) государство и общество должны обеспечить условия для реализации этой возможности. Камнем преткновения для реализации прав, свобод и интересов человека не должны быть какие-либо права государства (за исключением обороны, поддержания общественного порядка);

3) декларирование прав, свобод и интересов человека и гражданина должно логично находить продолжение в построении механизма их реализации. Такой механизм также должен быть юридически закреплённым и прописанным в законодательстве. Иначе принципы свободы, равенства и справедливости, на которых держится право, пошатнутся, ибо то, ради чего призван Закон, будет лишь росчерком пера на бумаге, а не постулатом деятельности.

На наш взгляд, необходимо принять законодательный акт, в котором будут определены концептуальные подходы к реализации прав, свобод и интересов граждан. Для построения данного Закона необходимо осмыслить общее понимание прав разных субъектов, определить соотношения прав и свобод разных субъектов общества; уяснить способно ли исследуемое быть средством, инструментом реализации прав и свобод или же оно есть само правом.

Подытожив сказанное, необходимо обратить внимание на то, что механизм реализации прав, свобод и интересов человека и гражданина остаётся актуальным предметом научных исследований. Решение задачи, связанной с формированием действенного

механизма реализации решит многие вопросы, в том числе вопросы практического пользования своими правами каждым человеком.

Библиографический список

1. Донеллі Дж. Права людини у міжнародній політиці. – Львів: Кальварія, 2004. – 280 с.
2. Борисенко А. Роль міжнародно-правових норм як джерел правового регулювання економічних прав громадян // Право України. – 2006. – № 5. – С. 53–57.
3. Аракелян М., Узун Н. Забезпечення конституційного права людини на захист прав і свобод судом // Право України. – 2006. – № 3. – С. 19–21.
4. Волинка К. Забезпечення прав і свобод особи в Україні: теоретичні і практичні аспекти // Право України. – 2000. – №11. – С. 30–33.
5. Кравченко В.В. Конституційне право України: навчальний посібник. – [2-ге вид., доп.]. – К.: Атыка, 2002. – 480 с.
6. Проблемы общей теории права и государства: учебник для ВУЗов / [Варламова Н. В., Лазарев В. В., Лапаева В. В. и др.]; под общ. ред. В. С. Нерсисянца. – М.: Норма, 2004. – 832 с.
7. Шевчук С. Концепція позитивних обов'язків держави у практиці Європейського суду з прав людини // Право України. – 2010. – № 2. – С. 55–64.
8. Цивільний кодекс України: за станом на 31 травня 2007 р. / Верховна Рада України. – Офіц. вид. – К.: Парлам. вид-во, 2007. – 288 с.
9. Конституція України: за станом на 16 квітня 2008 р. / Верховна Рада України. – Офіц. вид. – К.: Парлам. вид-во, 2008. – 45 с.
10. Толкачев К. Б., Хабибулин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан: монография. – Уфа: Уфимская высш. школа, 1991. – 168 с.

ГАРАНТИИ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРАВА НАСЛЕДОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

А. Г. Запорожцев
Саратовский юридический институт МВД России,
г. Саратов, Россия

Summary. The article discloses the realization of constitutional rights on private property and its hereditability granted by the Russian Federation Constitution. The author attracts the attention to the question of formation and the meaning of law of succession institution. The soviet period and modern stages of development are analyzed.

Key words: state, Russian federation constitution, hereditability, rights and liberty, guarantees, citizen.

В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным прин-

ципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией (ст. 17).

Государство может уважать и гарантировать права человека, а так же чрезмерно ограничивать либо полностью их подавлять, но лишить человека принадлежащих ему с момента его рождения основных прав оно не может.

На всём протяжении развития человека закон регулирует отношения, которые возникают во время перехода имущества от умершего лица к его правопреемникам. Исторически так сложилось, что институт наследования относится к одному из самых древнейших, потому что его зарождение и дальнейшее развитие проходили параллельно с развитием человеческого общества.

Следует отметить, что в период становления советской власти государство стало обладать монополией в области осуществления имущественного преемства, тем самым прямо или косвенно ограничивая права людей в данной сфере общественных отношений.

В советский период весьма выражено проявлялась ориентация на лидирующую роль государства в предоставлении социально-экономических прав человеку. Конституционные нормы того времени выражали право собственности государством, хотя формально провозглашались общенародными.

В отличие от конституции советского периода с её весьма обширными ограничениями, в содержание Конституции РФ 1993 г. было включено признание частной собственности. Вместе с частной собственностью Конституция РФ закрепляет и гарантирует право наследования (ст. 35).

Наследование самым тесным образом взаимосвязано с институтом частной собственности. Под наследованием понимается переход имущества умершего физического лица (наследодателя) к наследникам. Наследование осуществляется по завещанию и по закону.

Наследование занимает определённое место среди иных гражданско-правовых институтов, которым уделено внимание в Конституции РФ.

Современная реформа наследственного права в России также обусловлена историческими обстоятельствами, изменяющими политические, экономические, социальные и духовные устои российского общества. В этом смысле она составляет необходимую часть обновления всей правовой системы России, призванной соответствовать задачам и перспективам коренного реформирования экономики, государства и общества [1].

В настоящее время отказ от глобального огосударствления экономики, признание факта необходимости на частную собствен-

ность и соответственно её наследование, в основе которой лежит экономическая заинтересованность и ответственность человека привели к изменению роли государства в реализации экономических прав и свобод личности.

В ч. 2 ст. 35 Конституции РФ предельно ясно определена позиция государства, целью которого является различное поощрение и развитие частной собственности. Являясь неотъемлемой частью развивающегося гражданского общества и материальной базой рыночного хозяйства, имущество граждан возникает и приобретает посредством доходов от участия в производстве, ведения подсобного хозяйства, а также приобретения имущества по наследству. Вместе с тем осуществление права собственности не должно нарушать права и законные интересы других лиц.

Развитие рыночных отношений не должно снимать ответственность государства по созданию условий, которые будут обеспечивать достойную жизнь и свободное развитие человека.

Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию социальным государством. Таким образом, в функции государства входит охрана социально-экономических прав человека и гражданина.

Исходное начало действующего конституционного и текущего законодательства – *признание человека, его прав и свобод высшей ценностью*. Государство уже не рассматривается как ассоциация, охватывающая всё общество, как «самая массовая организация трудящихся». Оно трактуется как представитель общества, который несёт перед ним, перед гражданами, перед отдельным человеком определённые обязанности и ответственность, прежде всего обязанность признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина [2].

Гражданин вправе обратиться в Конституционный Суд РФ с жалобой на неконституционность отдельных положений закона, относящихся к его делу, и ущемивших его права, а также закон, который будет применяться и может нарушить эти самые права.

За последние 20 лет в России произошли глобальные изменения, многие граждане стали собственниками земельных участков, домов, квартир и т. д. Появилась определённая прослойка лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, таким образом увеличилось количество обращений граждан к нотариусам для удостоверения составленных завещаний.

Имущество на протяжении времени всегда было тесно взаимосвязано с бытом населения, являлось базисом его благосостояния и выступало участником отношений социально-экономического характера.

Статья 45 Конституции РФ гарантирует государственную защиту прав и свобод человека и гражданина. Для нашей повседневной

жизни важно не только провозглашать права и свободы, но и обеспечить их фактическое осуществление.

Конституционным правам и свободам корреспондируют соответствующие обязанности государства. Эта обязанность находит своё юридическое выражение в виде записанных в законе гарантий, т. е. условий и средств, которые создаёт и предоставляет [3] Российская Федерация своим гражданам для реализации ими естественных прав.

Естественные права человека никоим образом не зависят от их признания самим государством. Как пишет Е. А. Лукашёва, «идея естественных прирождённых прав человека призвана была поставить заслон всевластию государства, препятствующего развитию свободы, индивидуализма и автономии личности, и заложила основы правового государства» [4].

Государство должно гарантировать охрану и защиту наших прав и свобод, устранить препятствия, которые мешают использовать эти права.

Гарантиями прав и свобод мы называем меры, направленные на обеспечение практического их осуществления и защиту [5].

Конституция Российской Федерации 1993 г. впервые ограничила роль государства в установлении прав человека и гражданина, но значительно повысила роль и ответственность государства в обеспечении соблюдения и защиты этих прав и свобод. Конституция исходит из того, что государство не дарует, но предоставляет людям их основные, т. е. конституционные права и свободы [6].

Положения Конституции РФ, закрепляющие право наследования, являются своего рода фундаментом, на основании которого опираются нормы и институты наследственного права.

Можно сделать вывод о том, что за всю историю развития института наследования на современном этапе в Российской Федерации возникают наиболее благоприятные условия в сфере осуществления прав на какое-либо имущество, переходящее в порядке наследования.

Библиографический список

1. Чепига Т. Д. Идеология и проблемы реформы наследственного права России. // Наследственное право. – 2007. – № 2.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2005. – С. 235.
3. Л. Д. Воеводин. Юридические гарантии конституционных прав и свобод личности в социалистическом обществе. – М.: Издательство Московского университета, 1987. – С. 14.
4. Права человека: учебник для вузов / под ред. Е. А. Лукашевой. – М., 1998. – С. 22.

5. Мирошникова В. А. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», Издательство ЭКСМО, 1997. – С. 42.
6. Комментарий к Конституции Российской Федерации / общ. ред. Ю. В. Кудрявцева. – М.: Фонд «Правовая культура», 1996. – С. 20.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ДЕМОКРАТИЯ

Л. М. Нгаламулуме
Воронежский государственный университет,
г. Воронеж, Россия

Summary. The article is devoted to the study of the similarities and differences between the doctrine of human rights and political doctrine of democracy in their definition and implementation. The article studies the views and differences of various authors on this subject.

Key words: human rights, democracy, civil, legal rights, natural rights.

Мы знаем, что доктрина прав человека, определяя права как атрибуты, присущие человеческой природе, представляет человека как самодостаточный феномен. «Фундаментальные права человека», – по мнению Карла Шмитта, – «являются только либеральными правами человека, которые присвоены ему как личности» [1].

По общему мнению, борьба за права человека часто представлена как один из аспектов борьбы за демократию. «Полная демократизация Европы провозглашена в марте 1990 года Хавьером Пересом де Куэльяром, бывшим Генеральным секретарём Организации Объединенных Наций. Была подтверждена Всеобщая декларация прав человека». Такое же мнение разделяют Фрэнсис Фукуяма и многие другие авторы. С этой точки зрения демократия и права человека должны развиваться вместе. Оба термина не могут противоречить друг друга. Они становятся почти синонимами [2].

Такое мнение, тем не менее, неоднократно оспаривали. Задавая себе вопрос о связи между демократией и правами человека, Жюльен Фройнд сказал, что она «Не так очевидна». Их сопоставление, – пишет Жан-Франсуа Кервеган, является тем не менее «проблематическим» [3]. Мириам Револьт добавила, что они совсем не совпадают [4], и не стоит себя спрашивать, почему. Одной из причин является то, что демократия является политической доктриной, в то время как права человека являются правовой и нравственной доктриной, и то, что эти две доктрины не сочетаются спонтанно. Как политический режим демократия стремится естественно к ограничению того, что не является демократическим и, более широко – того, что не является политическим [5]. Теория права, напро-

тив, стремится к ограничению политических прерогатив. Но прежде всего обе теории не имеют единого сюжета.

Идеология прав человека признаёт только лиц, носящих абстрактные качества, унаследованные от природы, а демократия признает только граждан. Но даже если она использует ту же юридическую риторику, говорит о законных правах граждан (равенство перед законом, свободу ходатайства, равное право голоса и участие в голосовании, равный доступ к государственной службе и т. д.). Это принципиально отличается от прав человека, потому что это не является атрибутами человека как существа, но лишь способностями, связанными не только с системой, определённым политическим режимом (демократия), но также определяющими принадлежность к конкретному членству (определённое политическое сообщество) [6]. Теория прав человека без разбора даёт право голоса всем, так как они являются людьми («один человек, один голос»), тогда как демократия даёт право голоса только гражданам, но отказывается его предоставить негражданам. «Демократические права граждан», – пишет Карл Шмитт, – «не предполагают присутствия индивидуального свободного человека в государстве, находящегося в состоянии «свободы», но присутствие гражданина в государстве [...] Поэтому они имеют по существу политический характер» [7].

Согласно одной из точек зрения, «проблема прав человека касается индивидуального основания – проблемы естественных прав человека – которые неизбежно входят в противоречие с суверенитетом» [8]. Это противоречие может иметь два аспекта. С одной стороны, международное право было основано на теории прав человека. А право на вмешательство влечёт за собой ограничение суверенитета государств и народов, и тем самым в любом демократическом государстве ограничивает народный суверенитет. С другой стороны, условия, при которых была сформулирована теория прав человека, приводят к тому, что голосование само по себе может быть признано суверенным, только если это не противоречит оговорённым условиям.

Определение демократии, как режима, который уважает человеческое право, то есть сводит его к либеральной демократии, является до сих пор спорным вопросом [9], но политически очень выгодным, так как можно оспорить любое демократическое решение, противоречащее идеологии прав человека. Жан-Фабьен Шпиц находит, однако, такой подход также противоречивым, потому что утверждать, что права лиц зависят от разума и природы, но исключить их от обсуждения разумными существами, является по сути уничтожением их рациональной основы [10].

«Мы ничего конкретного не можем сказать о политике в области прав человека», – пишет Клод Лефорт, – «пока не увидим, имели ли эти права сугубо политический смысл». В 1980 году в одной статье Марселем Гоше было конкретно указано, что «права человека не являются политикой» [11]. В ней он даёт такое определение: «наибольшая опасность, которую содержит возвращение к праву человека – попасть в тупик от мыслей человека, направленных против общества, поддаться старым иллюзиям, что мы можем опираться на индивида, на личность, на её требования и права, чтобы вернуться к обществу [12]. «Права человека», – заключил он, – «не являются политикой, поскольку они не позволяют контролировать всё общество. Они могут стать политикой, только если мы научимся признавать и получим средства для преодоления динамики индивидуализма» [13]. Двадцать лет спустя Гоше опубликовал новую статью, в которой он поднимает и углубляет эту проблему [14].

Но очевидно, что если мы признаем, что защита прав человека требует утверждения политики, то, нападая на политику, путём уменьшения её прерогативы, теория права подрывает основы введения её в действие. Человек может иметь права только в политических рамках, потому что все права зависят от социально-исторических условий, в которых они проявляются [15]. Так же, как формальные права человека являются правами без значения (права на работу недостаточно, чтобы найти работу, и право на образование ничего не значит, когда правительство не имеет финансовых средств для обеспечения свободного образования), человек сам по себе не может быть субъектом права. Права могут быть только предикатами гражданства. Человек может приобретать права только в пределах конкретного государственного устройства, в контексте существования, которое ему гарантирует возможность их приобретать. То есть, в конечном счёте, права подтверждают и выражают различия между людьми, а не их идентичность.

Библиографический список

1. Alasdair MacIntyre, *Après la vertu. Etude de théorie morale* // PUF, 1997. – P. 123.
2. Charles Taylor, *La liberté des modernes* // PUF, 1997. – P. 79.
3. Hannah Arendt, *Essai sur la révolution* // Gallimard, 1967. – P. 216–218.
4. Jean-Fabien Spitz, *La liberté politique. Essai de généalogie conceptuelle* // PUF, 1995. – P. 65.
5. John G. A. Pocock, *Le moment machiavélien* // PUF, 1997. – P. 67.
6. Joseph Ratz, *The Morality of Freedom* // Clarendon Press. – Oxford, 1986. – P. 45.
7. Marcel gauchet, *Démocratie et droits de l'homme* // in Gérard Duprat (éd.), PUF, 1998. – P. 42.
8. Mary Ann Glendon, *Rights Talk. The Impoverishment of Political Discourse* // Free Press. – New York, 1991. – P. 32.

9. Michael Walzer, elle un concept occidental ? // Diogène, octobre-décembre 1982. – P. 100, 24.
10. Michel Villey, Théorie de la Constitution // Michel Garcin (éd.), Presses universitaires d'Aix-Marseille, Aix-en-Provence, 1993. – P. 170.
11. Philip Pettit, Republicanism. A Theory of Freedom and Government // Clarendon Press, Oxford, 1997. – P. 87.
12. Pierre Manent, Naissance de la politique moderne // Payot, 1977. – P. 11.
13. Quentin Skinner, La liberté avant le libéralisme // Seuil, 2000. Cf. – P. 104.
14. Revault d'allonnes, le dépérissement de la politique. Généalogie d'un lieu commun, Flammarion-Champs, 2002. – P. 284.
15. Richard E. Morgan, Disabling America. The « Rights Industry » in Our Time // Basic Books. – New York, 1984.
16. Robert Bork, Philosophie des droits de l'homme // Editions de l'Université de Bruxelles, Bruxelles, 1987. – P. 15.

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНТЕКСТЕ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Е. А. Спрыгина

**Поволжская академия государственной службы
им. П. А. Столыпина г. Саратов, Россия**

Summary. The author pays attention that today the world is captured by globalization process. It means distribution of market economy to its modern forms, universal occurrence of new information technology, and also interaction on all front different, is frequent cultures very far from each other. Thereupon there is some question concerning human rights.

Key words: globalization, process of globalization, human rights.

С началом нового столетия мировое сообщество вышло на новый качественный уровень интернационализации и взаимозависимости мировой экономики. Эти тенденции развития мирового сообщества принято обозначать как процесс глобализации. При этом сам термин «глобализация» настолько обширен, что учёные по-разному понимают этот феномен.

По определению Международного валютного фонда, глобализация – это «в возрастающей степени интенсивная интеграция как рынков товаров и услуг, так и капиталов» [1, с. 27].

В западной литературе её рассматривают в нескольких измерениях: как мировую систему национальных государств, мировую капиталистическую экономику, мировой военный порядок и международное разделение труда [2, с. 64].

В отечественной литературе глобализация рассматривается в нескольких взаимосвязанных аспектах, основными из которых являются: ментальная, или культурно-идеологическая; территориальная глобализация, связанная с укрупнением государственных и

надгосударственных образований; экономическая, представляющая глобализацию рынков и экономических форм; информационно-коммуникационная; этническая, связанная с ростом общей численности населения планеты и взаимной ассимиляцией различных этнических групп и т. д. [3, с. 19].

В целом же глобализация – это всемирный процесс, связывающий национальные социально-экономические образования в единую мировую систему [4, с. 122]. Вместе с тем глобализация современного мира проявляется и в иных областях, в том числе и в правовой системе.

Глобализация – двухсторонний процесс. Она способна дать изобилие, повысить продуктивность, эффективность производства. С другой стороны, она углубляет неравенство, затрудняет приспособление к новым условиям, уменьшает разнообразие, подрывает гражданское общество. Глобализация оказывает далеко идущее влияние на перспективы развития демократизации и социального обеспечения, снижая роль государства и повышая роль различных организаций в регулировании глобальных процессов. Глобализация, с одной стороны, упрочивает существующую систему доминирования, а с другой – обнаруживает тенденцию к конфликтам.

С правовой точки зрения процесс глобализации выразился в переводе прав человека с уровня национального на уровень международного права, следствием чего явилось как принятие ряда посвящённых гендерной проблематике международных конвенций и деклараций, так и признание индивидуума, независимо от пола, субъектом международного права со всеми вытекающими отсюда правами, обязанностями и возможностями.

Под воздействием глобализации упрочиваются единство мирового сообщества, взаимозависимость образующих его народов. От благополучия каждого из них зависит благополучие сообщества в целом, а благополучие народов, в свою очередь, неотделимо от благополучия сообщества. Иными словами, единство судеб человечества становится реальностью. Таковы декларативные формулировки, определяющие общую идею глобализации.

Права и свободы человека – одна из вечных проблем развития человечества, прошедшая через тысячи лет, но неизменно находящаяся в центре внимания правовой и общественной жизни.

Следует согласиться с Гегелем: «Всемирная история – это прогресс в сознании свободы, прогресс как в смысле познания объективной истины, так и внешней объективизации достигнутых ступеней познания свободы в государственно-правовых формах» [5, с. 251].

В результате научных достижений человечество избавляется от смертельных заболеваний, появляются приборы, помогающие

инвалидам преодолеть ограниченность их возможностей и интересов [6, с. 313].

Высокий темп обновления знаний, характерный для информационного общества, влечёт быструю сменяемость социальных структур и социальных институтов, воплощающих это знание, типов и способов коммуникации.

В связи с развитием современных био- и нанотехнологий выдвигается проект конструирования человеческой телесности. Речь идёт, во-первых, о выращивании «по заказу» детей с определёнными качествами. Одни дети будут более умными, другие более сильными и т. д. Естественно, что это могут позволить себе только те, у кого есть необходимые для этого большие деньги. Легко видеть, что в перспективе это приведёт к разделению людей на касты.

Понятно, что «не умные граждане» не смогут иметь те же гражданские и политические права, какими должны обладать люди умные и отвечающие за свои действия. Идея гражданского общества, всеобщего участия в политической жизни и равенства всех перед законом становится бессмысленной.

Возникло движение т. н. «транс-гуманизма» и «иммортализма». Сторонники этих движений, в число которых входят специалисты в области биологии, генетики, социологии, нано-технологий и философии, исходят из того, что с помощью современной науки, в частности, геной инженерии, нано-технологий, компьютерных и информационных технологий, воздействуя на генную и нервную систему человека и заменяя ряд органов на искусственные, можно сначала колоссально удлинить человеческую жизнь, а затем вообще сделать человека бессмертным существом. В этом случае проблема смерти, столь важная для всей исторически существовавшей культуры, теряет всякий смысл.

В настоящее время всё больше развивается возможность вмешательства в биологическую природу человека. Доказательством служит Министерство обороны США, которое финансирует исследования по созданию «идеального солдата» с расширенными возможностями получения сенсорной информации, увеличенной быстротой её переработки, возросшими физическими возможностями, меньшими потребностями в сне и отдыхе. Но это только начало подобных экспериментов по выходу за пределы человека, что и является целью «трансгуманистического движения». Если ставить вопрос о смысле жизни человека как не индивида, а как человечества, то «трансгуманисты» видят его в создании условий для замены человека «пост-человеком». Считается, что в перспективе это приведёт к бессмертию.

Вмешательство в сложнейшие генные и нервные структуры человека исключительно опасно. Его результаты могут быть весьма похожими на ту экологическую катастрофу, которая возникла вследствие технологического преобразования природы. Вместо более физически и психически здорового существа можно породить монстра. Но даже если удастся разобраться во всех сложных генных и нервных структурах и точно предвидеть результаты воздействия на них, то нет никакой уверенности в том, что возникший «сверхчеловек» не разрушит полностью ту культуру с её представлениями о человеческих возможностях, о допустимом и недопустимом, о правах и обязанностях, которая и делает человека человеком. Если раньше люди мечтали о более гуманном обществе, то общество «пост-людей» будет анти-гуманным.

Известно, что глобализация в современном мире идёт рука об руку с регионализацией, то есть экономической, правовой, культурной и т. п. интеграцией больших регионов планеты. С этой точки зрения европейскую интеграцию, включающую не только процессы, протекающие на территории Европейского Союза, но и шире, можно рассматривать как часть общих процессов глобализации.

Надо сказать, что взятая в таких широких границах Европа – наиболее благоприятное место для реализации прав человека. Богатый исторический опыт позволяют поддерживать правовой режим, максимально отвечающий требованиям основных международных документов по правам человека. [7, с. 90]

Таким образом, борьба за «права человека» ведёт к тому, что всё большее количество людей постепенно вырабатывают общее понимание основных принципов жизнеустройства. Это формирует идейный фундамент глобализации, основными компонентами которого являются либерализм, рынок и технический прогресс. Глобализация влечёт за собой трансформацию всей системы социальных связей индивида. Она раскрепощает личность, освобождает её от привязки к определённой среде, открывает беспрецедентные возможности выбора жизненных стратегий. А в целом глобализация рассматривается как новый эволюционный этап в развитии человечества, вызванный развитием техносферы.

Библиографический список

1. Уткин А. И. Глобализация: процесс и осмысление. – М. 2001. – С. 9; Глобализация экономики, региональная интеграция, влияние этих процессов на положение трудящихся государств – участников СНГ. – М. 2002. – С. 25., Гжегож В. Коладко. Интервью. Трансформация. – 2009 г. – № 3.
2. Gieddens A. The consequences of Modernity. – Cambridge, 1990.
3. Сперанский В. И., Яценко А. А. Глобализация, профсоюзы и ТНК в реформируемой России. – М., 2002.

4. Павленко Е. Глобализация, суверенитет и права человека // Право и жизнь. Независимый правовой журнал. – 2002. – № 48.
5. Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник / перевод. с англ. – М.: Рольф. – 2002.
6. Глобализация и развитие законодательства: Очерки / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, А. С. Пиголкин. – М.: ОАО «Издательский дом «Городец», 2004. – 446 с.
7. Кочетков Э. Г. Основные характеристики глобализационного процесса и правовое измерение мира // Журнал российского права. – 2003. – № 3.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «ИСКЛЮЧЕНИЕ В ПРАВЕ»

С. Ю. Суменков

Пензенский государственный университет, г. Пенза

Summary. In this article examines the legal exceptions and legal exceptions. They are compared with each other, as well as deviations. As the most appropriate names of these exceptions is justified the concept of "exception in the law."

Key words: exception in the law, deviation, social norm.

Раскрытие сложной и неоднозначной сущности исключений в праве должно начинаться с лексико-семантического анализа такого ряда понятий как правовые исключения, юридические исключения и, собственно, исключения в праве.

Прежде всего представляется необходимыми определить соотношение понятий «правовое исключение» и «юридическое исключение». По нашему мнению, данные словосочетания целесообразно воспринимать как синонимы, т. е. в качестве слов обозначающих один и тот же феномен. Это тем более логично, поскольку основополагающая смысловая нагрузка приходится именно на слово «исключение». Что же касается прилагательных «правовое» и «юридическое», то и в контексте юридической техники, и в контексте общей теории права их разделение, а тем более противопоставление, представляется оторванной от реальной жизни дезориентацией юридической практики¹.

Само по себе, придание разного значения прилагательным «правовой» и «юридический» может быть и имеет какое-либо гносеологическую ценность в определенных сферах правового исследования. Однако при познании технико-юридической стороны явлений такое разделение уводит от решения проблемы по существу, подменяя вопрос об эффективности юридического средства вопросом об его аксиологическом значении. В плане настоящей работы предложенная стратификация искусственна, неприемлема, затрудняет и без того сложный понятийный аппарат юридической науки.

Таким образом, и в этом наше категорическое убеждение, правовое исключение и юридическое исключение не стоит подвергать разграничению.

¹ В частности, крайне неудачной видится точка зрения Я. В. Гайворонской, предлагающей разделять правовые нормы и юридические нормы на том основании, что первые относятся к праву в целом, а вторые составляют лишь позитивное право (см.: Гайворонская Я. В. К вопросу о понимании правовых и юридических норм // Правоведение. – 2001. – № 3. – С. 43).

Иное дело то, что употребление термина «юридическое» по отношению к исключению позволяет избежать какой-либо двусмысленности в понимании последнего, более четко ориентирует на восприятие его как категории, соответствующей смыслу и назначению права. Показательной здесь может служить позиция И. С. Морозовой, использующей для обозначения указанного явления только словосочетание «юридическое исключение»¹.

Исключение в праве – категория сложная, вызывающая определенные разночтения, что не может положительно отразиться на реализации указанного юридического средства. «Современное российское законодательство, – верно отмечает И. А. Муравьев, – содержит многочисленные примеры использования терминологических словосочетаний с использованием категории «исключение». Многообразные терминологические конструкции законодательных исключений широко применяются в формулировках нормативных актов, активно используются правоприменителями. Однако действующее законодательство и юридическая наука не дают точных юридических характеристик данного явления, критериев обоснованности их использования»².

Реальная потребность в восполнения названного пробела, а также широкая распространенность исключений в правовых нормах обуславливает необходимость оговорки о том, что исключение в праве – явление легальное, разрешенное и допускаемое правом.

Исключение не следует характеризовать как девиантное поведение. Последнее представляет собой систему поступков, противоречащих принятым в обществе правовым или нравственным нормам³. Девиантное поведение подразделяется на две формы: первое, отклоняющиеся от норм психического здоровья (шизоиды и т. д.), второе – поведение, отступающее от установок, закрепленных социальных, культурных и правовых нормах⁴.

¹ См. об этом следующие работы Морозовой И. С.: Юридические исключения как объект научного исследования // Юридическая мысль. – 2006. – № 6 (37); Синергетическая детерминация юридических исключений // Современное право. – 2007. – № 1; Институционализация и реализация юридических исключений: социально-психологические аспекты // «Черные дыры» в Российском Законодательстве. – 2007. – № 4; К вопросу о результативности юридических исключений // Право и государство: теория и практика. – 2007. – № 6 (30); Модернизация института юридических исключений как одно из направлений развития российской правовой системы // Российская правовая система: вопросы теории и практики. Межвуз. сб. науч. тр. – Саратов, Наука, 2007; и др.

² Муравьев И. А. Указ. соч. С. 4.

³ См. об этом: Девиантность и социальный контроль в России 19–20 вв.: тенденции и социальное осмысление. – СПб, 2000. – С. 30–42.

⁴ Шнейдер Л. Б. Девиантное поведение детей и подростков. – М., 2005. – С. 9–130.

Девиантность предполагает негативное отклонение от установленных обществом (либо государством) стандартов поведения. Не затрагивая в данном случае противоречий, связанных с патологией всех иных (кроме юридических) социальных норм, хотелось бы заметить, что если и воспринимать исключение в праве как отклонение, то – это отклонение, в котором нуждается право, осуществляемое в рамках права, и им санкционированное. В этой связи нельзя согласиться с достаточно категоричным, на наш взгляд, утверждением, что «социальные отклонения – это нарушения социальных норм. Они являются результатом негативного отношения индивида или социальной группы к соблюдению действующих законов и норм морали, сложившихся в обществе»¹.

Такие отклонения отражают нарушения социальных норм, которые характеризуются массовостью, устойчивостью и распространенностью при сходных социальных условиях. Вместе с тем нередко складывается и так: то, что ранее расценивалось как норма в силу изменений образа жизни людей, может приобретать характер отклонения и, наоборот, то, что было отклонением, становится нормой².

Отражение исключения в норме (в социальной вообще, либо юридической, в частности), т. е. наличие легального основания его применения как раз и позволяет отличать исключения от иных отступлений от общих, единых для всех правил.

Как думается, позиционирование исключения только в связи с правонарушением (а в более широком смысле вообще с нарушением правила) является в корне неверным, о чем, применительно к социальному регулированию, было уже сказано.

По нашему мнению, если исключение, установленное в социальной норме, нельзя трактовать как нарушение, то, и это представляется очевидным, исключение в праве, т. е. исключение, введенное нормой права, никак нельзя наделять противоправным характером.

Исключения выступают в качестве необходимого компонента права, адекватного его сущности и форме. Поэтому они и находят закрепление в нормах права и не могут исказить как их внутреннего смысла, так и нарушать их внешние, строго определенные предписания.

Ассоциация правонарушения с исключением происходит от того, что и правонарушение, и исключение предусматривают

¹ Константинов П. Ю., Соловьёва А. К., Стуканов А. П. Взаимосвязь административных правонарушений и преступлений: проблемы теории и практики // Правоведение. – 2005. № 3. – С. 58.

² См. подробно: Социальные отклонения. Введение в общую теорию. – М., 1984. – С. 99–113.

иной, отличный от установленных правовыми правилами, вариант поведения.

Но если исключение предусматривает хоть и альтернативный, однако правовой, способ разрешения конкретной жизненной ситуации, то правонарушение представляет собой противоправное, то есть нарушающее право, поведение. «Преступник, бросив вызов обществу, его установлениям, видит смысл своей жизни в исключении себя из круга регулируемых законом отношений, в их нарушении»¹. Иными словами, злоумышленник исключает себя из сферы общепринятой во всём мире правовой жизни, легитимного порядка. Именно поэтому общество его и наказывает. Наказывает за то, что опасный для окружающих субъект вышел за рамки допустимого правом².

Тем самым, исключение в праве не может быть правонарушением, и наоборот. Данные феномены являются самостоятельными, значительно отличаются друг от друга сущностью и содержанием.

Правонарушение, в отличие от исключения в праве, можно считать достаточно разработанной в юридической науке категорией. Российская юридическая энциклопедия определяет правонарушение как виновное, противоправное, наносящее вред обществу деяние правоспособного лица или лиц, влекущее собой юридическую ответственность³. Перечисленные признаки правонарушения: противоправность, наличие вины и вреда, а также причинной связи между противоправным деянием и причиненным вредом, неотвратимость наступления юридической ответственности названы практически во всех учебных пособиях по теории государства и права⁴.

Деяния, содержащие признаки состава правонарушения указаны в соответствующих нормативно-правовых актах и, прежде всего, в Уголовном кодексе РФ и КоАП РФ.

Тем самым, если правонарушение – это нарушение права, его норм, то исключение – согласуемая и допускаемая правом категория, а ещё Г. Ф. Шершеневич писал, что «действие, согласное с пра-

¹ Демидов А. И. О методологической ситуации в правоведении // Правоведение. – 2001. – № 4. – С. 23.

² См.: Матузов Н. И. Право и правовая система / Актуальные проблемы теории права. – Саратов, 2003. – С. 113.

³ Российская юридическая энциклопедия / Под ред. А. Я. Сухарева. – М., 1999. – С. 758.

⁴ См.: Теория государства и права / Под ред. В. К. Бабаева. – М., 1999. – С. 526–529; Комаров С. А. Общая теория государства и права. Учебник. – М., 1997. – С. 343–350; Теория государства и права. Курс лекций / Под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 1999. – С. 526–529 и др.

вом, допускаемое правом не может рассматриваться как правонарушение»¹.

Отличие правонарушения от исключения заключается в том, что последнее не просто соответствует норме права, а именно в ней оно находит своё выражение. По мнению И. С. Морозовой, юридические исключения являются «своего рода отклонениями от единых, типизированных правил нормативного регулирования. По своей сути это правомерное исключение, законное изъятие, установленное компетентными органами в соответствующих актах»².

Завершая данный аспект, хотелось бы отметить крайне негативную, на наш взгляд тенденцию, использования многих юридических понятий в качестве омонимов (слов, имеющих одинаковое звучание, но разное значение). При этом один и тот же термин может означать как явление, соответствующее праву, так и противоправную категорию.

Так, например, М. Н. Козюк, рассматривающий детерминацию такой разновидности исключения, как привилегия³, считает, что «привилегии могут появиться как за счёт правонарушений и аморальных поступков, так и быть результатом нормативного отклонения от принципа равноправия»⁴.

И. С. Морозова, верно характеризующая правовую льготу как разновидность юридических исключений⁵, предлагает авторскую концепцию так называемых коррупционных льгот⁶, под которыми понимаются «преимущества, вовлеченные в процесс незаконного обогащения, подкупа государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей»⁷.

В данном случае возникает элементарный вопрос – если преимущество выступает как компонент незаконного обогащения, можно ли называть такое преимущество правовой льготой (а соответственно и юридическим исключением)?

¹ См: Цит. по: Хрестоматия по теории государства и права / Под ред. Хропанюк В. Н. – М., 1999. – С. 83.

² Морозова И. С. Теория правовых льгот. Автореф. дисс... докт. юрид. наук. – Саратов, 2007. – С. 13.

³ О восприятии правовой привилегии в качестве исключения см. подробно: Малько А. В., Суменков С. Ю. Привилегии и иммунитеты как особые правовые исключения. – Пенза, 2005.

⁴ Козюк М. Н. Правовое равенство в механизме правового регулирования. – Волгоград, 1998. – С. 57.

⁵ См. Морозова И. С. Теория правовых льгот. – С. 10, 12.

⁶ См. Морозова И. С. Основы теории правовых льгот. – Саратов, 2007. – С. 224–248.

⁷ Там же. – С. 228.

Ответ, как думается, очевиден, и не случайно поэтому И. С. Морозова, называя примеры «коррупционной льготы», указывает на противоправные деяния – а) преступления коррупционной направленности, закрепленные в УК РФ – ст. 285 («Злоупотребление должностными полномочиями»), ст. 286 «Превышение должностных полномочий»), ст. 289 («Незаконное участие в предпринимательской деятельности»), ст. 290 («Получение взятки»), ст. 291 («Дача взятки»), ст. 292 («Служебный подлог»), ст. 293 («Халатность»), ст. 159 («Мошенничество»), ст. 160 («Присвоение и растрата»), ст. 201 («Злоупотребление полномочиями»); б) административные правонарушения, предусмотренные КоАП РФ – ст. 5.45 («Использование преимуществ должностного или служебного положения в период избирательной кампании, кампании референдума»), ст. 14.8 («Нарушение иных прав потребителей») ст. 14.11 («Незаконное получение кредита»), ст. 16.20 («Нарушения порядка пользования либо распоряжения условно выпущенными товарами и (или) транспортными средствами»), ст. 16.21 (Приобретение ввезенных на таможенную территорию Российской Федерации с нарушением таможенных правил товаров и (или) транспортных средств») ¹.

Как видится, автор отождествляет противоправные деяния коррупционного характера, за совершение которых предусмотрена уголовная либо административная ответственность, с льготами, что совершенно неприемлемо. Под льготами понимают разновидности специальных прав граждан, предоставляемых некоторым группам населения ², более высокий уровень прав для отдельных групп по сравнению с общим уровнем, ³ поощрительное освобождение участника общественной жизни от некоторых установленных нормами права обязанностей ⁴.

Таким образом, льгота – это не уголовное преступление и не административное правонарушение, а «правомерное облегчение положения субъекта, позволяющее ему полнее удовлетворить свои интересы и выражающееся как в предоставлении дополнительных, особых прав (преимуществ), так и в освобождении от обязанностей» ⁵.

¹ См.: Там же. – С. 230.

² Пенкин М. Е. Льготы рабочим и служащим. – М., 1979. – С. 4; Витрук Н. В. Правовой статус личности в СССР. – М., 1985. – С. 83.

³ Лившиц Р. З. Социальная политика и ее правовое опосредование. – М., 1986. – Т. 1. – С. 298.

⁴ Баранов В. М. Поощрительные нормы советского социалистического права. – Саратов, 1978. – С. 66.

⁵ Малько А. В. Льготная и поощрительная правовая политика. – СПб., 2004. – С. 64. См. также: Малько А. В., Морозова И. С. Льготы в российском праве. – Саратов, 2004. – С. 49.

Исключения в праве, которые соотносятся с правовыми льготами как целое и часть, так же не следует ассоциировать с правонарушениями.

Выверенность термина «исключение в праве» состоит в том, что данное понятие позволяет однозначно, без каких либо оговорок ¹, утверждать, что исключение из правил – сугобо правовой феномен, органическая часть механизма правового регулирования общественных отношений. При этом, «исключение в праве» не вступает в противоречие со словосочетаниями «юридическое исключение» («правовое исключение»), соотносясь с данными понятиями в качестве слов-синонимов.

В свою очередь, И. А. Муравьев предлагает дефиницию «законодательное исключение» ².

Не возражая в целом против подобного определения, хотелось бы отметить, что законодательное исключение – это лишь часть общей системы исключений в праве.

Не вступая в данном случае в дискуссию о соотношении права и закона, заметим, что законодательство, в узком его понимании, представляет собой совокупность издаваемых законодательными (представительными) органами государства нормативных актов, обладающих высшей юридической силой, направленных на регулирование наиболее распространенных общественных отношений – законов ³.

Правовая система России в настоящее время знает следующие виды законов, различаемые по юридической силе: Конституция РФ, федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов РФ. Соответственно, законодательные исключения (равно как и правила) находят свое выражение только в указанных нормативных актах. Это подтверждает и сам И. А. Муравьев, который проводя классификацию исключений, пишет: «По виду законодательного акта вполне очевидна дифференциация исключений: Конституции РФ, конституций и уставов субъектов Федерации; федеральных конституционных законов; федеральных законов; законов субъектов Федерации» ⁴.

Такая стратификация является точной, но ограниченной. И. А. Муравьев, в рамках проводимого им исследования, вынужден рас-

¹ Уязвимость термина «правовое исключение» («юридическое исключение») состоит в возможности предположения о том, что если есть правовые исключения, значит, могут быть их антиподы, т. е. неправовые (противоправные) исключения. (*Примечание мое* – С. С.).

² Муравьев И. А. Законодательное исключение. – С. 9.

³ См.: Юридическая энциклопедия / Под ред. Б. Н. Топорнина. – М., 2001. – С. 317. См. также: Законодательный процесс: понятие, институты, стадии / отв. ред. Р. Ф. Васильев. – М., 2000. – С. 35 и др.

⁴ Муравьев И. А. Указ. соч. – С. 17.

сма­три­вать толь­ко ис­клю­че­ния, не­по­сред­ствен­но за­кре­плен­ные в за­ко­нах как осо­бых нор­ма­тив­ных ак­тах рос­сий­ско­го го­су­дар­ства.

По­это­му, вы­со­ко оце­ни­вая твор­че­ские изыс­ка­ния ав­то­ра, на­до от­метить, что тер­мин «ис­клю­че­ние в пра­ве» бо­лее пол­но от­ра­жа­ет ре­алии пра­во­вой дей­стви­тель­но­сти, ибо под за­ко­но­да­тель­ством мож­но по­ни­мать не толь­ко соб­ствен­но за­ко­ны, но и под­за­кон­ные нор­ма­тив­но-пра­во­вые ак­ты. Под­за­кон­ные нор­ма­тив­но-пра­во­вые ак­ты весь­ма мно­го­чис­лен­ны и раз­но­об­раз­ны; по­дроб­ная клас­си­фи­ка­ция ис­клю­че­ний, за­кре­плен­ных в них, бу­дет про­ве­де­на в со­от­вет­ст­вую­щем раз­де­ле на­сто­я­ще­го ис­сле­до­ва­ния, за­тра­ги­ваю­ще­го мно­го­об­ра­зие ис­клю­че­ний в пра­ве.

Сле­до­ва­тель­но, мож­но од­но­знач­но ут­вер­ждать, что не сто­ит «сво­дить» су­ще­ст­во­ва­ние ис­клю­че­ний толь­ко по за­кре­п­ле­нию их соб­ствен­но в за­ко­не.

Бо­лее то­го, и на это на­до об­ра­тить осо­бое вни­ма­ние, нор­ма­тив­но-пра­во­вой акт не яв­ля­ет­ся един­ствен­ным ис­точ­ни­ком пра­ва. «Кро­ме нор­ма­тив­ных пра­во­вых ак­тов, – от­ме­ча­ет М. Н. Мар­чен­ко, – в Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции оп­ре­де­лен­ное нор­мо­ус­та­но­ви­тель­ное зна­че­ние име­ют пра­во­вой обы­чай, су­деб­ная прак­ти­ка и внут­ри­го­су­дар­ствен­ные до­го­во­ры и со­гла­ше­ния нор­ма­тив­но­го со­дер­жа­ния, а так­же меж­ду­на­род­ные до­го­во­ры Рос­сий­ской Фе­де­ра­ции и об­ще­при­зна­н­ные прин­ци­пы и нор­мы меж­ду­на­род­но­го пра­ва»¹.

По на­ше­му м­не­нию, впол­не до­пус­ти­ма мы­сль, что нор­мы, за­кре­плен­ные в иных, по­ми­мо нор­ма­тив­но-пра­во­вых ак­тов, фор­мах пра­ва, мо­гут ус­та­нав­ли­вать как пра­ви­ла, так и ис­клю­че­ния.

Для юри­ди­че­ской на­уки и прак­ти­ки ис­сле­до­ва­ние по­доб­ных ис­клю­че­ний пред­став­ля­ет­ся весь­ма ак­ту­аль­ной за­да­чей, ибо эти нор­мы ре­гла­мен­ти­ру­ют весь­ма ши­ро­кий и спе­ци­фич­ный пласт об­ще­ствен­ных от­но­ше­ний.

Тем са­мым, де­фини­ция «ис­клю­че­ние в пра­ве» не от­вер­гая иную тер­ми­но­ло­гию (в част­но­сти юри­ди­че­ское ис­клю­че­ние, пра­во­вое ис­клю­че­ние, нор­ма­тив­ное ис­клю­че­ние, за­ко­но­да­тель­ное ис­клю­че­ние) пред­став­ля­ет­ся наи­бо­лее точ­ным на­и­ме­но­ва­нием, по­з­во­ля­ю­щим рас­крыть ис­тин­ный смы­сл и пред­наз­на­че­ние дан­но­го фе­но­ме­на.

¹ Мар­чен­ко М.Н. Фор­мы вы­ра­же­ния, или ис­точ­ни­ки пра­ва // Об­щая те­о­рия го­су­дар­ства и пра­ва. Ака­де­ми­че­ский курс в трех то­мах / отв. ред. М.Н. Мар­чен­ко. Т. 2. М., 2007. С. 273.

II. ПРАВА И СВОБОДЫ В НАЦИОНАЛЬНЫХ И МЕЖДУНАРОДНЫХ ИСТОЧНИКАХ ПРАВА

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В КОНСТИТУЦИЯХ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАХ НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ (СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ)

Т. В. Сычевская

Байкальский государственный университет экономики и права, г. Иркутск, Россия

Summary. The author investigating the evolution of human rights' ideas in Russia and Germany in time and comes to the conclusion that this process in Germany was longer ago than in Russia. Nowadays both countries in their constitutions have the complete sets of human rights. Equally the article is devoted to analyze of these sets and to bring out their main similar features.

Key words: Human rights, The Russian Constitution, the Constitutions of soviet time, The Weimar Constitution, The Basic Law for the Federal Republic of Germany, legal right, freedom, natural law, positive law, basic rights, constitution rights.

Права человека, их назначение – одна из «вечных» проблем социально-культурного развития человечества, прошедшая через тысячелетия и неизменно находившаяся в центре внимания политической, правовой, этической, философской и религиозной мысли. В различные эпохи эта политико-правовая проблема, приобретала религиозную, этическую, или философскую направленность в зависимости от исторического этапа общественного развития. Права человека представляют собой сложное, многомерное явление.

Актуальность прав человека и основных свобод как фундаментальных ценностей современной цивилизации сложно переоценить, они имеют существенно важное значение для международных отношений в XXI веке, принцип уважения прав человека является одним из основных принципов международного права.

В рамках данной статьи прилагается рассмотреть эволюцию идей прав и свобод человека и гражданина по законодательству России и Германии. Правовые системы данных государств представляются достаточно схожими. Базовым принципом законодательства РФ и ФРГ признаётся соблюдение прав и свобод человека: человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Сегодня объём прав и свобод личности определяется не только конкретными особенностями того или иного общества, но и развитием общечелове-

ческих ценностей и культуры, уровнем и степенью взаимодействия международного сообщества. Учитывая возникшую необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов в области прав человека, сравнительно-правовые исследования в данной сфере несомненно представляют интерес.

В разные исторические эпохи набор прав и свобод человека в основных нормативно-правовых актах обоих государств был неодинаков. Так, в Германии возникновение института основных прав и свобод началось в конце XVIII века вместе с распространением учений о свободе человека. Развитие основных прав и свобод в XIX веке происходило отдельно в южных и северных землях Германии. Например, глава 4 Конституции Баварии 1818 года была посвящена основным правам и обязанностям и в ней закреплялись, в частности, положения о безопасности личности и собственности, равный доступ к государственной службе, свобода совести и печати. Подобные положения содержались также в Конституциях Бадена 1818 года и Вюртемберга 1819 года.

В то время закрепление правового статуса личности в Конституциях XIX века происходило через призму конституционной монархии, существовавшей в Германии. Считалось, что права и свободы даруются человеку монархом, им же они могут быть в любое время отобраны [15].

Тогда же возникало движение за равные права сословий, заставившее провести целый ряд реформ по расширению каталога прав и свобод человека. Однако, несмотря на все попытки того времени, правовое действие основных прав и свобод было в значительной степени ограничено: провозглашённые в Конституции постулаты не имели прямого действия, требовалось принятие развивающего законодательства, которое по многим вопросам отсутствовало и сознательно не принималось. В результате аристократия по-прежнему пользовалась привилегиями, а низшие сословия – ущемлялись в правах. В политическом же процессе провозглашение основных прав и свобод играло «руководящую» роль: определялся курс движения к правовому государству и становлению гражданского общества [19].

После революции 1848 года и приходом к власти Правительства Церкви Пауля развитие основных прав и свобод шло стремительными темпами. Своей главной задачей новое правительство считало разработать каталог прав человека и гражданина по образцу американской и французской революции. Так, в Конституции 1848 года появились политические права и свободы: свобода мысли и слова, свобода объединения. К сожалению, Правительство Церкви Пауля не просуществовало долго, и демократические положения Конституции потерпели неудачу.

В конституциях северогерманских земель периода 1867–1871 годов каталог прав и свобод практически отсутствовал: упоминалось только о гарантиях свободы занятия ремеслом и выбора места проживания [17]. Появление классического набора прав и свобод связано с проведением Судебной реформы 70-х годов XIX века, тогда были закреплены такие постулаты, как запрет обратной силы закона, право на разбирательство дела судом, гарантии независимости суда и неприкосновенность личности и жилища. Однако равенство всех перед законом, право на частную собственность, свобода занятия научным трудом и свобода религиозных убеждений по-прежнему отсутствовали, кроме того, закреплялась возможность ограничения прав и свобод граждан в целях проведения «культурной и социальной борьбы» [17].

К середине XIX столетия создание либерального государства и построение экономического общественного устройства вышло на передний план. Прежде всего, речь шла о необходимости ограничения власти. Так, был закреплён один из важнейших принципов – недопустимость вмешательства в права и свободы без указания на то закона [20].

Дальнейшее развитие прав и свобод связано с Веймарской Конституцией. После поражения Немецкого Рейха в Первой мировой войне и последовавшей революции 1918 года Германия впервые была объявлена республикой. В 1919 году была принята Веймарская Конституция, второй раздел которой назывался: «Основные права и обязанности немецкого народа» и включал 56 статей. Каталог прав во многом был заимствован из Конституции 1848 года, однако на многие социальные проблемы теперь взглянули по-новому: отныне провозглашалась программа построения демократической, правовой и социальной республики.

Конституция 1919 года закрепляли такие права, как равноправие граждан, свобода передвижения и выбора места жительства, свобода личности, неприкосновенность жилища, гарантии тайны переписки, свобода мысли и слова, свобода религиозных убеждений, право на объединение, право обжалования действий органов государственной власти в суде. Кроме того, вводилась обязанность государства улучшать положение рабочего класса и соблюдать права и свободы [17].

Таким образом, Веймарская Конституция представляет собой первую попытку сознательного закрепления каталога прав и свобод. Основные права призваны были не только защитить существующее положение буржуазии, но и позволить рабочему классу развиваться и занять доминирующее положение в обществе [13]. Однако, несмотря на закрепление широкого круга прав и свобод в Конституции, реали-

зация и соблюдение их на практике было затруднено: многие положения носили лишь декларативный характер [18]. Веймарская Конституция прекратила своё действие в 1933 году после захвата власти Национал-социалистической рабочей партией Германии.

Своё новое развитие институт прав и свобод в Германии получил с принятием Основного закона ФРГ 23 мая 1949 года. Одной из важнейших задач того времени было возрождение в полной мере государственного федерализма, а также создание правовых гарантий против президентской узурпации власти сравнительно с тем, что было установлено в Веймарской Конституции.

В Основном законе ФРГ раздел, посвящённый основным правам и свободам, содержится в первой главе, что подчёркивает важность их соблюдения в современной Германии. Неприкосновенные, неотчуждаемые права человека признаются основой всякого человеческого общества и справедливости в мире (статья 1 Основного закона ФРГ). За гражданами закрепляются свободы совести, вероисповедания, мнений, печати и доступа к информации, союзов и собраний, передвижения и выбора профессий. Гарантируется свобода и неприкосновенность собственности. Но вместе с тем декларируется, что собственность обязывает, и пользование ею должно служить общему благу (статья 14 Основного закона ФРГ). Важной конституционной оговоркой является положение о том, что демократические права и свободы не могут использоваться для борьбы против свободного демократического порядка (статья 18 Основного закона ФРГ), возможность лишения основных политических прав, а также гарантий тайны переписки и т. п. определяются специальными институтами конституционного контроля.

Кроме того, основные права и свободы приобрели широкое значение: ими связаны все ветви власти: законодательная, исполнительная и судебная. Признаётся первичность прав и свобод по отношению к другим разделам конституционного права, а следовательно, положения о правах и свободах должны учитываться во всех правовых сферах.

Как отмечают учёные-конституционалисты, за все 52 случая внесения изменений в Основной Закон раздел об основных правах и свободах оставался практически нетронутым [12].

Становление института прав человека в его современном понимании в российском государстве произошло не так давно, главная причина этому – особенности исторического развития России.

Наука конституционного права в России начала складываться на рубеже XIX и XX вв. Первые попытки создать писаную конституцию предпринимались, в частности, декабристами и императором Александром II. Неким прообразом конституционного законода-

тельства стали «Основные государственные законы», принятые в 1906 году, а также ряд важных правовых актов в период существования Временного правительства [5].

Между тем «Основные государственные законы» не выделяют правовой статус личности и гражданина. Вообще понятия «личность» и «права личности» – это не характерные категории для данного периода развития конституционного права. Они встречаются разве что в переводных трудах иностранных авторов, и в некоторых трудах юристов России, но не находят законодательного закрепления [5].

Впервые закрепление правового статуса личности происходит в советский период. В Конституции РСФСР от 10 июля 1918 года, также последующих Конституциях СССР от 6 июля 1923 года и от 5 декабря 1936 года впервые были закреплены нормы о защите прав, чести и достоинства человека, социальной защите всех граждан страны, вне зависимости от национальности, должностного и имущественного положения, а также множество других гарантий. Однако стоит отметить, что современная историческая мысль скептически относится к «самым демократическим» конституциям того времени [8].

Тем не менее анализ Конституций советского периода позволяет говорить о развитии конституционной мысли. Так, в Конституции РСФСР 1918 года была закреплена концепция прав и свобод гражданина, основное внимание уделялось обязанностям граждан, главной из которых признавался труд (статья 18 Конституции РСФСР 1918 г.).

В Конституции СССР 1936 года целая глава была отведена правам и обязанностям человека и гражданина. И если Конституция 1918 года говорила об обязанности трудиться, то Конституция 1936 года закрепляла право на труд.

Конституция СССР 1936 года впервые гарантировала правовую охрану личной собственности граждан СССР, приобретённой на трудовые доходы и сбережения, жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, предметы домашнего хозяйства и обихода, личного потребления, а также право наследования личной собственности.

В перечне основных прав и связанных с ними обязанностей граждан упоминалось о правах на труд, отдых, материальное обеспечение (в старости, по болезни, при потере трудоспособности), образование (бесплатное) (статьи 118 – 123 Конституции СССР 1936 г.).

Провозглашалось равенство полов: женщине в СССР были предоставлены права наравне с мужчиной во всех сферах хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни а также равенство национальностей, причём

устанавливалось, что какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения, караются законом (статья 123 Конституции СССР 1936 г.).

Законом гарантировалась свобода слова, печати, собраний, митингов, шествий и демонстраций. Согласно Конституции СССР 1936 года эти права граждан обеспечивались предоставлением трудящимся и их организациям типографий, запасов бумаги, общественных зданий, улиц, средств связи и других материальных условий, необходимых для их осуществления.

В целях обеспечения свободы совести было произведено отделение церкви от государства, и школы от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признавались за всеми гражданами (статья 124 Конституции СССР 1936 г.).

По Конституции СССР 1936 года гражданам государства обеспечивалась неприкосновенность личности и жилища, а также гарантировалась тайна переписки (статья 127 Конституции СССР 1936 г.). Предусматривалась возможность предоставления права убежища иностранным гражданам, преследуемым за научную деятельность, защиту интересов трудящихся или национально-освободительную борьбу (статья 129 Конституции СССР 1936 г.).

Следует отметить, что наряду с правами Конституция 1936 года содержала и ряд обязанностей, например, соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, а также нести воинскую службу в рядах Вооруженных Сил СССР (статья 130 Конституции СССР 1936 г.).

Как отмечают большинство исследователей, для своего времени Конституция СССР 1936 года была самой демократической конституцией в мире, однако насколько её положения были реализованы на практике – другой вопрос. Так, уже в июле 1940 года Указом Президиума Верховного Совета СССР была повышена обязательная мера труда: вместо существовавшего семи- и шестичасового рабочего дня устанавливался восьмичасовой; вместо пятидневной рабочей недели – шестидневная. Через месяц новым Указом запрещался самовольный уход работников с предприятий и учреждений, а также переход с одного предприятия (учреждения) на другое. К нарушителям применялись уголовные наказания [5].

Советские Конституции расширяли социально-экономические права и свободы, но одновременно тормозили развитие личных прав, которые властью практически не соблюдались. Использование политических прав было ограничено Конституцией «в целях развития коммунистического строительства...», «в целях укрепления и развития социалистического строя» и т. п.

В Конституции СССР 1977 года происходит дальнейшее закрепление правового статуса человека и гражданина, снова выделяется отдельная глава «Основные права, свободы и обязанности граждан СССР», однако количество статей в ней значительно возрастает.

Конституция СССР 1977 года провозгласила, что граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, предусмотренных и гарантируемых Конституцией СССР и советскими законами. Социалистический строй обеспечивает расширение прав и свобод, непрерывное улучшение условий жизни граждан по мере выполнения программ социально-экономического и культурного развития. При этом в Конституции подчеркивалось, что использование гражданами прав и свобод не должно наносить ущерб интересам общества и государства, правам других граждан, то есть, фактически, права личности рассматривались через призму интересов государства.

Следует отметить, что в Конституции 1977 года находят своё выражение общепризнанные международные принципы прав и свобод человека и гражданина, это связано с присоединением СССР к ряду международных Конвенций: в частности, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года был ратифицирован Указом Президиума ВС СССР от 18 сентября 1973 года № 4812-VIII и вступил в силу для СССР 23 марта 1976 года.

Значительно возрос круг политических прав и свобод: Конституция 1977 года провозглашала, что граждане имеют право участвовать в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении и принятии законов и решении вопросов общегосударственного и местного значения. Это право обеспечивалось возможностью избирать и быть избранным в Советы народных депутатов, принимать участие во всенародных обсуждениях и голосованиях, в народном контроле, в работе государственных органов, общественных организаций и органов общественной самодеятельности, в собраниях трудовых коллективов и по месту жительства. Каждый гражданин имел право вносить в государственные органы и общественные организации предложения по улучшению их деятельности, критиковать недостатки в работе [5].

Кроме того, граждане СССР имели право обжаловать действия должностных лиц, государственных и общественных органов в суде. Более того, Конституция 1977 года содержала положение о том, что граждане имеют право на возмещение ущерба, причинённого незаконными действиями государственных и общественных организаций, а также должностных лиц при исполнении ими служебных обязанностей (статья 58 Конституции СССР 1977 г.).

Между тем, закрепляя широкий круг прав и свобод, нередко законодатель оперировал категорией «цели коммунистического строительства». Например, в соответствии с целями коммунистического строительства граждане СССР имели право объединяться в общественные организации, способствующие развитию политической активности и самодеятельности, удовлетворению их многообразных интересов или в целях укрепления и развития социалистического строя гражданам СССР гарантировалась свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (статьи 47, 50, 51 Конституции СССР 1977 г.). Подобные формулировки, несомненно, носили оценочный характер и означали возможность манипуляцией правами человека и гражданина.

Как и в прежней конституции, в Конституции СССР 1977 года подчеркивается, что осуществление прав и свобод неотделимо от исполнения гражданином своих обязанностей, однако круг этих обязанностей стал значительно шире. Так, помимо уже существовавших обязанностей соблюдать Конституцию СССР, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития, беречь и укреплять социалистическую собственность, нести воинскую службу в рядах Вооружённых Сил СССР, добавились обязанности уважать права и законные интересы других лиц, заботиться о воспитании детей, готовить их к общественно полезному труду, беречь природу, а также заботиться о сохранении исторических памятников и других культурных ценностей.

В целом же, Конституция СССР 1977 года, не принесла существенно новых изменений в правовой статус человека и гражданина, закреплённый Конституцией 1936 года.

Совершенно иной подход к пониманию прав и свобод человека и гражданина представлен в Конституции Российской Федерации, принятой на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года. Впервые провозглашён принцип, согласно которому человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства (статья 2 Конституции РФ).

Закрепление основ правового статуса личности в Конституции РФ отражает принципиально новую концепцию прав человека, взаимоотношений человека и государства по сравнению с той, которая воплощалась в союзных и российских конституциях советского периода, новая Конституция РФ ознаменовала отказ от классового подхода при закреплении правового статуса личности.

В основу современной концепции прав человека положен подход к личности как к субъекту правового статуса. Это получило своё выражение в том, что впервые на конституционном уровне была признана категория «права человека». Ещё одной чертой новой концепции прав человека является отказ от характерного для социалистической теории принципа приоритета государственных интересов перед интересами личности. Современное конституционное законодательство стоит на позициях признания основных прав и свобод человека неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения (часть 2 статьи 17 Конституции РФ). В России признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права, в частности, в области прав человека.

В Конституции РФ каталог прав значительно расширен, правовому регулированию статуса человека и гражданина посвящены: статьи 2, 71, 72 и отдельная глава 2, которая является самой объёмной главой в Конституции, что свидетельствует о том, что современная Конституция уделяет ключевое внимание правам и свободам человека и гражданина, они являются высшей ценностью.

В итоге исторического развития прав и свобод человека и гражданина сформировалось множество теоретических взглядов на содержание прав и свобод. Все они имеют право на существование. Анализ набора прав и свобод человека и гражданина по современному конституционному законодательству России и Германии позволяет выделить некоторые схожие черты.

Прежде всего, следует отметить приверженность рассматриваемых нормативно-правовых актов: Конституции РФ и Основного закона ФРГ либеральным традициям понимания человека.

Идеологическое, доктринальное обоснование прав человека – это, прежде всего, учение о естественных, прирождённых, правах человека, которые независимы от усмотрения и произвола государственной власти, задача которой, в свою очередь, обеспечение прав, данных человеку природой. Такой подход – революционный поворот в общественном сознании: индивид, ранее всецело подчинённый государству и зависимый от него, приобретает автономию, право на невмешательство государства в сферу свободы личности,

очерченную правом, и получает гарантии государственной защиты в случае нарушения его прав и свобод [7].

Впервые о конституционных гарантиях естественных прав человека как конституционном идеале заявил английский просветитель Джон Локк, который ввёл в политику необходимый для гарантий прав механизм разделения властей, а в право — теорию естественных неотъемлемых прав человека.

Высоко оценивая роль естественно-правовой доктрины в идеологическом обосновании буржуазных революций, становлении прав человека, нельзя сказать, что она была единственной и преобладающей в определении взаимоотношений личности и государства. Естественно-правовой теории с начала ее становления противостоит позитивистский подход к природе прав человека и взаимоотношениям государства и личности. Согласно этому подходу права человека, их объём и содержание определяются государством, которое «дарует» их человеку [10].

С таких противоположных позиций оценивались и оцениваются природа и сущность прав человека и взаимоотношения индивида и государства. Противостояние этих позиций насчитывает столетия. Различные подходы к взаимодействию права и государства сохранились и в современном мире, они находят своё отражение в конституциях современных государств. Так, в конституциях США, Франции, Италии, Испании воплощена естественно-правовая концепция прав человека, в Конституции Австрии — позитивистская.

Вместе с тем различия естественно-правового и позитивистского подходов к природе прав человека требуют внесения определённой ясности. Практика государств, признающих естественно-правовую доктрину происхождения прав человека, отнюдь не отвергает их позитивного оформления, поскольку, не находя закрепления в позитивном законодательстве, права человека выступают весьма неопределённо, размыто, и это затрудняет осуществление государством функции их обеспечения и защиты.

В современном мире позитивистский подход в области прав человека неизбежно должен быть основан на принципах демократии, свободы, справедливости, равенства, признания самоценности личности, для того, чтобы законодательно выразить их в определённом каталоге прав человека.

Конституционная практика развитых государств в некоторой степени устранила противостояние естественно-правового и позитивистского подходов к правам человека на основе конституционного закрепления основных прав и свобод, которое исключает подавление и насилие государства по отношению к личности, отстаивая её автономию и приоритет прав человека по отношению к государству.

Эта благоприятная тенденция снимает противостояние и крайность указанных доктрин – незащищённость естественных прав человека вне государственного закрепления и отдаление позитивистского учения от нравственных, личностных, социальных ценностей. В частности, такой практики последовали Россия и Германия.

В этой связи возникает вполне закономерный вопрос: что понимается под «основными» правами, а что под «конституционными», и как соотносятся данные понятия.

В Германии понимание под «основными» фундаментальными правами конституционных прав получило достаточно широкое распространение с середины XIX в. В специальной литературе стало обычным рассматривать конституционные права как основные. Это нашло выражение в Веймарской Конституции [14], а затем было воспринято Основным законом ФРГ.

Раздел I Основного закона ФРГ называется Основные права, таким образом, основные права по германскому законодательству представляют собой права, закреплённые в главном законе страны [16]. Формулировки же статей Конституции РФ требуют внесения ясности в понятие «основные» и «конституционные» права человека.

По мнению российских конституционалистов [9], основные права индивида – это и есть конституционные права: такая трактовка вытекает, из сопоставления статьи 17 и статьи 55 Конституции РФ, отмечающей, что перечисление в Конституции РФ основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина. Вместе с тем в пункте 2 статьи 17 речь идёт только об основных правах человека, что позволяет подчеркнуть их особые свойства – неотчуждаемость и естественный характер.

Однако думается, что выделение категории основных прав человека отнюдь не означает отнесение иных прав к «второсортным», менее значимым, требующим меньших усилий государства по их обеспечению. Речь идёт о другом: основные права и свободы составляют стержень правового статуса индивида, в них коренятся возможности возникновения других многочисленных прав, необходимых для нормальной жизнедеятельности человека [10]. Эти права очень важны для индивида, его взаимодействия с другими людьми, с обществом и государством. Основное право может породить значительное количество других прав. Например, статья 21 Всеобщей декларации прав человека предусматривает, что каждый человек имеет право принимать участие в управлении своей страной непосредственно либо через свободно избранных представителей. Это основное право порождает иные права: на участие в самоуправлении, право выдвигать своего кандидата во время избирательной

кампании, право требовать отчёта у избранного депутата о выполнении им своих обязанностей, право обращаться с запросом к депутату по какому-либо вопросу, связанному с деятельностью последнего, и т. д.

В современном мире, когда проблема защиты прав человека вышла далеко за пределы каждого отдельного государства, возникла необходимость в создании универсальных международно-правовых стандартов, которые также являются основными правами человека. Эти основные права отражены в ряде важнейших международно-правовых актов, установивших общечеловеческие стандарты прав и интересов личности, определивших ту планку, ниже которой государство не может опускаться. Это означает, что права и свободы человека перестали быть объектом только внутренней компетенции государства, а стали делом всего международного сообщества. Поэтому в современных условиях под основными правами человека следует понимать права, содержащиеся в конституции государства и международно-правовых документах по правам человека. Любое основное право человека должно быть признано каждым государством-участником независимо от его конституционного закрепления.

Таким образом, основные права представляют собой фундаментальные права, зафиксированные в конституции (основном законе) государства и важнейших международно-правовых актах по правам человека, кроме того, они являются правовой базой для производных, но не менее важных прав.

Важным представляется также разобраться в содержании понятий «права» и «свободы». Выступают ли они синонимами или же это самостоятельные категории.

В законодательстве Германии используется собирательное понятие «основные права» и не проводится разграничения между понятиями: «права» и «свободы», в то время как российское законодательство использует понятия «права человека» и «свободы человека». Так, в тексте статьи 2 и в ряде других статей Конституции РФ речь идёт о правах и свободах человека. Может возникнуть вопрос о признаках, отличающих права человека от его свобод. Попробуем определить, как соотносятся эти понятия.

Если говорить о юридической природе, нормативном закреплении прав и свобод в правовых актах (международных документах, Конституции РФ и др.), их реализации, а также о механизмах защиты, то трудно провести между ними чёткую границу. В этой плоскости права и свободы идентичные понятия, они очерчивают обеспечиваемые государством социальные возможности человека в различных сферах. Свободы – это те же права. Российская императрица Екатерина II сделала вывод, что свобода – это уверенность в том,

что дозволено делать всё, что не запрещено законом [6]. Нередко употребляется формулировка «право на свободу», к примеру, право на свободу мысли, совести и религии.

Вместе с тем анализ конституционного законодательства Российской Федерации показывает, что термин «свобода» призван подчеркнуть более широкие возможности индивидуального выбора, не очерчивая конкретного его результата: «каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания...» (статья 28); «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (статья 29). Таким образом, свободы человека – это сферы, области деятельности человека, в которые государство не должно вмешиваться, оно лишь очерчивает с помощью правовых норм границы, контур, территорию, на которой человек действует либо не действует по своему выбору и усмотрению [7]. Кроме того, государство должно не только само воздержаться от интервенции в свободы индивида, но и обеспечить защиту границ свобод от вторжения власти и вмешательства других лиц. Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц, иными словами, свобода человека не может быть абсолютной, она ограничена таким же состоянием других людей.

В свою очередь термин «право» определяет конкретные действия человека, например, право участвовать в управлении делами государства (часть 1 статьи 32), право избирать и быть избранным (часть 2 статьи 32). Права человека можно охарактеризовать как признанные и гарантируемые государством возможности действий человека в описанной, указанной в законе сфере [3]. В отличие от понятия «свободы человека», в «правах человека» фиксируется конкретная область, направление деятельности индивида. Здесь уже не предлагается возможности выбора, варианта действия внутри данного права. Данным правом можно воспользоваться, реализовать его, либо не воспользоваться, ведь право не обязанность. Однако подчеркнём ещё раз: в рассматриваемом нами правозащитном контексте понятия «права человека» и «свободы человека» идентичны.

Таким образом, права и свободы индивида – это условия его нормальной жизнедеятельности, определённый каталог благ и возможностей, которыми он может свободно пользоваться. В них выражена та мера свободы, которая позволяет совмещать её со свободой других людей. В этих формально закреплённых пределах осуществляется самоопределение индивида, устанавливаются условия реального пользования социальными благами в различных сферах личной, политической, экономической, социальной и культурной жизни.

Наконец, права человека – это субъективные права, выражающие не потенциальные, а реальные возможности индивида, закрепленные в конституциях и законах. Данное положение следует подчеркнуть, поскольку в отечественном правоведении нередко встречается понимание субъективного права лишь как элемента конкретного правоотношения, возникающего при наличии юридического факта, который порождает данное отношение [9]. В юридической литературе России такая позиция была подвергнута критике. Справедливо отмечалось, что способ возникновения, форма проявления и реализации тех или иных прав не имеют принципиального значения для их характеристики как субъективных [11].

Немецкое конституционное право базируется на разработках Георга Еллинека, который в 1905 году описывал основные права и свободы как систему субъективных прав. Он различал при этом *status negativus*, *status activus* и *status positivus* носителя основных прав и свобод, в зависимости от рода его притязаний. При этом под *status negativus* он понимал право на свободу от государственного вмешательства; *status activus* давал право на участие в государственных процессах принятия решений, например, избирательное право гражданина, *status positivus* обосновывал претензии на государственные услуги материального плана [21].

Таким образом, в обеих правовых системах признаётся, что защита, которую оказывают каждому основные права в той или иной области, действует в форме субъективного права [17].

Более того, в настоящее время в России понятие «субъективное право» трактуется широко, так что основные права представляют собой гарантированную государством меру возможного поведения личности, включающую в себя четыре элемента: право-поведение, право-требование, право-притязание и право-пользование [4]. Право-поведение представляет собой право совершать определённые поступки; право-требование заключается в возможности требовать надлежащего поведения от обязанного субъекта, к примеру, каждый вправе требовать от государства признания и выполнения международных стандартов прав человека. Право-притязание подразумевает право в случае необходимости обратиться в государственные органы для принудительного осуществления своих требований. Человек вправе обратиться за защитой своего права не только в государственные органы, но и в международные организации, например, в Комитет ООН, в Европейский суд по правам человека. Право-пользование – это право управомоченного лица пользоваться социальным благом. Права человека направлены на обладание наиболее ценными благами личности, без которых она не может существо-

вать, в первую очередь, это жизнь, достоинство, личная неприкосновенность, свободный труд и т. д.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации: принята на всенародном голосовании 12 дек. 1993 г. №7(4831) // Рос. газ. – 2009. – 21 янв.
2. Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland. 23 Mai 1949 J. // BGB1. – 1949.
3. Азаров А., Ройтер В., Хюфнер К. Права человека. Международные и российские механизмы защиты / под. ред. А. Азарова. – М.: Московская школа прав человека, 2003. – 560 с.
4. Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека: учебник / под ред. А. Н. Головистиковой. – М.: Эксмо, 2006. – 448 с.
5. История государства и права России: учебник. – 2-е изд., перераб. и доп. / сост. И. А. Исаев. – М.: Юристъ, 2003. – 768 с.
6. История отечественного государства и права: учебник / сост. О. И. Чистяков. – М.: БЕК, 1999. – 360 с.
7. Конституционные права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации: учебник для вузов / сост. О. И. Тиунов. – М.: Норма, 2005. – 608 с.
8. Основные права и свободы. По российской Конституции и Европейской Конвенции / сост. К. Экштайн. – М.: Nota Bene, 2004. – 496 с.
9. Права человека: учебник для вузов / сост. Е. А. Лукашева. – М.: Норма-Инфра М, 2000. – 560 с.
10. Проблемы общей теории права и государства: учебник для вузов / сост. В. С. Нерсесянц. – М.: Норма-Инфра М, 2002. – 832 с.
11. Субъективные права граждан СССР / сост. Н. И. Матузов. – М.: Норма, 1966. – 156 с.
12. Das Grundgesetz in Wortlaut / J. Bauer. – 2 Aufl, 1997. – 320 s.
13. Drei Leitgedanken der Weimarer Reichsverfassung / P. Anschütz. – 1 Aufl, 1923. – 326 s.
14. Geschichtliche Entwicklung der Grundrechten / W. Thiele. – 2Bund, 2005. – 180 s.
15. Grundrechte als Schutzrechte / W. Lübbe. – Abt, 1988. – 568 s.
16. Hufen F. Entstehung und Entwicklung der Grundrechte / F. Hufen // NJW. 1999. – S. 11–21.
17. Pieroth A. Staatsrecht II: Grundrechte / A. Pieroth, G. Schlink. – 24 Aufl, 2009. – 468 s.
18. Richterliches Prüfungsrecht / T. Gusy. – 2 Aufl, 1985. – 257 s.
19. Staat / S. Wahl. – 1979. – 463 s.
20. Staatsrecht II: Grundrechte / J. Ipsen. – Academia Iuris, 2007. – 865 s.
21. System der subjectiven öffentlichen Rechte / G. Jellinek. – 2 Aufl, 1905. – 284 s.

НОВАЯ КОНСТИТУЦИЯ (ОСНОВНОЙ ЗАКОН) ВЕНГРИИ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

К. А. Амбарцумян, Ю. Г. Спичак
Российский университет дружбы народов,
г. Москва, Россия

Summary. The article proposes an analyzes of a newly adopted Hungarian Constitution's provisions, concerning some human rights issues. The questions of a broad discussion at national and European levels are under consideration on the basis of international human rights non-government organizations' materials. The comparison with the norms of the Constitution currently in force is held.

Key words: constitution, human rights, NGO, Hungary.

Действующая Конституция Венгерской Республики была принята 20 августа 1949 года. Она является первой и единственной кодифицированной Конституцией этого государства. Ещё в 1988 г. предлагалось принять новую Конституцию, которая бы закрепила многопартийную систему, парламентскую демократию и социально ориентированную рыночную экономику, однако данный проект так и не был реализован, и в 1989 г. Государственное собрание приняло внушительный по объёму закон о поправках к Конституции 1949 г. И хотя пересмотренная в 1989г. Преамбула закрепила временный характер действующей Конституции («до принятия новой Конституции нашей Родины») [1], неоднократно предпринимавшиеся в последующем попытки создания проекта новой конституции не были успешными.

Следующим этапом стало недавнее решение Государственного собрания и правительства, инициировать процесс подготовки проекта новой Конституции. В этой связи был создан Специальный комитет по разработке Конституции и орган, ответственный за проведение национальных консультаций по этому вопросу. Законопроект был подготовлен крупнейшей политической партией Фидес, лидером которой является премьер-министр Виктор Орбан. Фидес принадлежит более двух третей голосов в парламенте, которые необходимы для принятия новой Конституции. По заявлению членов правящей партии Фидес, новая Конституция необходима для завершения перехода Венгрии от коммунизма к демократии. Проект Конституции был внесен в венгерский парламент и опубликован 14 марта 2011 г. [3].

18 апреля 2011 г. состоялось голосование по внесённому проекту, и с результатом «за» – 262, «против» – 44, воздержался – 1 он был принят. 25 апреля Президент Венгерской Республики Пал

Шмитт подписал новую Конституцию. Не успев вступить в силу, Конституция вызвала раскол в обществе и резкую критику со стороны Евросоюза. Новая Конституция должна вступить в силу 1 января 2012 года. Нельзя не отметить, что новая Конституция существенно укрепляет власть правящей сейчас партии Фидес. А. Мак-Рей, западнобалканский исследователь Хьюман Райтс Вотч, отмечает: «Правящие члены Фидес протолкнули конституцию, которая ставит Венгрию в противоречие с её обязательствами, касающимися соблюдения и уважения прав человека» [2].

Также следует отметить, что принятие Конституции нельзя назвать демократическим в связи с тем, что процесс подготовки и принятия проекта полностью исключал участие гражданского общества либо его представителей.

Отметим основные положения новой Конституции Венгрии, которые вызвали широкое обсуждение как на внутригосударственном, так и на международном уровне.

Часть 4 статьи XXI новой Конституции [4] закрепляет, что «те, кто лишён судом избирательного права в силу ограниченных ментальных возможностей, не имеют права голосовать». По мнению Н. Хьюман Райтс Вотч, данное положение может быть расценено «как существенное ограничение прав человека», в связи с чем «парламенту необходимо доработать данные положения» [2]. Кроме того, Венгрия является участником Международной конвенции о правах инвалидов [5], в ст. 13 которой указывается, что государства-участники обеспечивают инвалидам наравне с другими индивидами эффективный доступ к правосудию.

Статья II новой Конституции закрепляет следующее положение: «Каждый имеет право на жизнь и на достоинство. Жизнь плода защищается с момента зачатия» [4]. В действующей Конституции 1949 г. в § 54 данное право закреплено следующим образом: «В Венгерской Республике каждый человек имеет прирождённое право на жизнь и человеческое достоинство, которых никто не может быть лишён вследствие произвола». Таким образом, новая Конституция существенно расширяет рамки права на жизнь. Государство провозглашает и гарантирует право на жизнь с момента зачатия. Данное положение, в свою очередь, может привести к запрету искусственного прерывания беременности, т. е. аборта. Международная амнистия высказывает опасения в связи с данным положением, поскольку возможно возникновение ситуации, когда медицинские работники из-за страха уголовного преследования могут отсрочить проведение лечения или оценить оправданным отказ в оказании медицинских услуг, даже если это поставит в опасность жизнь или здоровье женщины [6]. Статья II может угрожать здоровью женщины и потому,

что если беременность женщины не закончится рождением живого ребёнка, последствия могут быть наказуемы.

В пункте 1 статьи К новой Конституции Венгрия защищает институт брака, под которым понимается союз между мужчиной и женщиной, на основе их добровольного решения [4]. Международная амнистия опасается, что определение брака как союза между мужчиной и женщиной направлено на предотвращение распространения данного института судами на гомосексуальные пары [6]. Хотя венгерское законодательство не признаёт в настоящее время гомосексуальные браки, явный их запрет входит в противоречие с современным международным и европейским правом. Так, в п.1 ст. 2 Международного пакта о гражданских и политических правах провозглашается, что государства обязуются уважать и обеспечивать всем находящимся в пределах его территории и под его юрисдикцией лицам права, признаваемые в настоящем Пакте, без какого бы то ни было различия как-то в отношении расы, цвета кожи, пола, а ст. 23 закрепляет, что «семья является естественной и основной ячейкой общества и имеет право на защиту со стороны общества и государства» [7]. В недавнем деле *Schalk and Kopf* против Австрии Европейский суд по правам человека постановил, что «это неестественно поддерживать мнение, согласно которому, пара лиц одного пола не может вести «семейную жизнь» [6].

Таким образом, положения рассматриваемой статьи новой Конституции входит в противоречие с международными обязательствами, которые Венгрия взяла на себя, присоединившись к Конвенции.

Сомнительным в свете правозащитной проблематики является и провозглашение в Преамбуле «национального вероисповедания». Преамбула отсылает к Богу и христианству, что может быть расценено как дискриминация по отношению к атеистам и представителям других конфессий. Хотя ч.1 ст. VI новой Конституции закрепляет свободу совести («Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии»), а её ч. 2 утверждает светский характер государства («в Венгрии церковь и государство существуют отдельно») [4], проанализировав содержание вышеуказанных норм, можно сделать вывод, что каждый имеет право на выбор своей религии, но государство, тем не менее, этот выбор уже сделало.

Несомненно заслуживает внимание и реформирование существующего в Венгрии конституционного института омбудсмана. Согласно новому Основному закону учреждается институт Уполномоченного по фундаментальным правам. В настоящее время действуют омбудсман общей компетенции – Уполномоченный Государственного собрания по правам человека – и два специализированных

омбудсмана – Уполномоченный государственного собрания по правам национальных и этнических меньшинств и омбудсман по защите интересов будущих поколений [8]. Полномочия нового института, собственно, аккумулируют функции омбудсмана общей компетенции и специализированных омбудсманов. Подробно правовой статус омбудсмана должен быть урегулирован специальным законом. Судя по всему, упомянутые в Основном законе заместители омбудсмана, скорее всего, возьмут на себя специализированные направления деятельности. Очевидно, что Венгрия на данном этапе развития, стремится укрепить данный институт, в отличие от других государств, где наблюдается тенденция выделения областей специализации.

Впрочем, нельзя не отметить, что, на наш взгляд, новая Конституция стала совершеннее в свете юридической техники. В частности, глава «Основные права и обязанности» помещена в начало документа, она следует сразу за основными принципами, провозглашёнными в государстве. Из этого следует, что законодатель придаёт правам граждан первостепенное значение, уважает их, и гарантирует. Для сравнения, параграф о правах и свободах граждан в действующей Конституции расположен в главе XII.

Можно только надеяться, что после вступления в силу 1 января 2012 г. Основного закона Венгрии опасения Хьюман Райтс Вотч относительно конституционных положений, дискриминирующих женщин, лесбиянок, геев, бисексуалов и транссексуалов а также людей с ограниченными возможностями [2], не воплотятся в реальность посредством правоприменительной практики. Помимо прочего, Венгрия столкнётся с необходимостью принятия новых законов в целях реализации норм уже новой действующей Конституции – среди нормативно-правовых актов, которые нужно будет принять венгерскому парламенту, законы о выборах, о финансировании политических партий, о депутатах парламента, о судьях и прокурорах, о местном самоуправлении.

Библиографический список

1. Текст Конституции Венгерской Республики 1949 г. на русском языке цитируется по <http://constitutions.ru/archives/172>.
2. The official website «Human Rights Watch». Hungary: New Constitution Enshrines Discrimination. <http://www.hrw.org/en/news/2011/04/19/hungary-new-constitution-enshrines-discrimination>.
3. OPINION ON THREE LEGAL QUESTIONS ARISING IN THE PROCESS OF DRAFTING THE NEW CONSTITUTION OF HUNGARY. [http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD\(2011\)001-e.pdf](http://www.venice.coe.int/docs/2011/CDL-AD(2011)001-e.pdf).
4. The draft Constitution/Basic law of Hungary (25. April 2011) http://www.euractiv.com/sites/all/euractiv/files/CONSTITUTION_in_English_DRAFT.pdf.

5. Конвенция о правах инвалидов от 13 декабря 2006 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml
6. Amnesty international, public statement dated 20 April 2011. Hungary: «Newly adopted Constitution at odds with human rights». <http://www.amnesty.org/en/library/asset/EUR27/006/2011/en/b528abb2-32a6-4615-858a-5eeff13f369f/eur270062011en.html>.
7. Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г. http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml.
8. Act LIX of 1993 on the Parliamentary Commissioner for Civil Rights (Ombudsman) http://jno.hu/en/?menu=legisl&doc=LIX_of_1993.

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПРАВА ЧЕЛОВЕКА НА ПИТАНИЕ

Ю. А. Валетова

**Филиал Московской государственной юридической
академии имени О. Е. Кутафина в г. Вологде, Россия**

Summary. The article presents an analysis of international legal instruments recognizing the right to food as a fundamental human rights. The author focuses on the universal and regional international legal regulation. Emphasizes the role of norms of «soft law», reflecting the general trends of development of international law on this issue.

Key words: international law, human right to food, international rules of engagement, «soft law».

Право человека на питание бесспорно относится к основополагающим правам человека, так как пища входит в систему первичных жизненных потребностей, обеспечивая само его существование.

Впервые право человека на питание нашло отражение в ст. 25 Всеобщей декларации прав человека 1948 г. в рамках права на достаточных жизненный уровень [1] в форме морально-политической нормы (нормы «мягкого» права) [2]. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. закрепляет в ст. 11 (1) в обязательной форме право на питание, а также провозглашает «основополагающее право каждого человека на свободу от голода и недоедания», в целях реализации которого государства обязаны принимать необходимые меры как «индивидуально, так и в порядке международного сотрудничества» [3]. О. И. Тиунов, обращаясь к Лимбургским принципам применения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, отмечает, что «...все государства-участники должны начать немедленно принимать меры в целях полной реализации всех прав человека, содержащихся в Пакте. На национальном уровне к ним, в частности, должны отно-

ситься меры законодательного, административного, судебного порядка, экономические и социальные меры ...государства-участники обязаны вне зависимости от уровня экономического развития обеспечить уважение жизненно важных для всех прав» [4] с использованием международных механизмов с целью предоставления помощи и сотрудничества в их осуществлении [5].

Право на питание в косвенной форме подтверждается в ст. II (с) Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г., запрещающей предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на её полное или частичное физическое уничтожение, в том числе путём лишения продуктов питания [6]; в ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. в контексте права на жизнь; Дополнительных протоколах 1977 г. к Женевским конвенциям 1949 г., содержащих запрет на преднамеренное использование голода среди гражданского населения в качестве метода ведения войны, а также уничтожение с этой целью объектов, необходимых для его выживания (запасы продуктов питания, сельхозугодия, посевы, скот и др.) [7]; в Конвенции о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г., признающей права беременных женщин и кормящих матерей на питание в ст. 12 (2) в контексте защиты материнства [8]; в Конвенции о правах ребёнка 1989 г., признающей право детей на адекватное питание в ст. 24 (2) (с) и (е) в контексте права на здоровье и в ст. 27 (3) в контексте права на достаточный жизненный уровень; в Конвенции о правах инвалидов 2006 г., подтверждающей право на питание в ст. 25 (F) в контексте права на здоровье и в ст. 28 (1) в контексте права на достаточный жизненный уровень и социальную защиту.

Право на питание признаётся также на региональном уровне, в таких документах, как: Дополнительный протокол к Американской конвенции о правах человека в сфере экономических, социальных и культурных прав (Протокол Сан-Сальвадор) 1988 г. в ст. 2, а также в ст. 17 в контексте защиты пожилых людей; Африканская хартия прав и благосостояния африканского ребёнка 1990 г. в статье 14 (2) (с), (D) и (H) в рамках права на охрану здоровья и медицинское обслуживание [9]; Европейская социальная хартия, пересмотренная в 1996 г. в ст. 4 (1) в рамках «права трудящихся на вознаграждение, которое позволит обеспечить им и их семьям удовлетворительное существование» [10]; Протокол к Африканской хартии прав человека и народов о правах женщин в Африке 2003 г. в ст. 15 и в ст. 14 (2), закрепляющих права беременных женщин и кормящих матерей на питание [11].

В ходе некоторых международных конференций были приняты документы, содержащие положения, касающиеся права на питание. Эти документы не являются юридически обязательными и относятся к нормам так называемого «мягкого права». Тем не менее, по мнению специалистов Продовольственной и сельскохозяйственной организации Объединенных Наций (ФАО), они выражают общие тенденции развития международного права по данному вопросу, а также содержат руководящие принципы для действий [12]. Особое значение для права на питание приобрели: Всеобщая декларация о ликвидации голода и недоедания 1974 г., подтверждающая неотъемлемое право каждого мужчины, женщины и ребёнка на свободу от голода и недоедания (пункт 1); Всемирная декларация по проблемам питания 1992 г. признающая, что «доступ к полноценному и безопасному питанию является правом каждого человека» (пункт 1); Венская декларация о правах человека 1993 г., вновь подтверждающая право на достаточное питание (пункт 31); Копенгагенская декларация о социальном развитии 1995 г., включающая в себя обязательства по ликвидации голода и недоедания (обязательств 1 (F) и 2 (б)); Декларация по всемирной продовольственной безопасности и План действий, принятые в Риме в 1996 г., подтверждающие право на достаточное питание (пункт 1 Декларации) и содержащие обязательства по обеспечению продовольственной безопасности, обязательства по обеспечению продовольственной безопасности в чрезвычайных ситуациях (обязательство 5 из Плана действий).

Краткий анализ истории возникновения данной правовой нормы позволяет заключить, что право на питание вырабатывалось главным образом как норма договорного права. В своём развитии она конкретизирована в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., иных международных договорах универсального и регионального характера, а также усовершенствовалась в ходе всемирных саммитов по проблемам продовольственного обеспечения и работы Комитета по экономическим, социальным и культурным правам. Безусловно, право на питание является фундаментальным правом человека, нашедшем закрепление в международном праве.

Библиографический список

1. Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г. // Международное публичное право: сб. документов. / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – М., 2009. – С. 76.
2. См.: Ханнум Х. Статус Всеобщей декларации прав человека во внутреннем и международном праве // Российский бюллетень прав человека. – 1999. – № 12. – С. 23.

3. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г. // Международное публичное право: сб. документов / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – М., 2009. – С. 81.
4. Тиунов О. И. Международное гуманитарное право: учебник. – 2-е изд., перераб. – М., 2009. – С. 24.
5. См.: Лимбургские принципы применения Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах // Вестник Моск. ун-та. – Серия 11. Право. – 1996. – № 2.
6. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 9 декабря 1948 г. Ст. II (с) // Международное публичное право: сб. документов. – Ч. 1. / сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. – М., 2006. – С. 398.
7. Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв международных вооруженных конфликтов от 8 июня 1977 г. (Протокол I). Ст. 54.; Дополнительный протокол к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г., касающийся защиты жертв вооруженных конфликтов немеждународного характера от 8 июня 1977 г. (Протокол II). Ст. 14. // Международное публичное право: сб. документов. Ч. 2. / сост. К. А. Бекашев, Д. К. Бекашев. – М., 2006. – С. 2435, 2459.
8. Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин от 18 декабря 1979 г. Ст. 12 (2) // Международное публичное право: сб. документов. / сост. Н. Т. Блатова, Г. М. Мелков. – М., 2009. – С. 107–108.
9. African Charter on the Rights and Welfare of the Child // OAU Doc. CAB/LEG/24.9/49 (1990).
URL: // <www.achpr.org/english/_info/child_en.html>
10. Европейская социальная хартия (пересмотренная), Страсбург, 3 мая 1996 г.
URL: // <<http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/163.htm>>
11. Protocol to the African Charter on Human and Peoples' Rights on the Rights of Women in Africa, Adopted by the 2 nd Ordinary Session of the Assembly of the Union, Maputo, CAB/LEG/66.6 (Sept. 13, 2000). URL: // <<http://www.achpr.org/english/women/protocolwomen.pdf>>
12. The Right to adequate food in emergencies, FAO legislative study number 77. 2003; URL: // <http://www.fao.org/righttofood/publi_en.htm>; The Right to Adequate Food, Joint FAO-ОНСНR Fact Sheet, No. 34. 2009. URL: // <<http://www.fao.org/righttofood/publi10/FactSheet34en.pdf>>

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА НА ОХРАНУ ЗДОРОВЬЯ И МЕДИЦИНСКУЮ ПОМОЩЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. И. Савинова

**Саратовский государственный социально-экономический
университет, г. Саратов, Россия**

Summary. This article is devoted to analysis of human and civil rights to health and medical care in the Russian Federation. The article provides a description of the legislation, which enshrines human and civil rights in health care.

Key words: human rights, medical aid, health protection.

Конституция Российской Федерации провозглашает человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина – обязанностью государства [1]. Каждый гражданин Российской Федерации обладает на её территории всеми правами и свободами и несёт равные обязанности, предусмотренные Конституцией Российской Федерации [2]. Статья 18 Конституции Российской Федерации гласит: «Права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием» [3].

Говоря о правах и свободах человека и гражданина, мы подразумеваем не только их юридическую составляющую, но и другие категории, неразрывно связанные с правами человека – такие, как нравственность, религиозные убеждения, философское воззрение, политический строй – то есть те категории, которые оказывают влияние на формирование и закрепление прав и свобод человека.

Таким образом, права и свободы человека и гражданина в современном демократическом обществе можно определить как неотчуждаемые, закреплённые в правовых нормах, определённые нравственными и моральными правилами категории, используемые человеком для защиты своих жизненных интересов; категории, с помощью которых устанавливаются рамки и границы осуществления государственного вмешательства в жизнь человека [4].

В зависимости от их содержания, конституционные права человека и гражданина можно объединить в следующие группы:

Личные права – право на жизнь; право на свободу и личную неприкосновенность; право на неприкосновенность частной жизни; право на неприкосновенность жилища; право определять и указывать свою национальную принадлежность; право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества; право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства; право на свободу совести, свободу вероисповедания; право на свободу мысли и слова; право на информацию; принцип презумпции невиновности.

Политические права – право на массовую информацию; право на объединение; на проведение собраний, митингов и демонстраций, шествий и пикетирования; право избирать и быть избранными в органы государственной власти и органы местного самоуправления; право на участие в референдуме; право на равный доступ к государственной службе; право участвовать в отправлении правосудия; право на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления.

Экономические права – право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной, не запрещённой законом экономической деятельности; право частной собственности; право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию.

Социальные права – право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, право на вознаграждение; также право на защиту от безработицы; право на индивидуальные и коллективные трудовые споры; право на отдых; провозглашение принципа защиты материнства, детства и семьи; право на социальное обеспечение; право на жилище; право на охрану здоровья и медицинскую помощь; право на благоприятную окружающую среду; право на судебную защиту; право защищать свои интересы всеми не запрещёнными законом способами; возможность обжаловать в суд решения и действия (бездействие) органов государственной власти, местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц; право на обращение в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если исчерпаны имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты; право на квалифицированную юридическую помощь; право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

Культурные права – право на образование; право на участие в культурной жизни; право на доступ к культурным ценностям.

Остановимся более подробно на одном из вышеперечисленных прав человека, а именно на праве каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь, так как медицинское обслуживание, его качество и доступность являются важнейшим элементом экономического и социального развития современного общества. Обеспечение доступной, качественной и своевременной медицинской помощи населению является одной из основных функций государства. Право на охрану здоровья и медицинскую помощь закреплено в статье 41 Конституции Российской Федерации, которая гласит, что медицинская помощь оказывается гражданам бесплатно в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения за счёт средств соответствующего бюджета, страховых взносов, других поступлений [5]. Согласно Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 года № 5487-1, устанавливающих правовые, организационные и экономические принципы в области охраны здоровья граждан, основными принципами охраны здоровья граждан являются:

- соблюдение прав человека и гражданина в области охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий;
- приоритет профилактических мер в области охраны здоровья граждан;
- доступность медико-социальной помощи;
- социальная защищённость граждан в случае утраты здоровья;
- ответственность органов государственной власти и органов местного самоуправления, предприятий, учреждений и организаций независимо от формы собственности, должностных лиц за обеспечение прав граждан в области охраны здоровья [6].

В систему здравоохранения входят органы исполнительной власти Российской Федерации, субъектов Федерации, органы местного самоуправления и медицинских организаций, деятельность которых направлена на сохранение и укрепление здоровья населения, а также на оказание медицинской помощи и лекарственного обеспечения. Действующее законодательство в области охраны здоровья граждан различает государственную, муниципальную и частные системы здравоохранения [7].

В настоящее время Министерством здравоохранения и социального развития Российской Федерации разработан и вынесен на общественное обсуждение проект Федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», который будет являться базовым нормативно-правовым актом для всей сферы здравоохранения в Российской Федерации и определит систему оказания медицинской помощи и организацию работы системы здравоохранения. Новый закон одной из своих основных задач называет конкретизацию конституционных прав граждан на охрану здоровья и медицинскую помощь, а также закрепление гарантий и механизма их реализации в современных условиях. И действительно, с момента принятия Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1 произошли существенные изменения во многих сферах, в том числе изменились и организационные основы оказания медицинской помощи. Принципы, содержащиеся в проекте федерального закона «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», по сравнению с действующей редакцией Основ более чётко детализированы и раскрыты, кроме этого сформулированы новые. Так, основными принципами охраны здоровья граждан будут являться:

- соблюдение прав человека и гражданина в сфере охраны здоровья и обеспечение связанных с этими правами государственных гарантий (означает, что мероприятия по охране здоровья гражд-

дан должны проводиться на основе признания, соблюдения и защиты прав и свобод человека и гражданина);

- доступность медицинской помощи (означает свободный доступ граждан к медицинским услугам независимо от географических, экономических, социальных, организационных или языковых барьеров, а также своевременное оказание медицинской помощи);

- недопустимость отказа в оказании медицинской помощи (при угрожающих жизни заболеваниях и состояниях, либо угрозе обществу в случае распространения заболеваний, представляющих опасность для окружающих, медицинская организация либо медицинский работник, находящимся при исполнении трудовых обязанностей не имеют права отказать лицу, нуждающемуся в получении медицинской помощи);

- соблюдение врачебной тайны (врачебную тайну составляет информация о факте обращения за медицинской помощью, состоянии здоровья гражданина, диагнозе его заболевания и иные сведения, полученные при его обследовании и лечении);

- приоритет профилактических мероприятий в сфере охраны здоровья граждан (данный принцип реализуется путём осуществления мероприятий, направленных на предупреждение возникновения, распространения заболеваний, их раннее выявление, снижение риска развития заболеваний, устранение отрицательного воздействия на здоровье факторов внутренней и внешней среды) [8].

В законе в целях обеспечения защиты прав граждан на получение бесплатной медицинской помощи вводятся также положения, регулирующие оказание платных медицинских услуг, где чётко определены условия оказания платных услуг и установлен перечень медицинских услуг, которые не могут быть предоставлены за плату [9].

В новом законе сформулированы и раскрыты права человека и гражданина в сфере охраны здоровья, конкретизирующие положения Конституции Российской Федерации [10]:

- право на охрану здоровья;
- право на медицинскую помощь;
- право на информированное добровольное согласие на медицинское вмешательство и право на отказ от медицинского вмешательства;
- право граждан на выбор врача и медицинской организации;
- право граждан на информацию о состоянии здоровья;
- право граждан на информацию о факторах, влияющих на здоровье;
- права работников, занятых отдельными видами работ, на охрану здоровья; права военнослужащих и лиц, приравненных по

медицинскому обеспечению к военнослужащим, а также граждан, проходящих альтернативную гражданскую службу, граждан, подлежащих призыву на военную службу, и граждан, поступающих на военную службу по контракту;

– права лиц, задержанных, заключённых под стражу, отбывающих наказание в виде ограничения свободы, ареста, лишения свободы либо административного ареста.

Таким образом, на сегодняшний день права человека и гражданина на охрану здоровья и получения медицинской помощи в Российской Федерации широко продекларированы, чётко определены и конкретизированы. Для реализации продекларированных прав государству необходимо формировать, эффективно распределять и использовать такой максимально возможный объём финансовых ресурсов, который позволил бы решить конкретные задачи и достичь поставленные цели в области медицинского обслуживания населения.

В заключение отметим, что для государства забота о здоровье населения, обеспечение получения гражданами качественной, доступной, своевременной медицинской помощи способствует снижению заболеваемости, продлению трудоспособного возраста и периода трудящихся, повышению производительности труда. А всё вышeperечисленное, в свою очередь, способствует росту национального дохода страны и повышению благосостояния граждан.

Библиографический список

1. Ст. 2 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Парламентская газета. 2009 г. – № 4.
2. Ст. 6 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Парламентская газета. – 2009 г. – № 4.
3. Ст. 18 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Парламентская газета. – 2009 г. – № 4.
4. Савинова Е. И. Права и свободы человека и гражданина в Российской Федерации // Европейский журнал социальных наук. – 2010. – № 1. – С. 5.
5. Ст. 41 Конституции РФ (принята всенародным голосованием 12.12.1993), с учётом поправок, внесённых Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ // Парламентская газета. – 2009 г. – № 4.
6. Основы законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1, (в ред. от 28.09.2010) // Российские вести. – № 174. – 09.09.1993.

7. Ст. 12,13,14 Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. № 5487-1, (в ред. от 28.09.2010) // Российские вести. – № 174. – 09.09.1993.
8. Ст. 4 Проекта ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // электронный ресурс, официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития <http://www.minzdravsoc.ru>
9. Ст. 78 Проекта ФЗ « Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // электронный ресурс, официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития <http://www.minzdravsoc.ru>
10. Ст. 14–22 Проекта ФЗ « Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»// электронный ресурс, официальный сайт Министерства здравоохранения и социального развития <http://www.minzdravsoc.ru>

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН РФ В ЦЕЛЯХ ИХ ЭФФЕКТИВНОЙ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОХРАНЫ

А. Н. Кругленя

Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

Summary. The article is devoted to the research of the nature, content and types of electoral rights of Russian citizens, as well as the best ways to get their complex in order to increase the degree of legal protection of the elections. On this basis, the author recommends to reform the disposition of Article 141 of Russian Criminal Code.

Key words: elections, electoral rights of Russian citizens, systematization of electoral rights, electoral crimes, Article 141 of Russian Criminal Code.

Будучи продекларированными Конституцией РФ (ст. 32), избирательные права граждан РФ выступают инструментом реального осуществления суверенитета и власти народа и требуют эффективной правовой защиты. Одним из вариантов последней является их уголовно-правовая охрана, основа которой заложена в ст. 141–142.1 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ). Вместе с тем, как показывает практика правоприменения, содержание общей нормы ст. 141 УК РФ, устанавливающей ответственность за воспрепятствование осуществлению избирательных прав, нередко толкуется ограничительно и сводится лишь к конституционным правомочиям «избирать и быть избранным в органы государственной власти и местного самоуправления» (п. 2 ст. 32). Признавая такое положение дел не отвечающим требованиям ни теории, ни практики, проведём анализ, направленный на установление границ комплекса избирательных прав и их систематизацию в целях доработки диспозиции ст. 141 УК РФ.

Во-первых, для уяснения сущности избирательных прав граждан РФ рассмотрим их комплекс сквозь призму некоторых систем:

1. Система «право – обязанность». На избирательное право как на правовую возможность и свободу смотрел Б. Н. Чичерин, отмечая, что «оно даётся гражданину не как должностному лицу, а как члену общества, дабы он мог проводить свои мнения, защищать свои интересы» [8, с. 10–11]. Иного мнения придерживался Н. С. Таганцев, рассматривавший избирательное право как «обязанность определённой категории лиц, умеющих властвовать» [6, с. 564]. Позиция современного законодателя достаточно чётко выражена в п. 2 ст. 32 Конституции РФ: «Граждане РФ имеют право избирать и быть избранными...» (курсив мой. – А. К.).

2. Система «естественное право – позитивное право». Несмотря на то, что приобретение и осуществление избирательных прав тесно связывается с институтом гражданства, оснований считать избирательное право позитивным нет (иное мнение – А. Эсмен [9, с. 147–230]). В соответствии с Конституцией РФ народ является «носителем суверенитета и единственным источником власти», высшим непосредственным выражением которой являются выборы и референдум (пп. 1, 3 ст. 3). Следовательно, избирательные права выступают инструментом реального осуществления суверенитета и власти народа, т. е. являются естественными правами, а не «даром государства». К такому мнению склоняются сегодня большинство учёных, среди которых В. А. Черепанов [7, с. 58], Д. И. Луковская [3, с. 35].

3. Система «индивидуальное право – коллективное право». К определению характера избирательных прав в рамках заданной системы неоднократно обращался Конституционный Суд РФ. Так, если в Постановлениях от 24.06.1997 № 9-П и от 25.04.2000 №7-П он безоговорочно указывал на их индивидуальный характер, то уже в Постановлении от 15.01.2002 № 1-П особо подчеркнул, что «будучи индивидуальными, эти права реализуются в процессе выборов, предполагающих выявление общей воли избирателей, принявших участие в голосовании» [2] (курсив мой. – А. К.). Последнее разъяснение позволило некоторым авторам считать характер избирательных прав коллективным [4, с. 35–36]. Думается, что коллективность в данном случае кажущаяся, ибо: а) в действительности она относится не к осуществлению избирательных прав, а к природе института выборов; б) она обусловлена лишь временным фактором, являющимся следствием упорядоченности избирательных действий; в) голосование граждан на выборах осуществляется тайно, контроль за волеизъявлением не допускается; г) Конституционный суд РФ, подчеркнув специфику избирательных прав, всё равно остался на позиции признания их индивидуальными.

Во-вторых, обратимся к нормативной регламентации содержания избирательных прав. В соответствии с Федеральным законом

от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» [1] (далее – ФЗ об основных гарантиях) в содержание избирательных прав, помимо конституционных правомочий, включается комплекс возможностей участвовать: в выдвижении кандидатов, списков кандидатов; в предвыборной агитации; в наблюдении за проведением выборов, работой избирательных комиссий, включая установление итогов голосования и определение результатов выборов; в других избирательных действиях (п. 28 ст. 2). Широкий размах приведённого перечня раскрывает ключевые моменты содержания избирательных прав, но, вместе с тем, ввиду его открытого характера, порождает некоторые сложности в чётком определении круга избирательных прав, подлежащих уголовно-правовой охране. Любые попытки привести полный список компонентов избирательных прав, на наш взгляд, заранее обречены на неуспех, ибо даже при самом глубоком анализе невозможно из диалектики государственно-правовой жизни выхватить неизменный комплекс правомочий, который в равной степени отражал бы реалии не только сегодняшнего, но и завтрашнего дня, тем более что, как точно выразился профессор А. В. Наумов, «закон всегда «вчерашний» по отношению к сегодняшней жизни» [5, с. 285]. В связи с этим наилучшим способом установления содержания избирательных прав считаем их изложение с помощью теории основных (конституционных) и производных от них прав. В соответствии с ней понятие «избирательные права» будут составлять:

1) основные (конституционные) права: избирать и быть избранным (активное и пассивное избирательные права), – ядро понятия;

2) производные права: на выдвижение кандидатов, участие в голосовании, получение открепительного удостоверения, наблюдения за ходом выборов, на доступ к персональным данным о себе, на участие в работе избирательной комиссии и многие другие, – происходящие из основных избирательных прав и непосредственно определяемые в конкретном случае правоприменения.

Важно заметить, что такой подход к систематизации избирательных прав соответствует юридической технике п. 28 ст. 2 ФЗ об основных гарантиях, где при изложении понятия избирательных прав, во-первых, подчёркивается конституционный характер прав избирать и быть избранным, а, во-вторых, указывается на их обособленность от других компонентов, перечисление которых начинается вслед за союзом «а также».

Известно, что в теории право понимается либо как объективное, либо как субъективное. Принадлежность вышеназванных ос-

новых (конституционных) и производных от них прав конкретному субъекту, определение с их помощью меры возможного (дозволенного) поведения субъекта позволяют считать рассматриваемый комплекс прав субъективными избирательными правами.

Таким образом, проведённый анализ позволяет систематизировать субъективные избирательные права граждан РФ, выделив две группы: 1) основные (конституционные) права; 2) производные права, проистекающие из основных и определяемые в конкретном случае правоприменения. Учёт данного вывода в реформировании диспозиции ч. 1 ст. 141 УК РФ позволит компактно и точно обеспечить соответствие текста закона его «духу», а показатели правоприменения ст. 141 УК РФ её потенциалу.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 12.06.2002 г. № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // СЗ РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 15.01.2002 № 1-П по делу о проверке конституционности отдельных положений ст. 64 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и ст. 92 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в связи с жалобой гражданина А. М. Траспова // СЗ РФ. – 2002. – № 6. – Ст. 626.
3. Луковская Д. И. Понятие прав человека: многообразие подходов. Проблема универсальности прав человека // История государства и права. – 2007. – № 12.
4. Матейкович М. С. Субъективные избирательные права граждан в системе прав и свобод личности // Правоведение. – 2003. – № 1.
5. Наумов А. В. Российское уголовное право: курс лекций. – В 3 т. – Т. 1. Общая часть. – М., 2008.
6. Протоколы заседаний Царскосельских совещаний // Институт выборов в истории России. Источники, свидетельства современников. Взгляды исследователей XIX – начала XX вв. / Авт.-сост. Ю. А. Веденеев, И. В. Зайцев, В. В. Луговой; под общ. ред. канд. юрид. наук А. А. Вешнякова. – М.: Издательство НОРМА, 2001.
7. Черепанов В. А. Толкование норм об избирательных правах граждан Конституционным судом РФ // Российская юстиция. – 2006. – № 8.
8. Чичерин Б.Н. О народном представительстве. – М., 1899.
9. Эсмен А. Общие основания конституционного права / пер. с фр., под ред. В. Дерюжинского. – СПб., 1898.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ ЗАВЕЩАНИЯ ПО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВАМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, УКРАИНЫ, ТУРКМЕНИСТАНА

О. В. Розгон
Харьковский национальный университет
им. В. Н. Каразина, г. Харьков, Украина

Summary. In the article the grounds of confession are examined actual or invalid to the testament in Ukraine, Russian Federation, Turkmenistan. At research is represented, as in Ukraine, Russian Federation, Turkmenistan the set legislative norms in relation to confession actual or invalid to the testament.

It is marked at the analysis of legislation of these states of the United Independent States, that gang-planks though and are moments in the norms of this legislation in the question of confession actual or invalid to the testament, but there are norms, as differ.

The testament can be held by court invalid, if it is made with violation of the rules set by a law, and also in such being, when a person could not realize the value of the action and send him, but a court must ascertain here, whatever a person indeed could realize the value of the action and send him. A necessity to take into account all features of case in a point in relation to reality of testaments with the purpose of establishment of will of testator of defence of legal interests of other persons is underlined in research.

Key words: testament, reality of testament, court, transaction, testator, will, heir.

Действительность завещания непосредственно связана с соблюдением соответствующих условий относительно его формы.

Наследодатель имеет право в своём завещании распорядиться относительно назначения наследственного имущества, способов его использования, либо установить другие условия, которые не противоречат закону.

Если завещание содержит *незаконные* или *невозможные* условия, то, по законодательству, например, Украины, России, Туркменистана *такие условия являются недействительными*, а все другие – *действительными*.

Если воля наследодателя выражена в завещании, где одна его часть является *законной*, а вторая, которая тесно связана с первой, – *незаконной*, то в таком случае *завещание является незаконным в целом*, а не только во второй своей части.

Причём завещание согласно ч. 1 ст. 1220 ГК Туркменистана признаётся *недействительным* при наличии обстоятельств, которые влекут *недействительность сделок вообще*.

Завещание теряет силу в случае *пропуска срока* на принятие наследства, за исключением случаев *фактического* принятия наследства.

Недействительность *отдельных распоряжений завещания не означает его недействительности в целом* (ст. 1257 ГК Украины, ст. 1131 ГК РФ, ст. ст. 1221, 1223 ГК Туркменистана).

По ГК Украины завещание, которое *действительно на момент его составления, может впоследствии стать недействительным или потерять силу* в случае, если: определённый в завещании наследник *умрёт* к открытию наследства или на момент открытия наследства *потеряет способность быть наследником*. ГК Туркменистана в ст. 1219 указывает, что завещание теряет силу также, если *завещанное имущество потеряно при жизни завещателя или отчуждено им*.

ГК Украины, ГК РФ отдельно устанавливает виды недействительных завещаний. Так, *завещание*, составленное лицом, которое не имело на это права, а также завещание, составленное с нарушением требований относительно его формы и удостоверения, является *ничтожным* (ст. 1257 ГК Украины). А гражданское законодательство РФ в ст. 1131 выделяет *оспариваемое* (недействительное через признание его таким судом) и *ничтожное* завещания (независимо от такого признания). Так, в случае несоблюдения хотя бы одного из правил оформления закрытого завещания, в частности с использованием технических средств при его совершении (было напечатано, а не написано собственноручно, служит основанием для признания его недействительным) такое закрытое завещание признается ничтожным.

ГК Туркменистана в ч. 2–3 ст. 1220 только устанавливает оговорку, что завещание может быть *признано судом недействительным*, если оно составлено с нарушением установленных законом правил, а также в таком состоянии, когда *лицо не могло осознавать значения своего действия и управлять им*.

Но суд при этом должен удостовериться, что лицо действительно *не могло осознавать значения своего действия и управлять им*. Например, если при жизни субъект злоупотреблял спиртными напитками и был признан судом ограниченно дееспособным, но завещание было совершено им значительно раньше, то при таких обстоятельствах завещание признаётся судом действительным.

Сделка, совершённая под влиянием заблуждения, обмана, насилия или угрозы, которые имеют существенное значение, может быть признана судом недействительной. Для оспаривания завещания в судебном порядке заинтересованные лица должны доказать в суде, что наследодатель при составлении завещания действовал под влиянием заблуждения, обмана, насилия или угрозы относительно объекта завещания или личности назначенных наследников.

Не могут быть основанием признания завещания недействительным опiski и другие незначительные нарушения порядка его

составления, подписания или удостоверения. Завещание будет действительным, если доказано, что такие недостатки никак не влияют на понимание волеизъявления завещателя.

Таким образом, суду необходимо учитывать все особенности рассматриваемого дела относительно действительности завещаний с целью установления воли наследодателя, защиты законных интересов других лиц.

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО СТАТУСА ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН – ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СПЕЦИАЛИСТОВ В РОССИИ

В. А. Брус

**Московский государственный университет имени
М. В. Ломоносова, г. Москва, Россия**

Summary. The article deals with the features of the legal status of highly qualified immigrants in Russia. The regulation of status of highly qualified immigrants began in May 2010 and is characterized by some preferences for immigrants and their families. This demonstrates the new approach to the management of migration flows and interest of Russia in skilled migrants.

Key words: labor migration, migration flow, highly qualified immigrants.

Сегодня в России, как и в большинстве стран Европы, происходят такие демографические процессы, как стремительное старение собственного населения и приток иностранной рабочей силы. До недавнего времени миграционная политика России была ориентирована, в основном, на препятствование нелегальной миграции. Изменения же, вносимые в законодательство в течение последних лет, свидетельствуют о том, что пристальное внимание уделяется не только количественным, но и качественным характеристикам миграционных потоков.

Количественные рамки необходимых стране иностранных работников определяются Правительством Российской Федерации ежегодно, начиная с 2002 года, когда был принят Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (далее – Закон об иностранцах) [1]. Кроме определения общего количества необходимых для выдачи разрешений на работу, устанавливается также распределение по субъектам Российской Федерации квоты выдачи приглашений для осуществления трудовой деятельности. В соответствии со ст. 18.1 Закона об иностранцах Правительство Российской Федерации определяет потребность в привлечении иностранных работников по приоритетным профессио-

нально-квалификационным группам, с учётом политической, экономической, социальной и демографической ситуации, а также в целях оценки эффективности использования иностранной рабочей силы, то есть устанавливаются количественные нормы необходимых работников определённых специальностей. Так, в 2011 году потребность в привлечении в Российскую Федерацию иностранных работников составила 1 745 584 человека [2], распределённых на 15 приоритетных профессионально-квалификационных групп. Из них более всего необходимы рабочие, занятые на горных, горно-капитальных и на строительно-монтажных и ремонтно-строительных работах (531 514 чел.), неквалифицированные рабочие, общие для всех отраслей (388 615 чел.), а менее всего – продавцы, демонстраторы товаров, натурщики и демонстраторы одежды (10 928 чел.).

Качественные характеристики трудовых мигрантов определяются следующим образом. Во-первых, в Законе об иностранцах существует понятие «квалифицированный специалист». Основным критерием для отнесения иностранного работника к группе квалифицированных является соответствие его профессии (специальности, должности), указанной в Перечне профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан - квалифицированных специалистов, трудоустраивающихся по имеющейся у них профессии (специальности), ежегодно утверждаемом приказом Минздравсоцразвития России (в 2011 год этот перечень включает 32 наименования, в основном, это руководящие должности) [3]. На иностранных квалифицированных специалистов не распространяются квоты на выдачу разрешений на работу.

Наряду с понятием «квалифицированный специалист», Закон об иностранцах содержит понятие «высококвалифицированный специалист», которое было введено в Закон 19 мая 2010 года.

Согласно с. 13.2 Закона об иностранцах, высококвалифицированным специалистом признаётся иностранный гражданин, имеющий опыт работы, навыки или достижения в конкретной области деятельности, если условия привлечения его к трудовой деятельности в Российской Федерации предполагают получение им заработной платы (вознаграждения) в размере двух и более миллионов рублей за период, не превышающий одного года. В соответствии с изменениями, вступившими в силу с 15 февраля 2011 года, кроме общего критерия о размере заработной платы в размере двух и более миллионов рублей в год, высококвалифицированными специалистами являются также научные работники или преподаватели, в случае их приглашения для занятия научно-исследовательской или преподавательской деятельностью, имеющие государственную ак-

кредитацию высшими учебными заведениями, государственными академиями наук или их региональными отделениями, национальными исследовательскими центрами либо государственными научными центрами, при условии выплаты им заработной платы не менее 1 млн руб. в год, а также иностранные граждане, участвующие в реализации проекта «Сколково», – без учёта требования к размеру заработной платы.

Специальность, по которой трудится иностранный специалист, не имеет значения, за исключением следующих ограничений: не могут привлекаться к трудовой деятельности в Российской Федерации в качестве высококвалифицированных специалистов лица для занятия проповеднической либо иной религиозной деятельностью, включая совершение богослужений, других религиозных обрядов и церемоний, обучение религии и религиозное воспитание последователей какой-либо религии. Кроме того, Постановлениями Правительства Российской Федерации могут устанавливаться ограничения для привлечения к трудовой деятельности в Российской Федерации в качестве высококвалифицированных специалистов иностранных граждан, являющихся работниками организаций розничной торговли, для торгового обслуживания покупателей в процессе розничной торговли товарами народного потребления (включая фармацевтические товары) независимо от ассортимента реализуемых товаров, торговых площадей и форм обслуживания покупателей.

Оценку компетентности и уровня квалификации иностранных граждан работодатель осуществляет самостоятельно и несёт соответствующие риски.

Остановимся на особенностях статуса высококвалифицированных специалистов. Во-первых, на высококвалифицированных специалистов не распространяются квота на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в страну в целях осуществления трудовой деятельности и квота на выдачу иностранным гражданам разрешений на работу.

Работодатель, который хочет принять на работу высококвалифицированного специалиста, не должен получать разрешение на привлечение и использование иностранной рабочей силы.

Иностранный специалист должен иметь разрешение на работу, но максимальный срок его действия составляет 3 года, а не 1, как это установлено для «обычных» иностранных работников. Срок действия разрешения на работу также может неоднократно продлеваться.

Только высококвалифицированные специалисты могут получить разрешение на работу одновременно в нескольких регионах России, если в договорах с ними оговорено выполнение работы на территории двух и более субъектов РФ.

Доходы высококвалифицированных специалистов от осуществления трудовой деятельности облагаются налогом в размере 13 % с первого дня пребывания (п. 3 ст. 224 Налогового кодекса Российской Федерации [5]), тогда как доходы других иностранных работников облагаются налогом 13 %, начиная только со 183 дня пребывания на территории Российской Федерации, а до этого налог составляет 30 %.

Кроме того, последние изменения в Закон об иностранцах касаются статуса членов семей высококвалифицированных специалистов, которые также имеют преференции. Так, например, им выдаются многократные рабочие визы. Если они прибыли в страну в безвизовом порядке, то могут находиться в России в течение срока действия разрешения на работу, предоставленного высококвалифицированному специалисту. Члены его семьи вправе работать в России (при наличии соответствующего разрешения, оформленного без учёта квоты), учиться и заниматься иной не запрещённой деятельностью. Работодатели могут заключать с ними трудовые договоры без разрешения на привлечение иностранных работников.

Таким образом, законодатель старается сделать пребывание высококвалифицированных специалистов и членов их семей как можно более комфортным, чтобы привлечь их для работы в России, что свидетельствует новом подходе в регулировании миграционных потоков, о заинтересованности Российской Федерации в образованных и высококвалифицированных специалистах.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» (в редакции ФЗ от 21 апреля 2011 г. № 80-ФЗ) // СЗ РФ. – 2002. – № 30. – Ст. 3032.
2. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 08 декабря 2010 г. № 1081н «О распределении по субъектам Российской Федерации утверждённой Правительством Российской Федерации на 2011 год квоты на выдачу иностранным гражданам приглашений на въезд в Российскую Федерацию в целях осуществления трудовой деятельности» // Российская газета. – 2010. – № 295.
3. Приказ Минздравсоцразвития РФ от 24 января 2011 г. № 22н «Об утверждении перечня профессий (специальностей, должностей) иностранных граждан – квалифицированных специалистов, трудоустраиваемых по имеющейся у них профессии (специальности), на которых квоты не распространяются, на 2011 год» // Российская газета. – 2011. – № 31.
4. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 05 августа 2000 г. – № 117-ФЗ (в редакции ФЗ от 07.03.2011 № 23-ФЗ) // СЗ РФ. – 2000. – № 32. – Ст. 3340.

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПРАВА НА ЗАЩИТУ В СУДЕ ВТОРОЙ ИНСТАНЦИИ

Б. А. Ринчинов

Иркутский областной суд, г. Иркутск, Россия

Summary. The practical problems related to providing of right of defence in the court of appeal jurisdiction are considered in the article. An analysis of juridicial practice of Constitutional Court of Russian Federation, Supreme Court of Russian Federation and European Court on human rights is showed. Pulled out suggestion on bringing of additions and changes in Criminal Procedure law. Proposals put forward by additions and amendments to the Criminal Procedure Legislation.

Key words: providing of right of defence, court of appellate jurisdiction, participation of defender, writing refuse.

Вопросы обеспечения права на защиту в суде второй инстанции вызывают затруднения у отдельных практических работников, в связи с чем Европейский суд по правам человека, Конституционный и Верховный Суды Российской Федерации были вынуждены принять ряд решений с разъяснением своих позиций по данному вопросу.

Так, Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 21 февраля 2008 г. № 137-О-О пришёл к выводу, что при отсутствии отказа обвиняемого от защитника или при наличии других обстоятельств, обуславливающих обязательное участие защитника в уголовном деле, суд обязан обеспечить участие защитника при производстве в суде второй инстанции [1].

Пленум Верховного Суда Российской Федерации в п. 10 Постановления от 23 декабря 2008 г. № 28 [2] обязал суд второй инстанции выяснять вопрос о необходимости участия защитника в любом случае, если защитник не явился на судебное заседание, а в п. 31 Постановления от 29 октября 2009 г. № 22 [3] – назначать защитника при отсутствии письменного отказа от защитника в суде второй инстанции.

При нарушении этих требований решение суда второй инстанции подлежит отмене [4].

Европейский Суд по правам человека в Постановлениях от 26 июня 2008 года [5], 11 января 2010 года [6], 8 апреля 2010 года [7] пришёл к выводу, что суд второй инстанции обязан удостовериться, отказался ли заявитель от защиты, и если нет, назначить ему защитника.

Также этот же суд признавал нарушенным право на защиту в связи с невозможностью оказания помощи со стороны назначенного адвоката и не предоставлением судом второй инстанции другого

адвоката [8], с не обеспечением заявителя слуховым аппаратом и не предоставлением ему адвоката в суде второй инстанции [9].

Следует отметить, что Европейский суд по правам человека считает, что суд второй инстанции должен проверять по каждому конкретному делу, насколько законным будет слушание дела в отсутствие защитника, а рассмотрение дела с использованием видеоконференцсвязи – ещё один повод для проверки причин отсутствия у заявителя защитника [10].

Представляется, что ходатайство лица об участии защитника либо заявление об отказе от защитника должно быть заявлено ещё при подаче им жалобы на решение суда первой инстанции или возражений на представление прокурора или жалобы других лиц.

Подача и удовлетворение ходатайства о предоставлении защитника по назначению уже во время судебного заседания неизбежно повлечёт его отложение и нарушение прав участников судебного разбирательства.

Заявление об отказе от защитника не является обязательным для суда, позволит избежать взыскания с осуждённого процессуальных издержек – сумм, выплаченных адвокату за оказание им юридической помощи за участие в уголовном судопроизводстве по назначению.

Факт отказа от защитника должен быть подтверждён письменно, а суд второй инстанции обязан назначить защитника при отсутствии письменного отказа от защитника.

Исходя из изложенного ранее права участвовать в заседании суда кассационной инстанции, ч. 3 ст. 389.6. УПК Российской Федерации может быть изложена в следующей редакции: «3. Если осуждённый заявляет ходатайство об участии в рассмотрении уголовного дела судом апелляционной инстанции о назначении защитника или об отказе от последнего, об этом указывается в его апелляционной жалобе или в возражениях на жалобы, представления, принесённые другими участниками уголовного процесса».

Библиографический список

1. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Миско Олега Станиславовича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 119 и частью четвёртой статьи 376 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 февраля 2008 г. № 137-О-О (Электронный ресурс). Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 23

- декабря 2008 г. № 28 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 3. – С. 4.
3. О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога и домашнего ареста: Постановление Пленума Верховного Суда Рос. Федерации от 29 окт. 2009 г. № 22 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 1. – С. 13.
 4. Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации № 420По8 // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2009. – № 11. – С. 23 ; 2) Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации № 210-По9ПР // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 5. – С. 18 ; Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации № 291-По9ПР // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 5. – С. 18 ; Постановление Президиума Верховного Суда Рос. Федерации № 279-По9ПР // Бюллетень Верховного Суда Рос. Федерации. – 2010. – № 7. – С. 20–21.
 5. Дело «Шулепов против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 26 июня 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2009. – № 6. – С. 77–84.
 6. Дело «Шугаев против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 11 января 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 6. – С. 66–76.
 7. Дело «Синичкин против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 8 апреля 2010 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 9. – С. 135–142.
 8. Дело «Артико против Италии»: Постановление Европейского суда по правам человека от 13 мая 1980 г. / Европейский суд по правам человека. Избранные решения: в 2 т. – Т. 1. – М.: Норма, 2000. – С. 318–327.
 9. Дело «Тимергалиев против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 14 октября 2008 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2009. – № 9. – С. 140–150.
 10. Дело «Григорьевских против Российской Федерации»: Постановление Европейского суда по правам человека от 4 апреля 2009 г. // Бюллетень Европейского суда по правам человека. – 2010. – № 2. – С. 103–117.

III. ПРАКТИКА РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД

ЛИЧНЫЕ ПРАВА И СВОБОДЫ. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ

В. В. Хисматуллина, А.Ф. Гарифуллина
Башкирский государственный аграрный
университет, г. Уфа, Республика Башкортостан, Россия

Summary. Personal human rights urged to provide freedom and an autonomy of the individual as a member of a civil society, its legal security from any illegal external intervention. The organic basis and the main appointment of the civil rights consist in providing a priority of individual, internal reference points of development of each person. In given article questions of legal regulation of the rights and freedom of the person are considered.

Key words: rights and freedom of the person; freedom condition; constitution bases; constitution article.

Состояние свободы реализуется через субъективные права, которые указывают направление и формы использования свободы. Эти права тоже носят естественно-правовой характер, а потому неотъемлемы и неотчуждаемы. Они сохраняются за человеком даже тогда, когда он сам от них отказывается. Однако на пути свободы человека всегда выступает государство, создаваемое самими людьми для поддержания условий реализации свободы. Государство через законы закрепляет права и свободы человека, и тогда они становятся мерой возможного, т. е. обретают границы дозволенного. Закрепление, охрана, поддержание прав и свобод, создание условий для их претворения в жизнь составляют длительную цепь правовых актов и действий, начало которым кладёт Конституция. В России на настоящий день сложилась противоречивая ситуация. С одной стороны, принято большое количество нормативных актов, ставящих своей целью поддержание стабильности общества и претворение в жизнь Конституционных принципов, с другой – все они временами становятся лишь декларациями, провозглашающими права и свободы, но на деле слабо их защищающие. Например, согласно ч. 1 ст. 20 Конституции каждый имеет право на жизнь, а ст. 19 указывает, что все равны перед законом и судом (ч. 1) и государство гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от должностного положения (ч. 2) [1]. Однако, ознакомившись с содержанием ст. 105 и 317 Уголовного кодекса РФ, можно убедиться, что равенство этого права практически не обеспечивается. За убийство граж-

данина предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок от шести до пятнадцати лет, а за посягательство на жизнь сотрудника правоохранительных органов предусмотрено лишение свободы на срок от двенадцати до двадцати лет, т. е. во-первых, жизнь указанных субъектов ценится по-разному, во-вторых, различие это проводится именно по признаку должностного положения. В современной российской юридической науке и законодательстве, как и в международно-правовых документах, отсутствует единое понимание «права на неприкосновенность частной жизни» и определение понятия «частной жизни». Уголовный закон также не раскрывает содержание понятия «частная жизнь», указывая лишь на то, что неприкосновенны сведения о частной жизни человека, составляющие его личную или семейную тайну, т. е. понятие «частная жизнь» нуждается в более точном определении [2]. Среди основных проблем, возникающих в процессе реализации гражданами своих прав, можно выделить следующее: пренебрежительное отношение самих же людей к своим правам и свободам, непринятие их значимости в их жизни, стремление обладать правами и не нести никаких обязанностей по отношению к обществу и государству, отсутствие ответственности, способной предостеречь правонарушителей от нарушения закона в части, касающейся прав и свобод, нарушения закона со стороны органов государственной власти и должностных лиц, влекущие за собой повышение риска правонарушений со стороны граждан [4]. Если в целом проанализировать основные тенденции развития Конституции и связанные с нею общественные отношения в части личных прав и свобод человека и гражданина, то можно выделить следующие направления, которые будут являться путями решения указанных выше проблем: отказ от классового подхода и ущемления личности ради интересов государства, повышение уровня правосознания отдельно взятого человека и всего общества в целом, дополнение нормативно-правовых актов новыми нормами и отраслями, которые смогут способствовать наиболее полной реализации гражданами своих прав.

Соблюдение прав и свобод человека, их реализация, а значит, и построение правового государства возможны лишь, когда всё, что закреплено на бумаге, будет реализовано на практике [3].

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]: от 12.12.1993 г. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
2. Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» от 25.06.1993 № 5242-1 (ред. от 18.07.2006) [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

3. Волкова Н. С. Общественная безопасность и законодательство о правах человека // Журнал российского права. – 2008. – № 2. – С. 41
4. Кадников Б. Н. К вопросу о понятии частной жизни человека // Международное публичное и частное право. – 2008. – № 1. – С. 47.

ЗАЩИТА ГОСУДАРСТВОМ ПРАВ И СВОБОД ДЕТЕЙ-СИРОТ ПОСРЕДСТВОМ СОЗДАНИЯ СИРОТСКИХ ДОМОВ В РОССИИ КОНЦА XVIII–XIX ВВ.

В. В. Мирошниченко

АНО ВПО ЦЕНТРОСОЮЗА РФ «Чебоксарский кооперативный институт», г. Чебоксары, Россия

Summary. In the article it is talked about different forms of defence of rights and freedom of children-orphans. Special attention is paid to time of Peter I and Katherine II.

Key words: orphans, defence, rights.

Одной из наиболее проблем современного российского общества является проблема защиты прав и свобод, пожалуй, самой социально уязвимой части российских граждан – детей-сирот. В связи с этим современными законодателями предлагаются различные формы их устройства. Современные исследователи, рассматривающие защиту законных прав и свобод граждан со стороны российского государства дореволюционного периода, в частности детей-сирот, в основном ссылаются в своих работах на Воспитательные дома, функционировавшие в системе Приказов общественного призрения в России конца XVIII – первой половины XIX вв., вскользь упоминая, а то иногда и несправедливо умалчивая о Сиротских домах, внесших, между прочим, не меньший вклад в дело социальной защиты сирот. К тому же основное внимание уделяется исследованию столичных заведений призрения детей-сирот Санкт-Петербурга и Москвы, в то время как деятельность подобных учреждений, расположенных в других губернских городах, остаётся недооцененной и малоизученной. Было бы не лишним упомянуть о роли государства в создании провинциальных Сиротских домов и в деле защиты прав и свобод осиротевших детей.

Во времена правления Петра I в России, как и в Европе, практиковался так называемый «тайный приём», позволявший оставаться неизвестным лицу, подкинувшему ребёнка. Это давало возможность не оставлять его брошенным вовсе. В годы его царствования, как и в прежние времена, детей-сирот передавали в богадельни, где наряду со взрослыми содержались безродные, бездомные дети. А, например, в Москве для воспитания детей-сирот был

«назначен» Новодевичий монастырь. Следовательно, в то время воспитание детей, молодых людей считалось полезным, необходимым для государства делом, важно было и дать им образование и просвещение. Что же касается крестьянских детей, то их всякий крестьянин должен был «в великом страхе содержать, ни до какой праздности не допускать и всегда принуждать к работе, дабы он в том взял привычку и, смотря отца своего неусыпные труды, себя к тому приучать мог».

При Екатерине II возникли существенные нововведения, имеющие прямое отношение к положению детей. Если раньше незаконнорождённые подкидыши закрепощались путём их закрепления за воспитателями, чьими крепостными они становились, то теперь они стали поступать до совершеннолетия в ведомство Приказов общественных учреждений, после чего становились вольными. За владельцами закреплялись только незаконнорождённые дети крепостных матерей.

В законодательной деятельности Екатерины II, находившейся под влиянием западноевропейских просветительских идей, особое место занимала забота об устройстве осиротевших детей. Императрица избрала следующую стратегию устройства призрения: полный переход к государственному признанию на региональном уровне и необходимость замены монастырей специальными заведениями призрения. В Указе «Учреждения для управления губерний» говорилось: «Если же устройство сиротских домов будет неудобно или потребует издержек, кои отнимут способы к оказанию призрения большому числу сирот, то Приказ неимущих сирот отдаст за умеренную плату надёжным добродетельным и добронравным людям для содержания и воспитания с обязательством, чтобы представить их во всякое время Приказу». Ребёнок передавался воспитателям «дабы научился науке или промыслу, или ремеслу, и добрым гражданином быть». Согласно Учреждениям об управлении губерниями от 1775 г. в России стали создаваться в губернских городах Приказы общественного призрения, которым вменялось в обязанность «установление и надзирание сиротских домов для призрения и воспитания сирот мужского и женского пола, оставшихся после родителей без пропитания»[1]. Создание Приказов общественного призрения Екатериной II отличалось многими достоинствами: весь задуманный строй общественного призрения был проникнут началом гуманности – телесные наказания были отменены (кроме смиренных домов), система отличалась стройностью и предусматривала целую сеть благотворительных учреждений; начало централизации отсутствовало, а это могло со своей стороны способствовать возникновению соревнования одних губернских властей с другими

и тем сопутствовать делу устройства призрения; к участию в благотворении были привлечены лица, вполне материально обеспеченные, что приводило к уменьшению расхода на содержание личного состава и служило залогом более обеспеченного расходования и хранения благотворительных денежных сумм; наконец, разрешение приказам заняться, помимо благотворительных задач, еще и финансовыми операциями по поземельному кредиту давало возможность осуществить общественную благотворительность, требующую вообще особенно значительных денежных средств, без особых, материальных жертв со стороны правительства. Преосвященный епископ Нижегородский и Алатырский Антоний – современник введения Приказов, в речи, произнесённый им 15 декабря 1779 г. при открытии Нижегородского наместничества, говорил: «Отныне стенакия недужных, поверженных на распутьях, не услышим, ибо отверсты им живоносныя врачевницы; что увидим и услышим? увидим нищету в удовольствии; сирот честными гражданами; недужных весёлыми, скачущих ногами и славящих Бога» [2]. В 1781 г. был создан Казанский Приказ общественного призрения, а в его ведомстве начал функционировать в начале XIX в. Сиротский дом. Казанский Приказ общественного призрения финансировался из средств, собираемых из местных обязательных сборов, пошлин, штрафов, средств городского бюджета и частных пожертвований. Штат Сиротского дома состоял из следующих служащих: надзирательница, помощница надзирательницы, 2 служителя в мужском и женском отделении, 2 служительницы, 2 няньки, 4 прачки, конюх, 2 водовоза. Ежегодно здесь содержалось в среднем 90 детей при возможной вместимости 100 мест [3]. В 1856 г. в Сиротском доме Казанского приказа воспитывалось 87 детей, из них 44 мальчика и 43 девочки; в 1857 г. – 124 ребёнка, из них 53 мальчика и 47 девочек; в 1862 г. – 64 ребенка, из них 26 мальчиков и 38 девочек [8]. Сокращение числа призреваемых сирот можно объяснить тем, что детей всё чаще забирали обратно их родители или посторонние люди, изъявившие желание заняться воспитанием ребёнка. Согласно «Общему учреждению министерств» от 25 июля 1811 г. курирование деятельности Приказов общественного призрения входило в компетенцию МВД, курировавшего деятельность приказов посредством полицейских циркуляров. В 1832 г. было утверждено Положение об управлении сиротским домом Приказа общественного призрения г. Санкт-Петербурга, которое регламентировало также и деятельность других сиротских домов Приказов общественного призрения, в т. ч. и Казанского. В данном документе были расписаны правила приёма, содержания, обучения и выпуска детей-сирот. В Положении указывалось, что каждый год на оплату содержания каждого сироты выде-

лялось 50 руб. 30 коп. Воспитанниками Сиротского дома были дети в возрасте от 7 до 12 лет. В соответствии с Положением в Сиротские дома могли приниматься сироты или дети родителей любого сословия: сирот из детей местных купцов, мещан, цеховых посадских, людей свободного состояния, оставшихся после родителей в положении, требующем призрения – их помещали в Сиротский дом до 12-летнего возраста; сирот из детей чиновников и канцелярских служащих, чьи средства не позволяют дать им образование в учебных заведениях – мальчики воспитывались до достижения возраста, когда они могли работать писцами, после чего они определялись в канцелярии Приказов или больниц Приказов [4]. На самом же деле в Сиротский дом Казанского приказа брали на воспитание детей:

– в связи со смертью родителей по предписанию Приказа общественного призрения; умерших в больнице матерей; незаконно рожденных; малоимущих родителей; подкинутых младенцев. (дисс. Зиятдинова). Большую часть сирот составляли дети обер-офицеров. Обычно городские сиротские дома имели следующий режим: подъём в 6–8 часов утра, после молитвы и чая – занятия, в 12 часов – завтрак, в 14 часов – обед, в 17–18 часов – приготовление уроков, позже – рукодельные и ремесленные работы, в 20 часов – ужин. Бывали случаи, когда родители забирали детей обратно, например в 1861–1862 гг. было 4 таких прошения [5]. Администрация Приказа старалась не препятствовать возвращению ребёнка в семью и в таких случаях Казанский приказ выдавал «Распоряжение об увольнении из Сиротского дома». В 1820 г. МВД вынесло постановление, в соответствии с которым определялось – имеет ли воспитанник Сиротского дома способности к учёбе. Проявляющие способности сироты получали практическое образование в аптеках, ботанических садах, училищах садоводства. Самые одарённые впоследствии обучались в средних и высших учебных заведениях. Обучение и дальнейшее распределение на гражданскую службу воспитанников сиротских домов Приказов общественного призрения было регламентировано в 1827 г.: до 20 мальчиков Приказы общественного призрения обучали за свой счёт, после чего они трудоустраивались в Приказы или заведения приказов на 8–10 лет [6]. Содержащиеся в Сиротском доме девочки по достижению ими совершеннолетия по усмотрению Приказа общественного призрения распределялись в учебные заведения для девочек – девичьи институты, институты благородных девиц, прикреплённые к Приказам, которые направляли в них девочек для дальнейшего получения образования. При наличии свободных мест в Сиротском доме Казанского приказа, им брались на воспитание дети из других губерний. Например, в 1862 г. МВД ходатайствовало об устройстве в Сиротский дом Казанского

приказа 3 детей из Владимирской и 1 ребёнка из Самарской губернии [7]. Для воспитанников детских домов ежегодно устраивали большой рождественский праздник, где дети получали подарки.

Сиротские дома Приказов общественного призрения внесли большой вклад в деле организации помощи и социальной адаптации детей-сирот, дав им фактически «путёвку в жизнь». Опыт, накопленный государством при создании подобного рода заведений, дальнейшее развитие различных направлений его работы стали серьёзным подспорьем в деле развития законодательной базы при построении современной модели системы социальной помощи детям-сиротам и защиты их законных прав и свобод. В последнее время популярно противопоставление семейных форм воспитания – усыновления и патроната – воспитанию сирот в интернатах. Часто сиротские учреждения в этом контексте выводятся средоточием жестокости, косности и формализма, подлежащими немедленной реорганизации. Между тем, если мы обратимся к российской истории, то увидим, что усыновление и воспитание в государственных учреждениях успешно сосуществовали в России с давних времен. При этом учреждения, создаваемые для сирот, одновременно носили воспитательный и образовательный характер. Было бы целесообразным передать курирование деятельности учреждений в ведомство МВД, как это было в России в конце XVIII – первой половины XIX вв. – это усилило бы контроль за их деятельностью и способствовало бы предотвращению противозаконных действий со стороны сотрудников детских учреждений для сирот. Будем же мудрыми, как наши великодушные предки, создавая и сохраняя российские детские дома, школы-интернаты, приюты.

Библиографический список

1. Учреждения для управления губерний всероссийской империи. – И., 1775. – Ст. 380.
2. Соколовский М. Н. Екатерина Великая как благотворительница. – Меценат. – № 7, 9. – 2003.
3. НА РГ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 1413. – Л. 17.
4. Свод учреждений и Уставов об общественном призрении // СЗРИ. – Спб., 1842. – Т. XIII. – Ст. 684.
5. НА РГ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 2298. – Л. 28.
6. Варадинов Н. В. История МВД. – Ч. 2. – Кн. 2. – Спб., 1862. – С. 112.
7. Зиятдинова Д. Г. Деятельность Казанского приказа общественного призрения 1781–1869 гг.; дис. канд. ист. наук. – М., 2009. – С. 123
8. НА РГ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 1413. – Л. 17.

ПРОВЕДЕНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ ЗАБОТЫ О СЕМЬЕ, РОДИТЕЛЯХ, ДЕТЯХ КАК ГАРАНТИЯ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОЙ ОБЯЗАННОСТИ РОДИТЕЛЕЙ ЗАБОТИТЬСЯ О ДЕТЯХ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Б. Кордуба

Саратовский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия

Summary. In the article the author defines the concept of “the guarantees of implementation of parents’ constitutional duty to take care for their children in Russian Federation” and specifies its concept. The author also analyzes the principles and goals of state Family Policy and formulates its course. The problems, connected with state support of parents and children are highlighted in the article.

Key words. Constitution of Russian Federation, parents’ constitutional duty to take care for their children in Russian Federation, state, guarantees, Family Policy.

Необходимо отметить, что гарантиям прав и свобод в юридической литературе всегда уделялось гораздо больше внимания, чем гарантиям обязанностей, хотя гарантии необходимы как для реализации прав и свобод, так и для реализации обязанностей человека и гражданина, в том числе конституционных.

На наш взгляд, среди гарантий реализации обязанностей можно выделить политические (политика государства в определённой сфере, её цели, задачи, принципы), социально-экономические (материальные условия, экономические предпосылки), юридические, организационные.

Говоря непосредственно о конституционной обязанности родителей заботиться о детях в Российской Федерации (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ), а именно о значительной роли государства в оказании помощи родителям в реализации данной обязанности, наиболее важными гарантиями являются: государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях; состояние экономики и материальное обеспечение родителей; различные стимулы, в том числе финансового характера, побуждающие граждан иметь детей; правовое просвещение родителей; юридическая ответственность родителей за неисполнение своей основной обязанности.

Однако мы подробно остановимся на исследовании такой гарантии, как государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях.

Но вначале представляется важным отметить следующее. Проанализировав существующие в юридической науке труды посвящённые понятию «гарантии», их особенностям и видам [1], мы увидели,

что гарантии реализации конституционной обязанности родителей заботиться о детях в РФ – это система политических, социально-экономических, юридических мер, предпосылок, условий, способствующих соблюдению и исполнению родителями данной конституционной обязанности.

Кроме того, назначение гарантий реализации конституционной обязанности родителей заботиться о детях, мы считаем, заключается, во-первых, в создании условий для исполнения этой обязанности, во-вторых, в установлении различных мер ответственности в отношении родителей, не исполняющих этой обязанности.

Итак, общепризнанно и не вызывает сомнения, что семья является ячейкой общества; поэтому «социальное здоровье общества определяется по защищённости семьи, прав детей» [2, с. 61]. Семья – это «основа основ любой социальной системы, признание и уважение семьи как базовой социальной ценности – показатель устойчивости и прогрессивности общества и государства» [3, с. 7]. Государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях является продолжением и реализацией одной из основ конституционного строя России – социального государства. В современном понимании социальным является такое государство, которое: «во-первых, создаёт необходимые условия для того, чтобы каждый человек своим трудом (в разрешённых формах, при условиях его охраны и гарантированной оплаты) мог обеспечить себе необходимый экономический уровень жизни; во-вторых, заботиться о здоровье людей (в первую очередь о физическом здоровье...); в-третьих, создаёт предпосылки для свободного развития личности (иначе говоря, прилагает старания к тому, чтобы человек мог иметь условия для жизни, отдыха, удовлетворения духовных и культурных интересов, занятия спортом и т. д.; либо само организует соответствующие сферы, либо поддерживает соответствующие инициативы физических и юридических лиц; в-четвёртых, берёт на себя либо полную заботу, либо оказание помощи, в том числе материальной и организационной, в отношении тех категорий граждан, которые не в состоянии достойно жить на свои доходы» [5, с. 358]. «Социальное государство думает о создании равных стартовых условий для всех граждан России; оно специально поддерживает, образно говоря, слабых и немощных, т. е. тех, кому будет трудно без помощи государства» [6, с. 359].

Надо сказать, что формирование и реализация социальной политики государства – это предмет совместной заботы федеральной и государственной власти субъектов Российской Федерации. Конституционный Суд РФ в связи с этим указывает: «...социальная функция государства возлагается Конституцией Российской Федерации

как на Российскую Федерацию в целом, так и на каждый из субъектов Российской Федерации. Соответственно, органы государственной власти обоих территориальных уровней призваны совместно обеспечивать эффективные механизмы социальной защищенности... реализация субъектами Российской Федерации полномочий по предметам совместного ведения, в том числе в области социальной защиты, предполагает осуществление ими нормативно-правового регулирования по вопросам, отнесённым федеральным законодателем к их ведению, включая принятие соответствующих законов субъектов Российской Федерации» [7].

Обязательной частью социальной политики государства является забота о семье, о детях, о родителях. Материнство, детство, семья, отцовство – социальные ценности общественной жизни; они представляют собой взаимосвязанную систему факторов, характеризующих состояние общества, смену и преемственность поколений [8, с. 367]. Часть 1 ст. 38 Конституции РФ указывает, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства. Как верно отмечает М. В. Баглай «тем самым признаётся, что рождение детей и браки не являются только частным делом, а имеют большое общественное значение и требуют государственной поддержки» [9, с. 269]. Забота о благополучии и развитии детей, включая нуждающихся в опеке и попечительстве, защита их прав и интересов – обязанность органов государственной власти Российской Федерации, органов государственной власти субъектов РФ, органов местного самоуправления [10].

Отношение государства к вопросам помощи семье, защиты семьи сформулированы в Основных направлениях государственной семейной политики [11] и в некоторых других документах [12].

Главными направлениями государственной семейной политики определены: 1) обеспечение условий для преодоления негативных тенденций и стабилизации материального положения российских семей, уменьшения бедности и увеличения помощи нетрудоспособным членам семьи; 2) обеспечение работникам, имеющим детей, благоприятных условий для сочетания трудовой деятельности с выполнением семейных обязанностей; 3) кардинальное улучшение охраны здоровья семьи; 4) усиление помощи семье в воспитании детей.

Анализируя вышеуказанный документ, А. М. Нечаева констатирует: «любое из государственных мероприятий по улучшению положения детей в семье по-своему способствует реализации родителями прав и обязанностей по воспитанию несовершеннолетних» [13, с. 153].

По мнению Н. С. Шерстнёвой, цель государственной семейной политики заключается в обеспечении государством необходимых условий для реализации семьей её функций и повышении качества жизни [14, с. 74].

Большое значение имеет пропаганда семейных ценностей, государственная политика по укреплению института семьи.

Решение задач по укреплению института семьи, возрождению и сохранению духовно-нравственных традиций семейных отношений включает в себя: 1) развитие системы консультативной и психологической поддержки семьи в целях создания благоприятного внутрисемейного климата, профилактики семейного неблагополучия, социальной реабилитации семей и детей, находящихся в трудной жизненной ситуации, подготовки и комплексного сопровождения семей, принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей; 2) пропаганду ценностей семьи, имеющей нескольких детей, а также различных форм семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в целях формирования в обществе позитивного образа семьи со стабильным зарегистрированным браком супругов, имеющих нескольких детей или принимающих на воспитание детей, оставшихся без попечения родителей; 3) реализацию комплекса мер по дальнейшему снижению числа преждевременного прерывания беременности (абортов); 4) повышение обязательств родителей по обеспечению надлежащего уровня жизни и развития ребёнка; 5) создание специализированной системы защиты прав детей, включая дальнейшее развитие института уполномоченных по правам ребёнка в субъектах РФ, внедрение в работу органов исполнительной власти и судебных органов современных технологий профилактики правонарушений, защиты прав детей, социальной реабилитации и последующей интеграции в общество несовершеннолетних правонарушителей и детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации [15].

Применительно к государственной политике в отношении детей ФЗ РФ «Об основных гарантиях прав ребёнка в РФ» от 24.07.1998 г. в ст. 4 устанавливает цели государственной политики в интересах детей: 1) осуществление прав детей, предусмотренных Конституцией РФ, недопущение их дискриминации, упрочение основных гарантий прав и законных интересов детей, а также восстановление их прав в случаях нарушений; 2) формирование правовых основ гарантий прав ребёнка; 3) содействие физическому, интеллектуальному, психическому, духовному и нравственному развитию детей, воспитанию в них патриотизма и гражданственности, а также реализации личности ребенка в интересах общества и в соответствии с не противоречащими Конституции РФ и федеральному за-

конодательству традициями народов РФ, достижениями российской и мировой культуры; 4) защита детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие.

Государственная политика в интересах детей является приоритетной и основана на следующих принципах: 1) законодательное обеспечение прав ребёнка; 2) поддержка семьи в целях обеспечения воспитания, отдыха и оздоровления детей, защиты их прав, подготовки их к полноценной жизни в обществе; 3) ответственность должностных лиц, граждан за нарушение прав и законных интересов ребёнка, причинение ему вреда; 4) поддержка общественных объединений и иных организаций, осуществляющих деятельность по защите прав и законных интересов ребёнка (ч. 2 ст.4 Закона).

Государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях должна осуществляться, как нам представляется, по следующим направлениям: 1) социальное обеспечение родителей (прямая материальная помощь родителям); 2) охрана здоровья детей и родителей; 3) охрана труда работающих родителей; 4) создание условий для приобретения жилья.

Данная политика предполагает, что государство методом убеждения оказывает моральное воздействие на родителей, воспитывает их, формирует у них убеждённость в необходимости исполнения своей конституционной обязанности заботиться о детях.

Статья 39 Конституции РФ гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях, установленных законом. Как мы видим, одним из оснований социального обеспечения является воспитание детей.

В современном мире все государства принимают меры по оказанию помощи родителям и «в случае необходимости оказывают материальную помощь и поддерживают программы, особенно в отношении обеспечения питанием, одеждой и жильём» [16, с. 36].

Конституция РФ, относя социальную защиту, включая социальное обеспечение, к совместному ведению Российской Федерации и её субъектов (статья 72, пункт «ж» части 1), не устанавливает конкретные способы и объём такой защиты, предоставляемой тем или иным категориям граждан, – решение этих вопросов является прерогативой законодателя, который, реализуя при осуществлении правового регулирования конституционные гарантии в социальной сфере, располагает достаточно широкой свободой усмотрения при определении мер социальной защиты, выборе критериев их дифференциации, регламентации условий предоставления; он вправе

также избирать и изменять формы (способы) их предоставления – денежную или натуральную [17].

Федеральным законом РФ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» от 19.05.1995 г. (с изм. на 07.03.2011 г.) закреплена выплата различных видов пособий [18], которые, важно отметить, не подлежат налогообложению (ст. 217 Налогового Кодекса РФ (часть 2)). Порядок и условия их выплаты урегулированы Приказом Министерства здравоохранения и социального развития РФ [19].

Из установленных в выше указанном Федеральном законе пособий следует обратить внимание на ежемесячное пособие на ребёнка, размер, порядок назначения, индексации и выплаты которого устанавливаются законами и иными нормативными правовыми актами субъекта РФ. В научной литературе подчёркивается нищенский уровень данного пособия. Так, например, в Краснодарском крае Закон Краснодарского края от 15 декабря 2004 г. «О ежемесячном пособии на ребёнка» с 1 января 2008 г. установил размер ежемесячного пособия на ребенка в 100 рублей, для одиноких матерей он увеличен до 155 рублей, а на детей, чей родитель уклоняется от уплаты алиментов, пособие составляет 115 рублей [20, с. 36].

Признание государственной поддержки семьи, материнства, отцовства и детства в качестве конституционных ценностей Российской Федерации как социального государства (статья 7, часть 2; статья 38, часть 1, Конституции РФ) предполагает возложение на органы государственной власти обязанности изыскивать средства и создавать другие предпосылки для повышения государственных пособий, имея в виду необходимость их установления, в конечном счёте, на уровне, отвечающем социальному предназначению и конституционной природе этих выплат [21].

Помимо денежных выплат необходимы специализированные органы, оказывающие помощь родителям, семье. Заслуживает внимания и поддержки предложение о создании федеральной социальной службы по поддержке детей и семей с многодетными детьми [22]. Кроме этого «нужно создавать широкую сеть социальных центров помощи семье. Они в разных регионах по-разному называются, но суть их одна: помогают женщинам, детям, попавшим в трудную жизненную ситуацию. Развод. Разваливается семья. Муж запил, дерётся. Куда ей с детьми бежать? Некуда! А когда есть такой центр в муниципальном районе, она знает, к кому обратиться. Там есть социальная гостиница» [23].

Государственная поддержка материнства и детства не ограничивается системой государственных пособий гражданам, имеющим детей; она носит комплексный характер и включает права, льготы и

иные социальные меры, в том числе предусмотренные законодательством Российской Федерации о социальной помощи, занятости, образовании, здравоохранении, налогах, целью которых является облегчение положения нуждающихся семей и обеспечение для них прожиточного минимума [24]. Например, Трудовым кодексом РФ в целях создания благоприятных условий для заботы о детях и их воспитании предусматриваются специальные меры для работающих родителей в виде предоставления женщинам отпусков по беременности и родам, по уходу за ребенком до достижения им возраста трёх лет, дополнительных отпусков без сохранения заработной платы в удобное для них время, дополнительно оплачиваемых выходных дней (ст. 255–257, 262–262).

Ещё одним направлением социальной политики государства является комплекс мер – пропаганда и конкретные действия – по формированию здорового образа жизни. Для этого важно развивать системы детско-юношеских школ, спортивных секций, клубов и других учреждений, которые получали бы государственную поддержку путём освобождения от налогов, финансовой (грантовой) поддержки [25, с. 70]. Пока ещё недостаточно развиты формы досуга, способствующие ведению здорового образа жизни (физическая культура, спорт, туризм, активный отдых и другие) [26]. К 2015 году предусматривается существенно улучшить здоровье населения [27].

Таким образом, государственная политика в сфере заботы о семье, родителях, детях должна быть разнонаправленной и многоуровневой, т. е. предусматривать различные направления обеспечения семей, родителей, детей и территориальные уровни ответственности (федеральный и субъектов Федерации). Одной из возможных составляющих такой политики, по нашему мнению, может быть ФЗ «О государственной поддержке родителей», в котором необходимо систематизировать и закрепить все формы материальной и иной поддержки родителей (родителя), их зависимость от уровня существующего заработка родителей, количества детей, места проживания.

Библиографический список

1. См. например: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. – М.: Издательство МГУ, Издательская группа ИНФРА-М – НОРМА, 1997. – С. 228, 226, 229; Авакьян С. А. Конституционное право России: Учебный курс. – 2-е изд., перераб. и доп. – В 2 т. – Т.1. – М.: Юристъ, 2006. – С. 682, 683; Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. заслуженного деятеля науки РФ, д.ю.н., профессора Н. И. Матузова. – Саратов: СВШ МВД РФ, 1996. – С. 168, 173; Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Юристъ, 2004. С. 311; Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. – М.: Норма, 2008. – С. 305,

- 99; Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. – 8-е изд., изм. и доп. – М.: Норма, 2009. – С. 305; Абрамов В. И. Соотношение понятий «охрана», «защита», «гарантированность», «обеспечение» прав ребёнка // Государство и право. – 2006. – № 6. – С. 71; Барзилова Ю. В. Юридические обязанности как элемент правового статуса личности / под ред. Н. И. Матузова. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2008. – С. 98.
2. Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации. – М.: ТК Велби. Издательство Проспект, 2008. – 256 с.
 3. Шершень Т. В. О праве на семью и принципе приоритета семейного воспитания детей // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 2.
 4. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2009 г. № 12-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» в связи с жалобой гражданина С. Н. Борозенца // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 30. – Ст. 3920.
 5. Авакьян С. А. Указ. соч.
 6. Там же.
 7. Определение Конституционного Суда РФ от 01.04.2008 г. № 479-О-П по жалобе граждан В. В. Маштакова и Э. Н. Маштаковой на нарушение их конституционных прав положениями Федерального закона «О внесении изменения в статью 7 Федерального закона «О ветеранах» и Закона Калининградской области «О порядке и условиях присвоения звания «Ветеран труда» в Калининградской области // Собрание законодательства РФ. 2008, №44. Ст. 5136.
 8. См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. В. Д. Зорькина, Л. В. Лазарева. – М.: Эксмо, 2009. – 1056 с.
 9. Баглай М.В. Указ. соч.
 10. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 06.02.2004 г. № 52-О об отказе в принятии к рассмотрению запроса Законодательного Собрания Республики Карелия о проверке конституционности пункта 1 статьи 34 Гражданского кодекса РФ и пункта 2 статьи 121 Семейного кодекса РФ // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 5.
 11. См.: Основные направления государственной семейной политики / Утв. Указом Президента РФ от 14.05.1996 г. № 712 (с изменениями на 5.10.2002 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 21. – Ст. 2460.
 12. См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года / Утв. Указом Президента РФ от 9.10.2007 г. № 1351 // Собрание законодательства РФ. – 2007. – № 42. – Ст. 5009; Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года / Утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1661-р // Собрание законодательства РФ. – 2008. – № 47. – Ст. 5489.
 13. Нечаева А. М. Семейное право: Учебник. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрист, 2006. – 329 с.
 14. См.: Шерстнёва Н. С. Понятие, сущность и система принципов семейного права: монография. – М.: Юстицинформ, 2006. – 376 с.
 15. См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года / Утв. Указом Президента РФ от 9.10.2007 г. № 1351. Указ. соч.
 16. Пчелинцева Л. М. Семейное право России: учебник. 5-е изд., перераб. – М.: Норма, 2008. – 703 с.

17. См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2009 г. № 12-П по делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 10 Закона Российской Федерации «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» в связи с жалобой гражданина С. Н. Борозенца // Собрание законодательства РФ. – 2009. – № 30. – Ст. 3920.
18. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей: Федеральный закон РФ от 19 мая 1995 г. № 81 – ФЗ (в ред. 07 марта 2011 г.) // СЗ РФ. – 1995. – № 21. Ст. 1929; СЗ РФ. – 2011. № 11. – Ст. 1496.
19. См.: Приказ Министерства здравоохранения и социального развития РФ «Об утверждении Порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» от 23.12.2009 г. № 1012н // Российская газета. – № 15. – 27.01.2010.
20. См.: Гончаров В.В. Роль семьи как социального института в сохранении и развитии российской государственности // Семейное и жилищное право. – 2010. – № 1.
21. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. № 382-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.
22. См.: Куликов В. Семья и воля. Павел Астахов: на бедных родителей заведут паспорта помощи // Российская газета. – № 293. 27.12.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/12/27/astahov.html> (дата обращения: 27.12.2010).
23. Брынцева Г. Таблица алиментов. Нужен ли государственный алиментный фонд при живых родителях // Российская газета. – № 117. – 01.06.2010. URL: <http://www.rg.ru/2010/06/01/alimenty.html> (дата обращения: 01.06.2010).
24. См.: Определение Конституционного Суда РФ от 02.10.2003 г. № 382-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности положений статей 8, 15 и 17 Федерального закона «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» // Вестник Конституционного Суда РФ. – 2004. – № 1.
25. См.: Снежко О. А. Конституционно-правовая защита семьи // Государство и право. – 2008. – № 2.
26. См.: Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года / Утв. Указом Президента РФ от 9.10.2007 г. №1351. Указ. соч.
27. См.: Там же.

ЗАЩИТА ПРАВ ДЕТЕЙ, ОСТАВШИХСЯ БЕЗ ПОПЕЧЕНИЯ РОДИТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. Н. Левушкин
Ульяновский государственный университет,
г. Ульяновск, Россия

Summary. The present article is devoted some pressing questions and tendencies of development of protection of the rights of children without parental

support in the Russian Federation. In work problems of state regulation of activity on guardianship and guardianship and other forms of the device of children are defined. In article are specified that the preferable form of social protection of children without parental support, adoption as it allows to provide with peak efficiency not only interests of children, but also interests of adult people which are for whatever reasons deprived possibility to have the children is.

Key words: children, protection of children, the device of children, guardianship, guardianship, adoption, a foster home.

Конвенция о правах ребёнка [1], в которой Россия участвует в порядке правопреемства после СССР, имеет прямое действие на территории нашего государства, соответственно, Россия приняла на себя обязательства, предусмотренные ею, в полном объёме. В настоящее время в стране проводятся мероприятия, направленные на повышение уровня жизни детей, обеспечение их правовой защищённости. Признавая общей целью государственной социальной политики улучшение положения детей, преодоление нарастания негативных тенденций, стабилизацию положения детей и создание реальных предпосылок положительной дальнейшей динамики процессов жизнеобеспечения детей, государство ещё в середине 90-х годов XX в. определило в качестве основных направлений в своей деятельности укрепление правовой защиты детей [4, с. 26].

Заслуживает всесторонней поддержки мнение профессора А. Бастыркина о том, что «Нельзя ссылаться на недостаток финансирования и кризис. Недопустима ситуация, когда ребёнок боится возвращаться из школы домой или выйти во двор. Решать проблемы защиты детей годами – непозволительная роскошь. Нужно, чтобы уже сейчас каждый ребёнок чувствовал заботу и уверенность в завтрашнем дне» [3, с. 44].

Во всех случаях, когда ребёнок по тем или иным причинам остался без попечения родителей, заботу о нём принимает на себя государство.

Практика применения положений гражданского и семейного законодательства в этой области за многие десятилетия показала, что назрела необходимость проведения комплексной реформы этого института. Немногочисленные нормы Гражданского и Семейного кодексов РФ не позволяли разрешить целый ряд вопросов, связанных с назначением опекунов и попечителей, с выдачей разрешений на отчуждение жилых помещений и иного имущества подопечных, с привлечением опекунов и попечителей к ответственности. Кроме того, в настоящее время коренным образом изменились социальные отношения по устройству граждан, нуждающихся в опеке и попечительстве. Всё это настоятельно потребовало изменения содержания института опеки и попечительства исходя из его новых задач и принципов.

Перечислим задачи государственного регулирования деятельности по опеке и попечительству: обеспечение своевременного выявления лиц, нуждающихся в установлении над ними опеки или попечительства, и их устройства; защита прав и законных интересов подопечных; обеспечение достойного уровня жизни подопечных; обеспечение исполнения опекунами, попечителями и органами опеки и попечительства возложенных на них полномочий; и другие.

Защитой прав и интересов детей, оставшихся без попечения родителей, занимаются специально уполномоченные государством органы опеки и попечительства. Они ведут учёт таких детей, исходя из конкретных обстоятельств утраты попечения родителей избирают формы их устройства, осуществляют последующий контроль над условиями их содержания, воспитания и образования [2]. Для своевременного выявления таких детей закон возлагает на должностных лиц учреждений, которые непосредственно соприкасаются с детьми (детских садов, школ, детских поликлиник и т. д.), а также на граждан, располагающих сведениями об утрате детьми попечения родителей, обязанность сообщить об этом в орган опеки и попечительства по месту фактического нахождения детей. Получив такие сведения или при самостоятельном выявлении детей, оставшихся без попечения, органы опеки и попечительства принимают меры для защиты их прав и интересов и решают вопрос о форме устройства и дальнейшем воспитании ребёнка.

Устройство детей, оставшихся без попечения родителей, осуществляется в различных правовых формах. В первую очередь их стремятся передать на воспитание в семью: на усыновление (удочерение), под опеку (попечительство) или в приёмную семью. При отсутствии такой возможности детей помещают на воспитание в различные государственные учреждения: дома ребёнка, детские дома, школы-интернаты, дома для инвалидов и т. д. Тип учреждения определяется в зависимости от возраста и состояния здоровья ребёнка. На наш взгляд, усыновление необходимо рассматривать как приоритетную форму устройства и воспитания детей, оставшихся без попечения родителей.

Библиографический список

1. Конвенция о правах ребёнка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. – Выпуск XLVI. – 1993.
2. Семейный кодекс РФ от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.12.2010 N 386-ФЗ) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 1. – Ст. 16.
3. Бастыркин А. Ф. На защите прав несовершеннолетних // Законность. – 2009. – № 9. – С. 44–47.

4. Нечаева А. Н. Отобрание детей у родителей // Российская юстиция. – 2010. – № 3. – С. 26–28.

СОСТОЯНИЕ И ДАЛЬНЕЙШИЕ ПЕРСПЕКТИВЫ РЕАЛИЗАЦИИ В РОССИИ ОРГАНИЗАЦИОННО- ПРАВОВЫХ ГАРАНТИЙ В ОТНОШЕНИИ ЛИЦ, СТРАДАЮЩИХ ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

О. Н. Арестова

Центральный районный суд, г. Тверь, Россия

Summary. The article in question is devoted to the short analysis of state and further perspectives of realization of organization and legal guarantees in Russia that concern individuals suffering from mental disorders. The subject matter in question is almost untouched in the works of scientist-jurists today, it is also discussed insufficiently wide by practical workers, but at the same time it demands detailed development in condition of aggravation of the problem of unprotection of individuals with disorders in psyche in society.

Key words: organization and legal guarantees, individuals suffering from mental disorders.

Сегодня в Российской Федерации не только состоялись, но и продолжают совершенствоваться организационно-правовые гарантии охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Они предполагают наличие самостоятельной нормативной базы и развёрнутой системы различных органов, как государственных, так и общественных, основной задачей которых является реализация прав и свобод граждан, их охрана и защита. Формированию гарантий способствовал, безусловно, начатый в конце 90-х годов прошлого столетия процесс проведения и регулирования государством программ, направленных на совершенствование не только правоохранительной деятельности, но так же программ социальной направленности.

Организационно-правовые гарантии¹ представляют систему обеспечительных правовых средств, посредством чего реализуются государственные обязательства по отношению к определённым социальным группам в рамках соблюдения их прав и интересов. Организационно правовые гарантии – это и законодательно закреплённые средства охраны прав и свобод граждан и непосредственные способы их реализации, которые служат единой общей цели: охране правопорядка в интересах общества и государства. В реализации таких гарантий участвует непосредственно, как сам законодатель (уча-

¹ Гарантии – (от фр. *garantie*) – обеспечение осуществления чего-либо, выполнение каких-то обязательств. Данное значение приводится в Большом словаре иностранных слов. – М.: Мартин, 2006. – С. 132.

стие путём принятия определённых законодательных актов), так и правоприменитель (представители правоохранительных органов), а так же государственные органы социального обеспечения. Участие двух последних субъектов проявляется в том, что они внедряют законодательно установленные гарантии в практической деятельности.

После прохождения установленной процедуры принятия соответствующего акта, где организационно-правовые гарантии получают своё закрепление, они становятся важными правовыми инструментами- гарантам надлежащего отправления правосудия, защиты прав и свобод человека в уголовном и гражданском процессах, а так же конституционном производстве, служат охране и соблюдению в обществе правопорядка и законности. При этом непосредственное исполнение и воплощение в жизнь организационно-правовых гарантий осуществляется в процессе работы соответствующих органов и учреждений, призванных обеспечивать надлежащее состояние прав и свобод личности посредством реализации конкретных организационно-правовых методов.

Назовём некоторые важные организационно-правовые гарантии: обеспечение права на защиту посредством реализации уполномоченными органами линии защиты, реализация права на бесплатную юридическую помощь, используя установленные для этого в субъектах РФ возможности, с учётом нормативных источников¹; обеспечение гласности и открытости судебного разбирательства через определённый объём процессуальных мероприятий, содействующих реализации закреплённого в процессуальном законодательстве принципа гласности и открытости. Среди всего объёма организационно-правовых гарантий следует особо выделять и, прежде всего, делать это с целью практической, процессуальные гарантии², закреплённые в ГПК и УПК РФ: право на обжалование решения (приговора) суда, право на обеспечение и представление судом возможности собирания и исследования доказательственной базы в условиях исполнения принципа состязательности процесса, право на процедуру возмещения гражданину в полном объёме вреда, причинённого в результате незаконного уголовного преследования, право компенсации за нарушения права на судопроизводство в разумный срок в гражданском судопроизводстве. Особое место в механизме формирования государством всех организационно-правовых гаран-

¹ См. например: Закон Санкт-Петербурга от 26 декабря 2007 г. № 710-2 «О предоставлении бесплатной юридической помощи отдельным категориям граждан в Санкт-Петербурге».

² Они представляют установленные напрямую в уголовно-процессуальном и гражданско-процессуальном законодательстве правовые средства использования прав, отвечающих конституционным и международно-правовым стандартам, и используемых в судопроизводстве для достижения определённых задач.

тий занимают те, что направлены на защиту лиц с проблемами психического состояния здоровья.

Сфера¹ охраны и защиты таких граждан соотносится с общим направлением государственной правоохранительной политики, включающим в себя охрану и защиту прав человека² в России. Правоохранительная деятельность в данном направлении предполагает: недопущение беззакония, антиобщественных явлений и всяких иных проявлений противоправности, исключение всяческих попыток «недозволенно ограничивать, злонамеренно ущемлять или умалять права и законные интересы, кому бы они не принадлежали – российскому гражданину, иностранцу, лицу без гражданства, какому-то должностному лицу, коммерсанту, государственной или негосударственной организации»³.

Вильям Шекспир сказал когда-то, что «сущность закона – человеколюбие». Данный афоризм имеет не только философский ас-

¹ По другому можно сказать «область охраны и защиты прав человека».

² Прим. Автора. Термины *охрана* и *защита* имеют самостоятельное значение. Так, если охрана предусматривает существование охранительных механизмов (правовых норм, правовых методов) с целью исключения противоправного поведения, нарушения Закона, и предполагает сама по себе существование норм, регулирующих соблюдения прав и законных интересов в обществе и государстве и существование определённого структурного механизма для реализации права (государственных органов), то защита предполагает непосредственную реализацию охранительных норм посредством действительной работы соответствующих государственных органов и структур и, в более широком понимании, предполагает как раз реализацию конкретных средств, приёмов, установление порядка и способов внедрения охранительных норм при непосредственном нарушении прав. В отношении лиц с психическими недугами примером правоохранительного охранительного метода, реализуемого посредством соответствующих норм, является введение в УК в качестве отягчающих наказание следующих обстоятельств: привлечение к совершению преступления лиц, страдающих психическим расстройством, совершение преступления в отношении беззащитного или беспомощного лица (к ним относятся и граждане, страдающие психическим расстройством), совершение преступления по мотиву ненависти и вражды в отношении отдельных социальных групп (например, бомжа, страдающего психическим заболеванием). Реализация же института наказания в приговоре с учётом применения отягчающих обстоятельств является защитной функцией, осуществляемой судом.

К области защиты необходимо соотносить и правотворческую деятельность Конституционного Суда РФ, основанную как раз на правоприменительном анализе и разрешении конкретных ситуаций и направленную на совершенствование системы правопорядка. Именно с учётом названных критериев возможно как раз говорить о формировании защитных механизмов на государственно уровне со стороны правоохранительных органов.

³ См.: Гуценко К. Ф., Ковалёв М. А. Правоохранительные органы: учебник для юридических вузов факультетов. – Издание 9-е / под. ред. К. Ф. Гуценко. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2010. – С. 6.

пект, но и правовой. Именно ценность человека и гражданина, даже с недостатками интеллекта, любыми психическими проблемами здоровья, уважение его прав и свобод предполагается в охранительной функции государственных органов как подтверждение состоявшегося статуса стабильного правового и демократического государства, где в основе нравственных ценностей подразумеваются гуманизм и уважение прав и интересов личности – как особо значимый и важный принцип конституционного правового устройства. Как нами уже было отмечено, успешная реализация охранительных средств и методов напрямую зависит от эффективной работы правоохранительных органов, которая в свою очередь базируется на соответствующей законодательной базе.

Так, согласно Конституции РФ граждане, страдающие психическими расстройствами, обладают всеми правами и свободами, предусмотренными в ней и соответствующими законами РФ. Ограничение прав и свобод указанной категории граждан, что связано с самим психическим расстройством, не устанавливается только на основании психиатрического диагноза или фактов нахождения под диспансерным наблюдением¹. Такое ограничение допускается только в случаях, предусмотренных в Законе. Психическое расстройство гражданина может стать как причиной ограничения его правоспособности, так и признания недееспособным в установленном процессуальном порядке. Хотелось бы сразу обратить внимание на достаточно лаконичное, ёмкое и определяющее мнение судьи Конституционного Суда РФ Г. А. Гаджиева² в части пределов ограничения гражданских и процессуальных прав лиц, страдающих психическими недугами. Уважаемый судья отметил, «что положение статьи 29 ГК Российской Федерации не должно пониматься таким образом, что признание недееспособным в сфере гражданского оборота означает ограничение прав во всех остальных сферах жизни. В частности, признание недееспособным не должно приводить к поражению в процессуальных правах».

Права и свободы человека и гражданина признаются и гарантируются в Российской Федерации согласно не только Конституции, но общепризнанным принципам и нормам международного права в соответствии с ч. 4 ст. 15, ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации. Общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью её правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмот-

¹ Подразумевается наблюдение в психиатрическом учреждении или стационаре.

² См.: Абз. 4 п. 3. Особое мнение к Постановлению Конституционного Суда РФ от 27 февраля 2009 г. N 4-П.

ренные национальным законом, то применяются правила международного договора.

Для конкретизации и индивидуализации положений, действующих международно-правовых актов применительно к лицам, страдающим психическими расстройствами, и в целях активного их применения российским правоприменителем предлагаем обратиться к Постановлению Конституционного суда РФ от 20.11.2007 г. № 13-П (п. 2), в котором как раз удачно приводится относительная систематизация международно-правовых актов в отношении лиц с проблемами психики. В то же время, что в частности так же отмечено в упоминаемом нами Постановлении, «с названными положениями международных актов соотносятся предписания Закона Российской Федерации от 2 июля 1992 года № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»¹, который является основополагающим в развитии системы обеспечения защиты лицам страдающим психическими заболеваниями.

Таким образом, исходя из вышеизложенного можно сказать о наличии и продолжающемся развитии и совершенствовании организационно-правовых гарантий посредством проводимой не только законодательной, но и правотворческой деятельности. И здесь как раз важно отметить, что развитие указанных гарантий абсолютно актуально для нашего общества, где как раз наблюдается острота проблемы незащищённости, подавленности, отчуждённости такой социальной группы, как лица, страдающие психическими заболеваниями.

Невозможно не отметить в рамках обсуждения затронутой проблематики следующий момент. На сегодняшний день представляется затруднительным определить однозначно, наблюдается ли улучшение или ухудшение психического здоровья населения в России. Автор не нашёл официальной статистической оценки по этому вопросу, имеет место только отчётность по отдельным регионам. Без однозначной официальной статистической оценки, безусловно, затруднительным представляется определить показатели устойчивости психического здоровья нации, их изменения для составления общего профиля психического здоровья в России, что как раз является определяющим фактором для развития государственной политики, направленной на помощь лицам, страдающим психическими заболеваниями. Для сравнения сразу же хотелось бы отметить, что за рубежом оценка психического здоровья нации – это часть активно внедряемых и действующих социальных государственных про-

¹ В кавычках приводится прямое цитирование Постановления Конституционного суда РФ от 20.11.2007 г. №13-П (абз.6. п.2 Постановления).

грамм, и в качестве примера можно назвать Шотландию¹. Отсутствующая оценка, о которой пишет автор, включает такие показатели, как психическое благополучие, проблемы психического здоровья. В то же время, например, от указанных показателей во многом зависит эффективное функционирование не только социальной, но именно правовой политики государства. Представляется единственно верным решением в государственной политике нашего государства, что такие социально уязвимые социальные категории граждан, как лица, страдающие психическими заболеваниями, должны быть особым предметом одновременной заботы национальных социальных и правоохранительных органов. В целях же обеспечения таким лицам неукоснительной защиты со стороны соответствующих государственных структур, с целью охраны прав и свобод указанных лиц, должно проводиться необходимое и постоянное финансирование как на федеральном уровне, так и в субъектах и муниципалитетах; своевременно и гуманно оказываться социальная и медицинская помощь, а последняя должна иметь основной целью восстановление адаптированного социального статуса в обществе, а не делать лицо с психическими отклонениями изгоем для общества, как не прискорбно констатировать, что происходит сейчас как раз в большинстве случаев. И, безусловно, что всем этим мероприятиям должны способствовать реализуемые организационно-правовые гарантии. В свою очередь своевременные и должные программы социально-правовой направленности смогут повлиять и уменьшить антисоциальное поведение таких граждан, обезопасить их от произвола криминальных структур, а так же от противоправного поведения граждан, использующих недостатки психического развития в противоправных и корыстных целях. Что же касается последнего названного фактора, то одним из распространённых явлений остаётся на сегодня незаконное лишение жилья лиц, страдающих психическими заболеваниями, путём заключения противоправных сделок, инициируемых зачастую родственниками лиц, страдающих психическими заболеваниями. В части преступных криминальных явлений особое место занимает так называемая «деятельность чёрных риэлторов», в результате которой одинокие лица, из-за длительного употребления спиртных напитков, а так же наркотических препаратов, и страдающие стойкими хроническими психическими заболеваниями, лишаются своих квартир и оказываются бомжами. Сам автор неоднократно наблюдал в правоприменительной деятельности подобные инциденты. Не могут не беспокоить и преступления против половой неприкосновенности как несовер-

¹ Официальный сайт о развитии программы улучшения национального здоровья: www.wellscotland.info

шеннолетних, так и совершеннолетних граждан, страдающих психическими расстройствами. Причём, с большим сожалением отметим, что большая часть таких преступлений так и не раскрывается, ввиду того, что в семье о данном факте умалчивается, либо запуган сам несовершеннолетний, который находится под влиянием насильника.

Сегодня в российских судах продолжают сосредотачиваться дела, с участием лиц, страдающих различного рода психическими недугами. Исходя из детального анализа отдельных дел, можно констатировать, что лица, страдающие психическими заболеваниями,¹ представляют в общественно-правовых отношениях наиболее уязвленную и менее защищённую социальную группу. И потому не только развитием социальных и медицинских программ по охране психического здоровья населения и адаптации в обществе лиц с психическим расстройствами должно заниматься государство, но, безусловно, продолжать развитие и совершенствовать законодательство, в том числе процессуальное (и касается это в большей части ГПК РФ, где наблюдаются явные недоработки законодателя²) в части защиты названной уязвленной группы индивидов. И перспективы к этому создаёт не только сама жизнь, но и уже проделанная государственная политика, которая в последнее время должна быть подкреплена, на наш взгляд, комплексным и достаточно разумным финансированием, социальными и правовыми программными наработками.

Считаем, что сегодня для России реализация правовых механизмов защиты лиц, страдающих психическим заболеваниями, имеет превалирующее значение среди всех других государственных

¹ Лица, страдающие психическим заболеванием, представляют довольно обширную и распространённую группу лиц. Часто в судебной практике встречаются дела с участием лиц, больных шизофренией на различных стадиях протекания данного заболевания по тому или иному типу (непрерывный и приступообразный), проявляющуюся в том или ином виде (параноидный, галлюцинаторно-параноидный варианты, вялотекущая шизофрения и др. формы). Особую группу психических заболеваний среди наиболее часто встречающихся в судебно-медицинской практике, бесспорно, составляют алкоголические психозы (алкогольный делирий (белая горячка), алкогольный галлюциноз, параноид и др.). Психические расстройства, вызванные употреблением наркотических средств и использованием других психоактивных веществ – так же широко распространены.

² Автор рассматривал отдельные недоработки в своей работе «К вопросу о развитии и совершенствовании гражданского судопроизводства и ГПК РФ в части обеспечения защиты лицам, страдающим психическими заболеваниями», подготовленной в рамках международной конференции «Актуальные проблемы развития науки гражданского права и гражданского процесса в России и зарубежных странах» Великий Новгород, 25–26 февраля 2011 г.

программ. Активно требуют продолжения своего развития и совершенствования все направления законодательства в отношении лиц с психическими расстройствами: социальное, медицинское, конституционно-правовое. Более того, необходима консолидация задач как по отдельным отраслям, так и в совокупности, выделение межотраслевых блоков и задач и их систематизация с целью изыскания наиболее конструктивных решений в государственной политике по защите рассматриваемой уязвленной категории граждан.

ВОПРОС О ЦЕНЗУРЕ ПЕРЕПИСКИ В РЕШЕНИЯХ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДА РФ И ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

С. А. Куликова
Саратовский государственный университет,
г. Саратов, Россия

Summary. The Constitution of the Russian Federation guarantees the right to the secrecy of correspondence as a component of personal privacy. Moreover, this right is closely connected with a right to a qualified legal assistance, as far as detained, accused and imprisoned people are concerned. The article focuses on the conditions and mechanism of correspondence censorship as stipulated by the legislation of the Russian Federation. The author reveals existing collisions and analyzes Rulings of the Constitutional Court of the Russian Federation and the European Court of Human Rights on the issues of correspondence censorship.

Key words: personal privacy, correspondence censorship, right to legal assistance.

Одним из фундаментальных прав личности является право на неприкосновенность частной жизни. Это право воплощено в двух статьях Конституции Российской Федерации, которые гарантируют каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (часть 1 статьи 23), право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (часть 2 статьи 23), запрещают сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1).

Право на тайну переписки в силу положений части 3 статьи 56 не является абсолютным, однако его ограничения, как следует из правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации, выраженных в его решениях, в том числе в Постановлении от 14 мая 2003 года № 8-П и Определении от 8 ноября 2005 года № 439-О, допустимы лишь при условии их адекватности и соразмерности и могут быть оправданы лишь необходимостью обеспечения указан-

ных в части 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации целей защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

В соответствии с частью 2 статьи 23 Конституции ограничение права переписки допускается только на основании судебного решения.

Условия и механизм осуществления цензуры переписки устанавливаются в шести Федеральных законах.

Закон РФ от 2 июля 1992 г. № 3185-1 «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» [1], Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 120-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» [2], Уголовно-исполнительный кодекс РФ от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ [3], Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [4], Федеральный закон от 31 мая 2001 г. № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» [5], Федеральный конституционный закон от 30 января 2002 N 1-ФКЗ «О военном положении» [6].

Цензура корреспонденции, получаемой и отправляемой осужденными, отбывающими наказание в исправительном учреждении, цензура переписки несовершеннолетних, содержащихся в специальных учебно-воспитательных учреждениях закрытого типа осуществляется соответственно администрациями исправительного учреждения, места содержания под стражей или учебно-воспитательного учреждения.

Целью осуществления подобной цензуры является недопущение передачи сведений, направленных на инициирование, планирование, организацию или сокрытие преступления, вовлечение в его совершение других лиц.

Законодатель устанавливает пределы применения цензуры переписки.

Так, часть 4 статьи 15 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации от 08.01.1997 № 1-ФЗ предусматривает, что предложения, заявления и жалобы осужденных к аресту, содержанию в дисциплинарной воинской части, лишению свободы, смертной казни, адресованные в органы, осуществляющие контроль и надзор за деятельностью учреждений и органов, исполняющих наказания, цензуре не подлежат и не позднее одних суток направляются по принадлежности. Часть 2 статьи 91 УИК РФ переписка осужденного с судом, прокуратурой, вышестоящим органом уголовно-исполнительной системы, а также с Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации, уполномоченным по правам че-

ловека в субъекте Российской Федерации, общественной наблюдательной комиссией, созданной в соответствии с законодательством Российской Федерации, Европейским Судом по правам человека цензуре не подлежит. Переписка осужденного с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, если администрация исправительного учреждения располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения как раз направлены на планирование или организацию преступления.

Подобные нормы содержатся в Федеральном законе «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ. Причем, защита права несовершеннолетних на свободную от цензуры переписку в этом законе даже усилена по сравнению с Уголовно-исполнительным кодексом: согласно статье 10 Федерального закона «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» переписка несовершеннолетнего с адвокатом или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, цензуре не подлежит, за исключением случаев, когда администрация специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа располагает достоверными данными о том, что содержащиеся в переписке сведения направлены на инициирование, планирование или организацию преступления либо вовлечение в его совершение других лиц. В этих случаях контроль почтовых, телеграфных или иных сообщений осуществляется по мотивированному решению администрации специального учебно-воспитательного учреждения закрытого типа. Копия такого решения направляется прокурору, осуществляющему надзор за соблюдением законов соответствующим специальным учебно-воспитательным учреждением закрытого типа.

Иные положения закреплены в Федеральном законе от 15 июля 1995 года № 103 ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в соответствии с которыми переписка подозреваемых и обвиняемых осуществляется только через администрацию места содержания под стражей и подвергается цензуре; цензура осуществляется администрацией места содержания под стражей, а в случае необходимости лицом или органом, в производстве которых находится уголовное дело (части первая и вторая статьи 20); *предложения, заявления и жалобы, адресованные в органы государственной власти* (кроме прокуратуры, Уполномоченного по правам человека и Европейского Суда по правам человека), *общественные объединения, а также защитнику, должны быть рассмотрены администрацией места содержа-*

ния под стражей и направлены по принадлежности не позднее трех дней с момента их подачи (части 2 и 3 статьи 21).

Таким образом, получается, что законодатель исходит из недопустимости цензуры переписки осужденных с защитником или иным лицом, оказывающим юридическую помощь на законных основаниях, по общему правилу (цензура осуществляется только в качестве исключения в оговоренных законодателем случаях), а в отношении подозреваемых и обвиняемых, содержащихся под стражей (т.е. лиц, вина которых не доказана и в отношении которых обвинительный приговор не вступил в законную силу), наоборот – их предложения, заявления, жалобы подвергаются тотальной цензуре. Более того, здесь появляется еще один дополнительный субъект, который может осуществлять цензуру: «в случае необходимости» это может быть лицо или орган, в производстве которых находится уголовное дело.

Тем самым, кроме необоснованного ограничения права на тайну переписки статьи 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», позволяя администрации места содержания под стражей подвергать цензуре переписку обвиняемого в совершении преступления со свободно избранным им адвокатом (защитником), ограничивают права, гарантированные статьями 46 и 48 Конституции Российской Федерации, поскольку лишают обвиняемого возможности получить квалифицированную юридическую помощь, и противоречат статьям 6 и 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод в их понимании Европейским Судом по правам человека.

Указанное противоречие правовых норм, регулирующих право переписки подозреваемых и обвиняемых, стало предметом рассмотрения Конституционного Суда Российской Федерации [7]. В своем Постановлении он подчеркнул, во-первых, что обеспечение конфиденциальности сведений, содержащихся в такого рода корреспонденции, подлежит защите в силу положений Конституции Российской Федерации, которые гарантируют каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (статья 23, часть 1), запрещают сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия (статья 24, часть 1).

И, во-вторых, Конституционный Суд РФ обратил внимание на часть 2 статьи 48 Конституции Российской Федерации, согласно которой каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания,

заключения под стражу или предъявления обвинения. Данное право, будучи одним из проявлений более общего права, гарантированного каждому статьей 48 (часть 1) Конституции Российской Федерации, – права на получение квалифицированной юридической помощи, служит для этих лиц гарантией осуществления других закрепленных в Конституции Российской Федерации прав - на защиту своих прав и свобод всеми способами, не запрещенными законом (статья 45, часть 2), на судебную защиту (статья 46), на разбирательство дела судом на основе состязательности и равноправия сторон (статья 123, часть 3).

Согласно Постановлению Конституционного Суда «цензура переписки лица, заключенного под стражу, со своим адвокатом (защитником) возможна лишь в случаях, когда у администрации следственного изолятора есть разумные основания предполагать наличие в переписке недозволенных вложений (что проверяется только в присутствии самого этого лица) либо имеется обоснованное подозрение в том, что адвокат злоупотребляет своей привилегией на адвокатскую тайну, что такая переписка ставит под угрозу безопасность следственного изолятора или носит какой-либо иной противоправный характер; в таких случаях администрация следственного изолятора обязана принять мотивированное решение об осуществлении цензуры и письменно зафиксировать ход и результаты соответствующих действий» [7].

Аналогичной позиции по вопросу о цензуре корреспонденции подозреваемого или обвиняемого, адресованной адвокату, придерживается и Европейский Суд по правам человека. Например, в постановлении от 25 марта 1992 года по делу «Кэмпбелл (Campbell) против Соединенного Королевства» [8] и в постановлении от 5 июля 2001 года по делу «Эрдем (Erdem) против Германии» [8] отмечается, что цензура корреспонденции допустима, только если у тюремной администрации есть разумные основания подозревать, что в ней содержится недозволенное вложение; но даже при наличии таких оснований письмо может быть вскрыто только в присутствии самого заключенного, являющегося его автором, но не должно быть прочитано. Чтение таких писем допустимо в исключительных случаях – только если у администрации есть обоснованное подозрение в том, что такая переписка ставит под угрозу безопасность в тюрьме или по каким-то иным причинам имеет криминальный характер.

Так же в постановлении от 9 октября 2008 года по делу «Моисеев против России» Европейский Суд по правам человека указал, что переписка лица, находящегося под стражей, со своим адвокатом независимо от ее цели всегда является привилегированной; чтение писем заключенного, направляемых адвокату или получаемых от

него, допустимо в исключительных случаях, когда у властей есть разумные основания предполагать злоупотребление этой привилегией в том смысле, что содержание письма угрожает безопасности пенитенциарного учреждения, безопасности других лиц или носит какой-либо иной преступный характер; практика же ознакомления администрацией следственного изолятора со всеми документами, которыми обменивались заявитель и его защита, является избыточным и произвольным посягательством на права защиты [9].

Подытоживая, необходимо отметить, что положения Конституции Российской Федерации, предписания Конвенции о защите прав человека и основных свобод, практика Европейского Суда по правам человека исходят из того, что необходимым условием защиты основных прав личности является недопустимость произвольного вмешательства государства в конфиденциальный характер отношений, гарантируемых Конституцией и международными Конвенциями, в частности при регулировании отношений, складывающихся в процессе получения подозреваемыми и обвиняемыми профессиональной юридической помощи адвоката (защитника), необходимо соблюдать разумную соразмерность между интересами общества и правами и свободами личности.

Библиографический список

1. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 33. Ст. 1913; Собрание законодательства РФ. 2011. №7. Ст. 901.
2. Собрание законодательства РФ. 1995. № 29. Ст. 2759; 2011. №7. Ст. 901.
3. Собрание законодательства РФ. 1997. № 2. Ст. 198; 2011. №7. Ст. 902.
4. Собрание законодательства РФ. 1999. № 26. Ст. 3177; 2011. №7. Ст. 901.
5. Собрание законодательства РФ. 2001. № 23. Ст. 2291.
6. Собрание законодательства РФ. 2002. № 5. Ст. 375; 2011. № 1. Ст. 1.
7. Постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2010 г. № 20-П по делу о проверке конституционности положений статей 20 и 21 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» в связи с жалобами граждан Д. Р. Барановского, Ю. Н. Волохонского и И. В. Плотникова //Официальный сайт Конституционного суда Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru> (Дата обращения 28.04.2008).
8. Решения Европейского Суда по правам человека // Сайт: Европейская Конвенция о защите прав человека: право и практика. URL: <http://www.echr.ru/documents/doc>
9. Приложение к Бюллетеню Европейского Суда по правам человека. Специальный выпуск. 2009. № 3.

НАТО – АЗЕРБАЙДЖАН: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ПАРТНЁРСТВА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

В. Р. Алиев
Бакинский государственный университет,
г. Баку, Азербайджан

Summary. The NATO, being one of the strongest military blocks, aspires to realize a number of the principles connected with stabilization of the international order. The partnership for Peace proclaimed this organization, involves as well Azerbaijan which has already made a number of steps to this direction. Adjustment of international contacts on the basis of observance of the sovereign rights means as well maintenance of base human values, first of all human rights.

Key words: NATO, Azerbaijan, partnership, military cooperation, миротворчество, actions.

Современная система международных отношений построена на балансе различных сил и противовесов, среди которых немаловажное место занимает военный блок НАТО. Учитывая это, каждое государство, в том числе и Азербайджан, стремится укрепить свои международные позиции в том числе и за счёт налаживания равноправных отношений со странами-участниками наиболее мощных военных союзов и блоков. Современная международная ситуация обязательно включает в себя региональное и международное сотрудничество, основанное на взаимовыгодных интересах. Так, 5 мая 2009 г. Азербайджан заявил, что «присоединение к программе НАТО «Партнёрство во имя мира» является составной частью политики страны по евроинтеграции. Налаживание международных связей на основе соблюдения суверенных прав означает также и обеспечение базовых человеческих ценностей, в первую очередь прав человека.

В настоящее время Азербайджан участвует в 8 программах НАТО – PFP, IPP, PARP, IPAP, OCC, PSE, PAP-DIB, PAP-T и выполняет около 50 задач, поставленных в рамках программы «Партнёрство во имя мира». Это повышает эффективность совместной деятельности. Азербайджан сотрудничал с НАТО в рамках миротворческой миссии в Косово и Ираке, и сейчас это партнёрство осуществляется в Афганистане.

Параллельно с интеграцией по линии военного сотрудничества с НАТО Азербайджан наращивает свои внутренние военные возможности, приводя в качестве довода единственный аргумент – противостояние с Арменией.

Особая роль в деле вовлечения Азербайджана в военное сотрудничество с НАТО отведена члену этого блока – Турции.

В целом же на современном этапе сотрудничество Азербайджана с НАТО проходит, по мнению высокопоставленных лиц НАТО, достаточно успешно. В 2008 году Азербайджан разработал второй этап Программы индивидуального сотрудничества, которая успешно выполняется. Это сотрудничество проходит в различных областях, большая часть которых относится к оборонной системе. Наряду с этим имеется и плодотворное сотрудничество с министерствами иностранных дел, внутренних дел, внутренними войсками, МЧС, парламентом, неправительственными организациями и т. д. Есть области сотрудничества, в которых работа идёт быстрее, но есть такие сферы, которые требуют времени. Фактически все государственные ведомства и многие НПО задействованы в сотрудничестве с НАТО. В этом отношении достигнуты значительные положительные шаги в развитии отношений НАТО–Азербайджан [1].

Азербайджан фактически входит во всемирную антитеррористическую сеть, которая существует в НАТО. Во время конференции «Роль реформ в правоохранительных органах и вооружённых силах Азербайджана в интеграции в Евроатлантическое пространство», состоявшейся в середине июня 2009 года, со стороны представителя НАТО было высоко оценено создание Антитеррористического учебного центра при министерстве национальной безопасности Азербайджана.

Выступая на заседании глав государств и правительств стран-участниц Международных сил содействия безопасности в Афганистане (ISAF), состоявшемся 20 ноября 2010 года в Лиссабоне, президент Азербайджана Ильхам Алиев отмечал, что Азербайджан и Североатлантический Альянс связывает полезное сотрудничество. Президент Азербайджана подчеркнул, что миротворческие силы Азербайджана вносят вклад в проводимую Международными силами содействия безопасности операцию в Афганистане в военной и гражданской сферах.

Касаясь современного состояния взаимоотношений НАТО с Азербайджанской Республикой, то, как отметил директор Информационного бюро НАТО в Москве Роберт Пшель на пресс-конференции, состоявшейся 29 января 2011 года, Азербайджан является серьёзным и активным партнёром Альянса и НАТО очень высоко оценивают диалог и программу сотрудничества, которая уже существует с Азербайджаном. Причём Азербайджан стремится стать важной составляющей в решении актуальных проблем современности.

По словам Р. Пшеля, Азербайджан в настоящее время является одной из наиболее активных стран в программе «Партнёрство ради мира». «У нас существует индивидуальная программа партнёрства, где каждая страна выбирает для себя то, что интересует эту страну, и

Азербайджан очень энергично использует это. Ваша страна очень активна в разных областях, и мы с большим удовольствием отмечаем, что Азербайджан также принимает участие в операции Альянса в Афганистане, где находится около ста азербайджанских миротворцев. Всё это свидетельствует о том, что Азербайджан и НАТО готовы к развитию совместного сотрудничества», – считает Р. Пшель.

Глава информбюро НАТО в Москве также отметил, что есть специальные области, по которым Азербайджан в силу очевидных причин считается очень важным партнёром. «К примеру, это опыт и видение Азербайджаном вопросов обеспечения безопасности транспортировки энергоресурсов и т. д».

Касаясь вопроса об урегулировании армяно-азербайджанского конфликта, представитель НАТО сказал, что НАТО заинтересовано в урегулировании всех конфликтов, в том числе и между Арменией и Азербайджаном. «НАТО очень заинтересовано в стабильности и решении всех региональных конфликтов», – отметил Роберт Пшель [2].

В то же время, как считает спецпредставитель НАТО по Южному Кавказу и Центральной Азии Роберт Симмонс, механизм Интенсивного диалога ещё рано применять в отношениях НАТО с Азербайджаном. «Азербайджан стремится к созданию прочных связей с НАТО, но не торопится к полноправному членству в альянсе, по крайней мере, на данный момент. Поэтому мне кажется логичным, что Интенсивный диалог – не подходящий механизм для работы с Азербайджаном в настоящее время», – отмечал 16 апреля 2010 года Р. Симмонс.

Касаясь современного состояния взаимоотношений НАТО с Азербайджанской Республикой, следует отметить, что за последние пять лет, в течение 2005–2010 гг., азербайджанские эксперты приняли участие почти в 100 различных мероприятиях, связанных с НАТО.

Всего же с 1992-го по 2006 год Азербайджан принял участие в 403 учениях и мероприятиях, проведённых в рамках программы «Партнёрство во имя мира» (ПИМ) НАТО. Согласно официальной информации, только в 2010 году военнослужащие ВС Азербайджана приняли участие в 120 мероприятиях, проводимых в рамках ИРР, девять из которых были проведены в Азербайджане. Сейчас, к примеру, в Одессе недавно стартовали двусторонние учения ВМС ВС Украины и Военно-морских сил США, на которые приглашены представители флотов других стран Sea Breeze-2011. В целом, сотрудничество с НАТО показывает всему миру, как развивается независимость и суверенитет Азербайджана.

Библиографический список

1. Збигнев Рыбацки: «НАТО заинтересовано в обеспечении безопасности энергоносителей и маршрутов их поставок» / <http://1news.az>
2. Азербайджан – одна из наиболее активных стран в программе «Партнёрство ради мира» / <http://www.aze.az/news>
3. НАТО поддерживает активный диалог Азербайджана с военным альянсом <http://www.newsazerbaijan.ru/>
4. Азербайджан принимает участие в украинско-американских учениях Sea Breeze-2011 <http://www.aze.az/news>

ОГРАНИЧЕНИЕ ПАССИВНОГО ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ПРАВА ГРАЖДАН РОССИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Е. А. Трофимов

Дальневосточный государственный аграрный университет, г. Благовещенск, Россия

Summary. The article deals with the restriction of passive right of election of Russian Citizens at the beginning of the XXI century. The author pays attention to the fact that the restriction of the right to be elected to the state organs for Russian Citizens does not agree to the Constitution of Russian Federation and International Rights, does not follow the trends of democratization of political system of Russia.

Key words: constitution, passive right of election, restriction of rights and freedoms, Constitutional Court of Russian Federation, authoritarianism, dictatorship.

В новое тысячелетие Россия вошла под флагом политических преобразований, до сегодняшнего времени не получивших однозначной оценки в научном политологическом сообществе. Выражая собственную позицию по данному вопросу, позволим себе согласиться с политологами, утверждающими, что правящая элита страны в угоду своим властным и экономическим интересам избрала неприемлемую для развития демократии технологию, существенно сузившую права и свободы граждан и поставившую Россию на путь демократического регресса.

Подтверждением выше представленной точки зрения является ограничение пассивного избирательного права граждан, затронувшее не только государственный, но и муниципальный уровни управления.

13 сентября 2004 года В. В. Путин озвучил предложения по замене прямых выборов руководителей регионов на их назначение по представлению Президента РФ и уже 11 декабря 2004 года подписал соответствующий федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» [1], заменяющий прямые выборы глав ре-

гионов населением субъекта РФ на особый порядок «наделения полномочиями». Решение о наделении гражданина полномочиями высшего должностного лица субъекта РФ стало приниматься региональным парламентом по представлению Президента РФ. Таким образом, граждане лишились возможности не только избирать отвечающего их интересам главу исполнительной власти субъекта РФ, но и de-facto претендовать на указанную должность. Неслучайно, значительная часть политиков, юристов и правозащитников оценила новый порядок избрания глав регионов как антиконституционный, поставив вопрос о необходимости проверки процедуры «наделения полномочиями» на соответствие нормам Основного закона России. Так, в конце сентября 2005 года Государственная Дума Ярославской области решила направить в Конституционный Суд РФ запрос о проверке конституционности закона о назначении губернаторов (через неделю под давлением губернатора области и «партии власти» ярославский парламент свой запрос отозвал); осенью этого же года последовали запросы в Конституционный Суд РФ от имени жителя Тюменской области В. Ф. Гришкевича; а также группы граждан, связанных с партией «Союз Правых Сил», которым не разрешили провести в ряде регионов референдумы по вопросу сохранения выборности глав субъектов РФ.

21 декабря 2005 года Конституционный Суд РФ принял Постановление, в котором признал новый порядок «наделения полномочиями» главы субъекта Федерации не противоречащим Конституции. Очевидно, что Конституционный Суд РФ, указав на то, что «... из Конституции Российской Федерации не вытекает, что прямые выборы являются единственно правомерным способом получения гражданином Российской Федерации полномочий высшего должностного лица субъекта Российской Федерации (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Российской Федерации), новый порядок не может рассматриваться как ограничение конституционного права и тем самым – как нарушение статей 32 и 55 Конституции Российской Федерации» [2, с. 63], принял не юридическое, а политическое решение, встав на сторону «сильного».

На антиконституционный характер процедуры «наделения полномочиями» обратили внимание судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцев и А. Л. Кононов, которые выразили свои позиции в особых мнениях. Так, В. Г. Ярославцев, рассматривая характерный для демократического государства признак – народовластие, отметил, что в основе нового порядка наделения полномочиями глав субъектов Российской Федерации лежит «отторжение народа от власти, сопровождающееся приходом к управлению «мегама-

шиной» любого, кому будет «даровано» право доступа к ней на многочисленных уровнях бюрократической администрации» [3, с. 73–75]. А. Л. Кононов, констатировал, что «Главным и фатальным противоречием Постановления является упорное отрицание Конституционным Судом права каждого избирать и быть избранным главой исполнительной власти региона.

... Представляется, что это отрицание разительно не согласуется с нормами и принципами Конституции Российской Федерации, которая утверждает демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления (статья 1) и соответственно этим основам признаёт многонациональный народ единственным источником власти, осуществляющим эту власть как непосредственно, так и через органы государственной власти и местного самоуправления, а высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы (статья 3). Права граждан избирать и быть избранными в органы государственной власти, право участвовать в управлении делами государства непосредственно и через своих представителей, равный доступ к государственной службе (статья 32) как важнейшие политические права и свободы человека являются высшей ценностью (статья 2) и выражением демократии и народовластия. Они неотчуждаемы, являются непосредственно действующими, определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти (статьи 17 и 18).

... Из указанных выше норм Конституции, из международной практики применения общепризнанных принципов и норм о правах человека, из учения о толковании правовых норм следует, что их интерпретация правоприменителем во всяком случае не может приводить к уменьшению объёма признанных прав и свобод. К сожалению, Конституционный Суд поступил иначе» [4, с. 66–67].

22 апреля 2005 года Государственная Дума РФ приняла четвертый по счёту Федеральный закон «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» [5], установивший пропорциональную систему выборов депутатов Государственной Думы России. Следует заметить, что процесс партизации начался еще летом 2002 года с внесением поправок в ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации», предусматривающих обязательное использование пропорциональной системы на выборах депутатов региональных парламентов.

Отказ от мажоритарной избирательной системы при формировании Государственной Думы и ограничение мажоритарной со-

ставляющей (вплоть до её ликвидации) на выборах в региональные законодательные (представительные) органы власти лишили права граждан на самовыдвижение. Как отмечают А. В. Иванченко и А. Е. Любарев, «... На последних выборах в Государственную Думу им смогли воспользоваться сотни граждан. И 67 из них были избраны депутатами. Ликвидация такого права — прямое нарушение части 2 статьи 55 Конституции РФ, которая запрещает издавать законы, отменяющие права граждан» [6, с. 210].

По сути, на пути реализации граждан своего права на самовыдвижение был возведен «партийный барьер» из представителей партийной номенклатуры. В условиях монополизации партиями части политического коммуникативного пространства, кризиса массовых политических партий, возникшего в процессе унификации социума, партийные функционеры смогли превратить свою деятельность в бизнес. Практика показывает, что выдвижение кандидата от партий в современных условиях становится возможным лишь в трёх случаях: подконтрольности партии (регионального отделения) кандидату; прямой директиве главы региона, обладающего влиянием на экономический процесс в субъекте, а следовательно, и на политическую составляющую; покупке решения о выдвижении в партийном списке или мажоритарном округе. В последнем случае, средняя цена вопроса достаточно высока и составляет по некоторым оценкам — миллион долларов на выборах в Государственную Думу, 100–200 тысяч долларов США на выборах в региональные парламенты [7, с. 118; 8, с. 72; 9].

Таким образом, акцент на использование пропорциональной системы при формировании представительных органов власти не только стимулировал партийную коррупцию, но и фактически лишил возможности рядовых граждан быть избранными в органы государственной и даже муниципальной власти, то есть, говоря словами К. Поппера, подменил народную демократию, демократией партийной, иными словами, правлением партийных лидеров [10].

Поправки в закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», внесённые 25 июля 2006 года также ограничили пассивное избирательное право россиян. Как известно, российская Конституция в части 3 статьи 32 предусматривает лишь два случая, когда право избирать и быть избранным не может быть реализовано гражданами: если они были признаны судом недееспособными или содержатся в местах лишения свободы по приговору суда [11, с. 11]. Внесённые же поправки в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в пункте 3.1. статьи 4 установили: «Не

имеют права быть избранными граждане Российской Федерации, имеющие гражданство иностранного государства либо вид на жительство или иной документ, подтверждающий право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Указанные граждане вправе быть избранными в органы местного самоуправления, если это предусмотрено международным договором Российской Федерации» [12], что вступает в противоречие части 2 и 3 статьи 3, часть 2 статьи 6, статьи 18, часть 2 статьи 19, части 2 и 3 статьи 32, части 2 и 3 статьи 55 Конституции РФ. В том числе нарушается Европейская конвенция о гражданстве 1997 года, подписанная Российской Федерацией под условием ратификации. Пункт 1 статьи 17 Конвенции предусматривает, что «граждане государства-участника, имеющие другое гражданство, обладают на территории этого государства-участника, в котором они проживают, теми же правами и несут те же обязанности, что и другие граждане этого государства-участника» [13].

Следует согласиться с особым мнением судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова, что лишение пассивного избирательного права – в данном случае лишение граждан Российской Федерации, имеющих иное (двойное) гражданство, права избираться в представительные органы власти не только не соответствует духу конституционных принципов, основам конституционного строя, понятию демократического правового государства, но и прямо противоречит конституционному регулированию данного права [14, с. 24–29].

Фактическое разделение российских граждан на две категории: благонадежных – имеющих одно российское гражданство и, неблагонадежных – кроме российского, гражданство другого государства, подрывает единство народного суверенитета и является выражением идеологических предпочтений советской эпохи.

На муниципальном уровне ограничение пассивного избирательного права граждан России проявилось и в принятом Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», который в пункте 2 статьи 37 предоставил гражданам выбор модели организации управления на местном уровне, – выбор или назначение главы местной администрации: «Главой местной администрации является глава муниципального образования либо лицо, назначаемое на должность главы местной администрации по контракту, заключаемому по результатам конкурса на замещение указанной должности на срок полномочий, определяемый уставом муниципального образования» [15]. В условиях витализации культурных архетипов, возможность «выбора» проявилась в массовом переходе от процедуры всенародного избрания мэров городов на нанимаемых

«менеджеров», сосредоточивших в своих руках хозяйственные и административные функции.

Следует согласиться с рядом политических исследователей, считающих, что переход к назначению «сити-менеджера» является не прихотью региональной или муниципальной власти, и уж тем более не народа, решившего повысить эффективность работы муниципалитетов, а стремлением подчинить независимое местное самоуправление вертикали власти. На данные размышления наводят не только заявления некоторых глав регионов, рассматривающих местное самоуправление как элемент государственной власти, но и результаты избрания на должность глав администраций в ряде городов России. Так, во Владимире, Екатеринбурге, Кургане, Туле, Челябинске «менеджерами» были избраны заместители главы города; в Рязани, Тюмени, Твери – члены региональных правительств; в Благовещенске – руководитель Аппарата губернатора. В редких случаях руководителями администраций городов становятся руководители предприятий ЖКХ и предприниматели, но при этом, как и первые, имеющие тесную связь с «партией власти» или находящиеся в непосредственной зависимости от главы региона. Следует считать, что закреплённый законом механизм избрания «менеджеров» является формальной процедурой и существует лишь по причине ратификации Россией Европейской хартии местного самоуправления в части 1 статьи 6 обязывающей власти, предоставлять местному самоуправлению возможность самим «определять свои внутренние административные структуры с тем, чтобы они отвечали местным потребностям и обеспечивали эффективное управление» [16].

Ограничение пассивного избирательного права граждан России не отвечает тенденции демократизации социально-политической сферы, вступают в противоречие с нормами российской Конституции и международного права. Стремление правящей российской элиты оградить народ от участия в управлении государством, неминуемо приведёт к её политической деградации и депрофессионализации, застою всех сфер жизни, что чревато падением конкурентоспособности страны в мировом политическом пространстве и снижением жизненного уровня её граждан.

Библиографический список

1. Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ (в редакции Федерального закона от 11 декабря 2004 года «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 13 декабря 2004. – № 50, ст. 4950.

2. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2005 года № 13-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ» в связи с жалобами ряда граждан» // Вестник Конституционного Суда РФ, 2006. – № 1.
3. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ В. Г. Ярославцева по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, 2006. – № 1.
4. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ А. Л. Кононова по делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ, 2006. – № 1.
5. Федеральный закон Российской Федерации от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // Российская газета, 24 мая 2005 года. – № 3777.
6. Иванченко А. В., Любарев А. Е. Российские выборы от перестройки до суверенной демократии. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Аспект Пресс, 2007. – 232 с.
7. Барсукова С. Ю. Механизм «политического инвестирования», или как и зачем российский бизнес участвует в выборах и оплачивает партийную жизнь // ПОЛИС: политические исследования. – 2006. – № 2.
8. Трофимов Е. А. Региональный парламентаризм как развивающийся институт российской демократии: дисс... к. полит. н. – Владивосток, 2009. – 228 с.
9. Меркушев Д. Партийное золото. Электронный ресурс: <http://www.saltt.ru/node/7991>
10. Поппер К. Пропорциональная система противоречит демократии. Электронный ресурс: http://www.democracy.ru/curious/democracy/Popper_democracy.html
11. Конституция Российской Федерации с комментариями Конституционного Суда РФ. – 2-е изд. – М.: ИНФРА-М, 2001. – 158 с.
12. Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 31 июля 2006. – № 31. – Ст. 3427.
13. Европейская конвенция о гражданстве 1997 года. Электронный ресурс: <http://www1.umn.edu/humanrts/euro/Rets166.html>
14. Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Кононова А. Л. по Определению Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2007 года № 797-О-О. // Вестник Конституционного Суда РФ, 2008. – № 2.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 06 октября 2003. – № 40. – Ст. 3822.
16. Европейская хартия местного самоуправления (Страсбург, 15 октября 1985 года) ETS № 122. Электронный ресурс: <http://base.garant.ru/2540485/>

ПЕРСПЕКТИВА УДОВЛЕТВОРЕНИЯ ПОТРЕБНОСТЕЙ ГРАЖДАН В ЖИЛЬЕ КАК КРИТЕРИЙ СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ГОСУДАРСТВА

О. Н. Бобровская
Московская академия экономики и права,
г. Москва, Россия

Summary. A problem of satisfaction of citizen's necessity in dwelling in present conditions stays one of the most sharp, vital and important, while the housing programmes, which are taken one's bearings on acquiring of dwelling using own and borrowing means include elements of social safety of privileged citizens category. Let's discuss about securing of housing rights of young scientists of Russia.

Key words: problem, satisfaction, citizens, dwelling.

Проблема удовлетворения потребности граждан в жилье в современных условиях остаётся одной из самых острых, насущных и важных, горячо обсуждаемых во всех общественных кругах, при том, что в социалистическом обществе она решалась и быстрее и реалистичнее. Ещё Ф. Энгельсом отмечалось: «...то, как удовлетворяются потребности в жилье, может служить мерилom того, как удовлетворяются остальные потребности...» [1, с. 6].

После провозглашения и признания различных форм собственности, социальный найм перестал выступать основным жилищным институтом. Право на получение социального жилья предоставлено лишь льготным категориям, признанным нуждающимися в особом порядке. Остальные члены общества уже около двадцати лет ориентированы на самостоятельную (социально ответственную модель) удовлетворения жилищной потребности, в которой государство выступает лишь гарантом признания таких потребностей и формирования жилищно-строительного комплекса, возводящего жильё экономкласса в качестве приоритетного направления своей деятельности [2, с. 6].

За данный период времени кардинальным образом изменилась структура жилищного фонда Российской Федерации по формам собственности, сформирован новый слой собственников жилья как социальной базы жилищной реформы. Во многом этому способствовала массовая приватизация жилья, что привело за 2006–2009 годы к увеличению доли частного жилищного фонда с 33 до 87,2 процента, и сокращению доли государственного и муниципального жилищного фонда с 67 до 12,8 процента.

По сведениям органов государственной системы регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним, ежегодно осуществляются сделки с недвижимостью, в которые вовлечено порядка 5,3

процента жилых домов и квартир, находящихся в частной собственности, что является существенным показателем развития рынка жилья.

Следует обратить внимание на тот факт, что предыдущая ФЦП «Жилище» на 2002–2010 годы, в качестве приоритетного направления определяла национальный проект «Доступное и комфортное жилье – гражданам России» [3, с. 5]. Однако провозглашённые и регламентированные задачи по обеспечению доступности жилья, по реализации совпали с периодом системного мирового финансового кризиса, что в целом негативно отразилось как на социальных, так и на рыночных проектах (длительный период спекулятивного роста цен на рынке жилья сменился полной остановкой и падением цен); снижение доходов граждан и повышение ставок по кредитам, установленным банками в сентябре 2008 года, отрезали возможность обращения к данному банковскому продукту и привели к ситуации отложенного спроса, когда потоки неудовлетворённого спроса наводнили и социальные жилищные службы и жилищный рынок, и любые предложения жилья оказались остро востребованы.

Введённая в действие ФЦП «Жилище» на 2011–2015 годы, имея выраженную ориентацию на самостоятельные модели удовлетворения жилищной потребности (участие в жилищно-строительной и жилищно-накопительной кооперации, купля-продажа жилья экономкласса с помощью кредитных средств) сохраняет и социальные подпрограммы, направленные на реализацию потребностей отдельных категорий граждан, называемых льготными, в которых государство выступает опосредованно, через предоставление бюджетных средств.

Так, особый интерес вызывает внимание законодателя к проблеме удовлетворения жилищной потребности молодых учёных, которые были не только лишены права на дополнительную площадь современным жилищным законодательством, но и фактически исключены из этих отношений в связи с отсутствием доходов и свободного времени для их увеличения.

В соответствии с приложением № 6 к ФЦП «Жилище» на 2011–2015 годы, которым утверждены правила предоставления социальных выплат на приобретение жилых помещений отдельным категориям граждан, социальная выплата является формой государственной финансовой поддержки молодых ученых и может быть направлена на покупку жилого помещения, в том числе с привлечением средств жилищного кредита (включая ипотечный) или займа, оформленного в соответствии с законодательством Российской Федерации. Вместе с тем основания для её получения определяются по ст. 51 ЖК РФ, регулирующей порядок признания граждан нуждаю-

щимися в жилых помещениях, предоставляемых по договорам социального найма. По сути, это возобновление работы с жилищными сертификатами, выплата по которым предусматривается из средств федерального бюджета.

Существенным фактором участия в данной подпрограмме является заинтересованность Российской академии наук или её региональных отделений в конкретном учёном, не имеющем жилья в пределах социальной нормы. Это означает, что молодые учёные, проводящие научные исследования в системе негосударственных образовательных и научных организаций (учреждений), от участия в данной программе отстранены.

Кроме того, подпрограммой установлены возрастные ограничения и специальные условия.

Прежде всего, возраст учёного со степенью кандидата наук не может превышать 35 лет, а доктора наук – 40 лет. Стаж научной деятельности не может быть менее пяти лет, а также введён запрет на расторжение трудового договора по собственной инициативе в течение пяти лет со дня получения социальной выплаты. Расторжение трудового договора по любым основаниям влечёт возможность истребования средств социальной выплаты академией наук в судебном порядке, с их зачислением в доход федерального бюджета.

Право на получение социальной выплаты предоставляется молодому учёному только 1 раз.

Расчёт размера социальной выплаты производится исходя из размера общей площади жилого помещения на молодого учёного, равной 33 кв. метра, и средней рыночной стоимости 1 кв. метра общей площади жилья, утверждённой Министерством регионального развития Российской Федерации по субъекту Российской Федерации, на территории которого расположена научная организация – место работы молодого учёного. В соответствии с приложением к Приказу Министерства регионального развития Российской Федерации от 21 января 2011 г. № 10, средняя рыночная стоимость 1 квадратного метра общей площади жилья по субъектам Российской Федерации на первый квартал 2011 года составляет в Московской области – 42950; в Москве – 77500; в Ленинградской области – 33400; в Санкт-Петербурге – 44850. Действие сертификата исчисляется с даты его предоставления, указываемой в сертификате, и составляет:

– для владельца сертификата (в целях представления сертификата в кредитную организацию, участвующую в реализации мероприятий (далее – банк) – 2 месяца;

– для банка (в целях представления владельцем сертификата документов, необходимых для приобретения жилья) – 9 месяцев, а в случае замены сертификата – 6 месяцев.

Таким образом, вероятность вовлечения в данную подпрограмму широкого круга лиц, имеющих непосредственное отношение к научным исследованиям, мала. Вместе с тем вряд ли нуждается в дополнительном комментарии установка Российской академии наук на элитарность научной деятельности и единичном персонализированном подходе к выбору лиц, проходящих обучение и допущенных к проводимым исследованиям, что в целом выведет и низкий процент участников в реализации её положений.

Библиографический список

1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – Т. 2. – С. 302.
2. Постановление правительства РФ от 17 декабря 2010 г. N 1050 "О федеральной целевой программе «Жилище» на 2011–2015 годы. – М., 2011.
3. Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2006 г. N 153 "О некоторых вопросах реализации подпрограммы «Выполнение государственных обязательств по обеспечению жильём категорий граждан, установленных федеральным законодательством» федеральной целевой программы «Жилище» на 2002–2010 годы», для граждан – участников указанной подпрограммы. – М., 2006.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ АРЕСТА ТОВАРОВ, ТРАНСПОРТНЫХ СРЕДСТВ И ИНЫХ ВЕЩЕЙ В ПРОИЗВОДСТВЕ ПО ДЕЛАМ ОБ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЯХ

А. Ю. Соколов

Саратовская государственная академия права, г. Саратов

Summary. The article considers the legal and organizational problems of using such a measure of administrative enforcement as an arrest of goods, vehicles and other items. According to the results of legislatures analyses in this sphere there are the following ways out of legal regulations improvement can be found.

Key words: arrest of goods, vehicles and other items; measures of administrative enforcement; provisions procedure measures of misdemeanor cases; proceeding; violation of law.

Арест товаров, транспортных средств и иных вещей представляет собой меру обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, заключающуюся в ограничении конституционного права иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им, как единолично, так и совместно с другими лицами (ч. 2 ст. 35 Конституции РФ [1]), для предупреждения его сокрытия или отчуждения. Установление в качестве объек-

тов принудительного воздействия вещей исключает применение рассматриваемой меры в отношении вещных прав и права требования, являющихся, наряду с вещами, составляющими понятия «имущество» в его конституционно-правовом смысле [2].

В науке административного права процессуальным вопросам порядка применения ареста товаров, транспортных средств и иных вещей уже уделялось пристальное внимание. Так, А. Ю. Анненков выделяет в практической реализации данной меры три последовательно сменяющих друг друга стадии: предварительную, рабочую и заключительную, каждой из которых соответствует свой набор тактических приёмов [3].

Анализ действующего законодательства, на наш взгляд, позволяет выделить в структуре ареста товаров, транспортных средств и иных вещей как меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях следующие этапы: 1) подготовительный; 2) применение ареста товаров, транспортных средств и иных вещей; 3) его документальное оформление.

1. Подготовительный этап включает в себя производство целого ряда действий. Это установление сведений о наличии имущества, подлежащего аресту, и его местонахождении; установление владельцев данного имущества; определение круга участников ареста, а также лиц, которым арестованное имущество может быть передано на ответственное хранение; приглашение понятых; подготовка технических средств фиксации данного административно-процессуального действия.

При необходимости для участия в производстве ареста товаров, транспортных средств и иных вещей могут быть привлечены на договорных началах бухгалтеры, товароведы, инженеры, специалисты по маркетингу, антиквары и другие компетентные специалисты незаинтересованных организаций и предприятий.

2. В российском административно-деликтном законодательстве, как и в законодательстве иных стран СНГ, предусматривающих рассматриваемую меру в качестве меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях (Республика Беларусь, Кыргызская Республика), арест товаров, транспортных средств и иных вещей применяется как к физическим, так и к юридическим лицам. Исключение составляет лишь законодательство об административных правонарушениях Республики Казахстан, определяющее в качестве субъектов принудительного воздействия данной меры лишь юридических лиц (ст. 632–1) [4].

Арест товаров, транспортных средств и иных вещей осуществляется в присутствии владельца вещей и двух понятых. Вместе с тем, в отличие от изъятия вещей и документов, в случаях, не терпящих

отлагательства, допускается осуществление данной меры в отсутствие их владельца. К таким случаям, на наш взгляд, могут быть отнесены случаи пресечения совершающегося административного правонарушения.

Поняты предусмотрены для удостоверения факта применения данной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Однако в законодательстве таких стран, как Республика Беларусь и Республика Казахстан, при проведении ареста имущества участие понятых не требуется. С одной стороны такая ситуация обусловлена уровнем доверия законодателя указанных государств к лицам, осуществляющим производство по делу об административном правонарушении. С другой стороны, наличие понятых, выступающих в качестве дополнительного источника доказательств, позволяет с большей точностью воспроизвести при необходимости содержание, ход применения и результаты производства ареста, что, вне всякого сомнения, играет позитивную роль.

Применение ареста товаров, транспортных средств и иных вещей предполагает определение содержания и пределов запретов, налагаемых на арестованное имущество, которые объявляются лицу, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, либо его законному представителю.

При необходимости товары, транспортные средства и иные вещи, на которые наложен арест, упаковываются и (или) опечатываются.

В целях детального отражения хода реализации данной меры обеспечения производства по делам об административных правонарушениях, в соответствии с ч. 3 ст. 27.14 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [5], могут быть применены фото- и киносъемка, видеозапись, иные установленные способы фиксации вещественных доказательств.

Кроме того, компетентными должностными лицами, полномочными применять арест, должен быть разрешён вопрос о размещении арестованного имущества и обеспечении его сохранности. Вместе с тем КоАП РФ не определяет, в каких случаях товары, транспортные средства и иные вещи, на которые наложен арест, могут быть переданы на ответственное хранение иным лицам.

Указанное положение сочетается с установленной ответственностью лиц, в отношении которых применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, или хранителей за отчуждение или сокрытие товаров, транспортных средств и иных вещей, на которые наложен арест (ч. 7 ст. 27.14 КоАП РФ). Однако в российском законодательстве ответственность за незаконные действия в отношении имущества, подвергну-

того аресту, установлена лишь ст. 312 УК РФ. В КоАП РФ ответственность за совершение соответствующего деяния в качестве самостоятельного состава административного правонарушения не предусмотрена. Административная ответственность лиц, совершивших отчуждение или сокрытие товаров, транспортных средств и иных вещей, на которые наложен арест, наступает в соответствии с положениями ст. 17.7 КоАП РФ «Невыполнение законных требований прокурора, следователя, дознавателя или должностного лица, осуществляющего производство по делу об административном правонарушении», либо ст. 19.1 КоАП РФ «Самоуправство».

3. Об аресте товаров, транспортных средств и иных вещей составляется протокол с проведением их описи. В протоколе об аресте товаров, транспортных средств и иных вещей указываются дата и место его составления, должность, фамилия и инициалы лица, составившего протокол, сведения о лице, в отношении которого применена данная мера обеспечения производства по делу об административном правонарушении, и о лице, во владении которого находятся товары, транспортные средства и иные вещи, на которые наложен арест, их описание и идентификационные признаки, а также делается запись о применении фото- и киносъемки, видеозаписи, иных установленных способов фиксации вещественных доказательств, полученные материалы прилагаются к протоколу. Кроме того, на наш взгляд, протокол процессуального действия должен содержать конкретные запреты, налагаемые на арестованное имущество, оценку каждого предмета в отдельности и стоимость всего имущества, включённого в описание, если это возможно, а также сведения о том, какие предметы опечатаны и количество печатей, наложенных на каждый предмет, если опечатывание производилось.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2009. – № 4. – Ст. 445.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 декабря 1996 г. № 20-П по делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 части первой статьи 11 Закона Российской Федерации от 24 июня 1993 года «О федеральных органах налоговой полиции» // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1997. – № 1. – Ст. 197.
3. Анненков А. Ю. Административно-процессуальные и организационно-тактические основы ареста товаров, транспортных средств и иных вещей при производстве по делам об административных правонарушениях: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2008. – С. 12, 21.
4. Кодекс Республики Казахстан об административных правонарушениях от 30 января 2001 года № 155-ІІ // Ведомости Парламента Республики Казахстан. – 2001. – № 5-6. – Ст. 24.

5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2002. – № 1. – Ч. I. – Ст. 1.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РЕГУЛИРОВАНИИ МОЛОДЁЖНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

А. С. Майоров
**Казанский государственный технологический
университет, г. Казань, Россия**

Summary. In modern conditions the urgency of effective development of the business providing achievement of balance of the economic and social purposes of social development raises.

Key words: innovation, small-scale business, regulation of youth business, innovative activity.

Инновационная деятельность является одним из факторов повышения эффективности российской экономики и конкурентоспособности отечественных предприятий, создания условий нормального функционирования промышленности в целом, реструктуризации отраслей и реформирования предприятий. Решение этой комплексной задачи выдвигает высокие требования к оценке предпринимательской деятельности как ключевого звена экономики, определяющего базу социально-экономического развития региона. Повышение инновационной активности малых предприятий, способствующих сохранению и приумножению научно-технического потенциала страны, должно стать одним из важнейших направлений государственной политики поддержки и развития малого предпринимательства в Российской Федерации.

Тенденции развития современного предпринимательства характеризуются активным включением молодёжи. Становление в стране рыночной экономики существенно изменило систему общественных отношений и ценностей. Наиболее глубоко это затронуло молодёжь, на которую сильное влияние оказало развитие предпринимательства.

На федеральном уровне и на уровне субъектов Российской Федерации разрабатываются законопроекты и программы поддержки предпринимательства в молодёжной среде, целью которых является создание больших экономических возможностей для молодёжи, стимулирование развития малого бизнеса.

Но, несмотря на появившиеся положительные тенденции развития предпринимательства в молодёжной среде, ещё существуют

проблемы социально-экономического, организационного, технологического характера. Это требует механизма их разрешения, и особенно на уровне субъектов Федерации.

Вместе с тем в современных условиях развития экономики значительно обострились проблемы, связанные с профессиональным самоопределением, трудоустройством и социальной защищённостью молодёжи. От наличия в обществе молодёжного предпринимательского потенциала и уровня его использования непосредственно зависят темпы экономического роста, динамики и масштабов инвестиций, нововведений. В структуре российской экономики малый и средний бизнес занимают в настоящее время незначительное место, что серьёзно сдерживает темпы экономического роста страны. Их доля в ВВП России составляет всего лишь 17 %, тогда как в развитых странах – более 50 % [1].

Незначительный социальный опыт, слабые практические навыки применения экономических законов и механизмов создают трудности молодому поколению для включения их в цивилизованный мир рыночных отношений. Вопросы развития предпринимательства в молодёжной среде рассматриваются фрагментарно, требует дальнейших углубленных исследований, выработки комплексного подхода к социологической оценке развития молодёжного предпринимательства.

Библиографический список

1. Аксёнова Ж. Н. К вопросу об оценке инновационности региональной экономической системы // Проблемы современной экономики. – № 1(29) [Электронный ресурс]: <http://www.m-economy.ru/art.php3?artid=25532>

УСМОТРЕНИЕ СУДА ПО ДЕЛАМ ОБ УСТАНОВЛЕНИИ СЕРВИТУТОВ

С. Г. Шевцов

**Северо-Кавказский научно-исследовательский институт
актуальных проблем современного права,
г. Краснодар, Россия**

Summary. The article is devoted to the research discretion of court in cases on servitudes establishment . The author analyses set of arbitral cases which includes discretion of court.

Key words: discretion, court, servitude, reasonableness, legitimate interest.

Законодательный критерий необходимости установления сервитута определён в абз. 2 п. 1 ст. 274 ГК РФ и заключается в невоз-

возможности обеспечения нужд собственника недвижимого имущества без установления сервитута. В арбитражной практике сложился подход, согласно которому таким критерием является отсутствие разумной возможности обеспечения нормальной эксплуатации недвижимого имущества [1]. Разумность является оценочной категорией и устанавливается судом на основе полного и всестороннего исследования фактических обстоятельств дела. В связи с этим при рассмотрении подобной категории дел возникает вопрос о пределах судебного усмотрения при установлении наличия или отсутствия иной разумной возможности обеспечения интересов истца.

По одному из дел истец в обоснование исковых требований об установлении сервитута указывал на невозможность подъезда к принадлежащим ему на праве собственности помещениям со стороны улицы, за которой закреплён статус пешеходной зоны. Суд, оценивая указанное обстоятельство, установил, что с 7 часов утра до 11 часов дня разрешён проезд транспортных средств по названной улице в целях обеспечения нужд собственников помещений, расположенных в пешеходной зоне. С учётом этого суд пришёл к выводу об отсутствии оснований считать единственным возможным доступ к помещениям истца со стороны земельного участка, принадлежащего ответчику [2].

По другому делу предприниматель обратился в арбитражный суд к администрации с иском об установлении сервитута проезда через соседний участок, ссылаясь на то, что дорога, ведущая к принадлежащим ему объектам недвижимого имущества, требует реконструкции, и проезд невозможен в связи с плохим состоянием дорожного покрытия. Суд первой инстанции отказал в удовлетворении исковых требований в связи с наличием других вариантов подхода и проезда к участку истца. Оставляя без изменения судебный акт, окружной суд пришёл к выводу, что проход и подъезд к участку предпринимателя через участок ответчика не является единственным, в связи с чем отсутствуют основания для удовлетворения заявленных требований [3].

Ещё по одному делу ООО обратилось в арбитражный суд к ФГОУ с иском об устранении препятствий в пользовании земельным участком и нежилыми помещениями, принадлежащими истцу, и об обязанности ответчика обеспечить беспрепятственный доступ истца к указанным объектам путём демонтажа забора, возведённого на участке ответчика. Решением иск удовлетворён по мотивам отсутствия у истца иной возможности проезда к своему земельному участку и к расположенным на нём объектам недвижимости. В кассационной жалобе ФГОУ просило указанные судебные акты отменить, ссылаясь на то, что истец фактически предъявил иск об установлении

сервитута прохода и проезда. Ограждение территории вуза забором не является препятствием для функционирования базы, движение транспорта истца создаст непосредственную угрозу жизни и здоровью обучающихся и сотрудников. Отказывая в удовлетворении кассационной жалобы, окружной суд принял во внимание, что к земельному участку и расположенным на нём объектам недвижимости истца имеются два проезда, один из которых осуществляется через территорию ответчика и указан как «проезд общего пользования». Впоследствии ответчик установил металлический забор, которым перекрыл данный проезд. Ранее эксплуатация земельного участка и расположенных на нём объектов недвижимости осуществлялась предыдущим собственником именно через данный проезд. При этом суд принял во внимание сложность географического рельефа (большой перепад высот, подпорную стенку), сложившуюся застройку и отклонил довод ответчика о возможности эксплуатации имущества истца без прохода (проезда) по территории ответчика [4].

Представляется, что суд ошибочно квалифицировал спор как возникший из негативного требования, поскольку фактически был заявлен иск об установлении сервитута. Обеспечение ответчиком на части предоставленного ему земельного участка беспрепятственного прохода и проезда к объектам истца возможно путём заключения между истцом и ответчиком договора о сервитуте. Вместе с тем суд сделал интересный вывод об отсутствии разумной возможности обеспечения нормальной эксплуатации недвижимого имущества истца, кроме как посредством использования чужого имущества, при наличии нескольких вариантов проезда к принадлежащим ему объектам.

В заключение ещё один пример усмотрения суда.

ООО обратилось в арбитражный суд с иском к ОАО об установлении права ограниченного пользования (сервитута) помещениями 3-х туалетных и 2-х умывальных комнат и коридора, расположенных на первом этаже административно-бытового корпуса. Исковые требования мотивированы тем, что ответчик установил металлическую решётку, закрывающую доступ истца в помещения санузла, и официально уведомил о прекращении доступа в туалеты и умывальные комнаты. Решением в удовлетворении иска отказано в связи с тем, что доступ к помещениям ответчика и использование их по целевому назначению возможны и без установления сервитута. Поддержав указанный вывод, суд кассационной инстанции указал, что истец не представил доказательств невозможности обеспечить водоснабжение и канализацию на своей части здания [6].

Таким образом, в предмет доказывания по указанному спору суд включил установление невозможности обеспечения истцом во-

доснабжения и канализации на своей части здания. Представляется, что это не вполне соответствует критерию разумности обеспечения нормальной эксплуатации нежилых помещений, поскольку в современных условиях повсеместно распространено создание офисов компаний в нежилых зданиях, зачастую многоэтажных, в которых обеспечение санузлом каждого помещения является нецелесообразным и трудно осуществимым. Следовательно, основным критерием необходимости обеспечения интересов истца посредством установления сервитута в судебном порядке является отсутствие законной и разумной возможности обеспечения его правомерных потребностей (в частности, нормальной эксплуатации объекта недвижимости) каким-либо способом, помимо обременения сервитутом недвижимого имущества ответчика. При этом суду необходимо соблюдать баланс интересов сторон и учитывать законные интересы как истца, так и ответчика. Сервитут не должен излишне обременять собственника служебного недвижимого имущества и создавать более выгодные условия использования недвижимого имущества собственнику господствующей недвижимости при возможности разумного использования принадлежащих ему объектов в отсутствие сервитута.

Библиографический список

1. Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 04.02.2008 по делу № А41-К1-224/07; постановления Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20.11.2007 по делу № А76-381/2007-22/102, от 04.04.2007 по делу № Ф09-2251/07-С6; постановления Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 03.10.2007 по делу № Ф08-5383/2007, от 05.07.2007 по делу № Ф08-3461/2007, от 04.04.2006 по делу № Ф08-352/2006; постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.03.2007 по делу № Ф03-А51/07-1/147, постановление Федерального арбитражного суда Центрального округа от 14.06.2006 по делу № А68-ГП-284/7-05 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
2. Постановление Федерального арбитражного суда Уральского округа от 20.11.2007 по делу № А76-381/2007-22/102 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
3. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 04.04.2006 по делу № Ф08-352/2006 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
4. Постановление Федерального арбитражного суда Дальневосточного округа от 20.03.2007 по делу № Ф03-А51/07-1/147 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».
5. Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 28.10.2004 по делу № Ф08-5134/2004 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

ОСМЫСЛЕНИЕ СИБИРСКИМИ ЮРИСТАМИ ПРАВА СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ И ЮРИДИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

И. Г. Адоньева
Новосибирский государственный технический университет, г. Новосибирск, Россия

Summary. This article describes the Siberian's layers opinions about the right of legal defence. Their arguments based on jural state and civil society ideas. The opinions depended on the governmental activity to the Eastern part of country in the XIX century.

Key words: Eastern Siberia, local layers, right of legal defence.

В Российской империи право её населения на судебную защиту было законодательно признано в соответствии с Судебными уставами 20 ноября 1864 г., когда обвинительный и закрытый процесс был заменён состязательным и гласным. С этого же времени началось осмысление деятельности отечественной адвокатуры, в том числе и направленной на реализацию судебной защиты российских обывателей, которые различными путями становились истцами, ответчиками или обвиняемыми.

Данное обстоятельство было тесно связано с региональными особенностями империи. В «окраинах» действовало своё, адаптированное, по мнению правительства, к потребностям местных жителей, законодательство. Ярким примером является судебная реформа. В Сибири Судебные уставы начали функционировать только с 1897 г. В то же время специфика развития российской государственности в целом, многоступенчатая опосредованность взаимоотношений индивида и власти при «господстве Левиафана» делали необходимым привлечение специалистов. В дореформенный период это были совершенно разнообразные личности, начиная от «подпольных адвокатов» (не исчезнувших и после) до небольшого количества профессионалов, свободно ориентирующихся в законодательстве. Со второй половины XIX в. право на судебную защиту начало стойко ассоциироваться с институтом адвокатуры. Поэтому актуальным представляется реконструировать данное право в варианте его осмысления сибирскими юристами.

Дореволюционные работы, касающиеся института адвокатуры, имеют в основном публицистический характер [1]. Но уже в них остро ставился вопрос, каким образом российские поверенные помогали жителям империи при реализации их права на судебную защиту. И в этой части авторы приходили к выводу, что основным мотивом этой деятельности со стороны адвокатов было не желание участвовать в

построении гражданского общества, а стремление извлечь из чужого несчастья максимальную прибыль [2]. По мнению Е. В. Васьковского, «частная адвокатура достигла крайних пределов нравственной распущенности» [3, с. 7]. Такая позиция могла быть вызвана тем, что авторами анализируемых текстов были представители элиты адвокатского сословия, которые в частных поверенных видели конкурентов.

Внимание, уделяемое учёными советского периода дореформенной адвокатуры, было весьма скудным. При этом М. П. Чельцов-Бебутов признал прогрессивный характер деятельности русской пореформенной адвокатуры, отметив, что процессы её «деморализации» связаны с развитием капитализма в России, которое и породило деструктивные процессы в сословии [4, с. 744]. Н. А. Троицкий впервые в советской науке проанализировал участие адвокатов в политических процессах [5]. Адвокатуру он условно дифференцирует на «старую», консервативную и «молодую», стремящуюся противостоять действующей власти. Данное положение можно интерпретировать как желание защитить в судебном порядке право лиц, обвиняемых в политических преступлениях, на жизнь в справедливом обществе. Е. А. Скрипильёв, на основании того же фактического материала, утверждал, что адвокаты были профессиональной группой, более озабоченной своим успехом, нежели достижением справедливости [6].

Н. В. Черкасова в исследовании, посвящённом исключительно русской пореформенной адвокатуры, пришла к выводу о том, что на начальном этапе деятельность адвокатуры была успешной и продуктивной во всех направлениях, однако эпоха контрреформ привела к её падению. Причиной широко обсуждавшейся дореволюционными авторами «деморализации» адвокатуры Н. В. Черкасова считает успешное участие юристов в политических процессах, что потребовало их «нейтрализации» посредством публичного очернения [7, с. 34].

На региональном уровне адвокатура не была предметом внимания исследователей. Только анонимный автор статьи в «Сибирской советской энциклопедии» указал на буржуазный характер сибирской адвокатуры, ее тесные связи с местным торгово-промышленным капиталом, преимущественно либеральные политические ориентиры [8, с. 19].

Изменившиеся в начале 1990-х гг. экономическая и политико-правовая система сделали одной из востребованных адвокатскую профессию. В связи с этим родился интерес к её дореволюционным сюжетам. У. С. Баженова проанализировала деятельность пореформенной адвокатуры. Автор отметила, что адвокаты в основном концентрировались в крупных центрах. Проблема «деморализации» связывается с материальной заинтересованностью юристов [9]. Сибирские исследователи институтом адвокатуры занимались как спе-

циально, так и «вписывая» его в общую канву своей концепции судебных преобразований региона. Историческая работа С. Л. Шахеровой посвящена адвокатуре Восточной Сибири. Автор отметила, что юристы не только занимались исполнением своих обязанностей, но и имели активную общественную позицию, принимая участие в жизни города, стремясь оказать юридическую помощь как можно большему кругу лиц. При этом Шахерова не склонна идеализировать деятельность «слуг правосудия», – в большинстве случаев выбор адвокатом того или иного дела напрямую зависел от степени его доходности [10, с. 24].

Е. А. Крестьянников полагает, что численность присяжной адвокатуры в Сибири в начале XX в., несмотря на рост, была недостаточной для удовлетворения правовых нужд населения. Деятельность юридических консультаций, положительно оценённая обществом, плохо соотносилась с политико-правовым режимом государства. Именно поэтому такая инициатива сибирских юристов не устояла перед самодержавной политикой [11].

Обсуждение возможности максимальной доступности для сибирских обывателей судебной защиты и юридической помощи начал переехавший в Томск из Киева (после исключения из сословия поверенных) В. П. Картамышев. Он предлагал объединиться на добровольной основе занимающихся адвокатурой томичам, которых насчитывал в количестве пяти-шести человек, в юридическую консультацию. Неплатёжеспособное население обслуживалось бы в ней бесплатно, а с имевших возможность пользоваться юридическими услугами на возмездной основе взималась бы плата в сумме от 3 до 15 р., в зависимости от сложности дела или документа [12].

Одновременно юристы указывали на то, что «подпольные адвокаты» только нарушают права сибиряков на судебную защиту: они реально не занимаются непосредственным судебным представительством, а написанием бессмысленных кляуз, которые не принимаются судом к рассмотрению. А это влияет на доверие со стороны населения к профессиональной адвокатуре.

Реформа 1897 г. ввела в Сибири Судебные уставы в сокращённом варианте. С первым выпуском юридического факультета Томского университета стала возможной организация консультации при окружном суде. Аналогичные учреждения были открыты в Омске и Барнауле. Проявлял инициативу в этом направлении и комитет Попечительства о народной трезвости в Тюмени. Сами сотрудники Томской консультации высоко оценивали её деятельность и значение в правовом просвещении сибиряков. Доклады «Деятельность томской юридической консультации» П. В. Вологодского, «Общественное служение адвокатуры и ее реформа» М. Р. Бейлина,

«Общественная роль юридических консультаций» А. А. Кийкова, сделанные на торжественном заседании консультации в июле 1905 г., говорят о том, что представители сибирской адвокатуры с большой степенью серьёзности относились к делу, которым они занимались на началах благотворительности [13, с. 6–7]. Однако при этом начал серьёзно ставиться вопрос о том, что юридическая помощь и судебная защита должны быть не исключительно добровольной инициативой юристов. Гражданственность основана и на ответственности за собственную жизнь и деятельность. Поэтому А. Кийков вёл речь о том, что необходимо побуждать людей к самостоятельной организации юридической помощи и судебной защите, а не приучать их «довольствоваться подачками гуманных адвокатов».

В условиях сибирской окраины реализация права на судебную защиту осмысливалась местными юристами в тесной связи с правосознанием жителей и доступностью им юридической помощи. С одной стороны, далеко не все пользовались им из-за низкой правовой культуры, удалённости судебных органов и недоверия к ним. Сложно было побудить обратиться даже за доступной юридической помощью. С другой стороны, на это влияла традиция улаживать возникшие конфликты на уровне личных договорённостей. Поэтому юристы были склонны считать более важным правовое просвещение населения, которое было способно предоставить ему возможность обращаться к судебной власти.

Библиографический список

1. Винавер М. М. Речь о Спасовиче. – СПб., 1907; Он же. Недавнее. Воспоминания и характеристики. – Пг., 1917; Джаншиев Г. А. Роль Д. И. Замятнина в судебной реформе. – М., 1890; Кони А. Ф. Памяти Г. А. Джаншиева. – М., 1914.
2. Арсеньев К. К. Заметки о русской адвокатуры. – СПб., 1875; Васьковский Е. В. Организация адвокатуры. – СПб., 1893. – Ч. 1; Винавер М. М. Об адвокатуры. – СПб., 1899; Он же. Очерки об адвокатуры. – СПб., 1902; Гессен И. В. Адвокатура, общество и государство (1864–1914 гг.). – М., 1997; Джаншиев Г. А. Ведение неправых дел: Этюды по адвокатской этике. – М., 1886; Платонов С. О русской адвокатуры // Журнал гражданского и уголовного права. – 1875. – № 4. – С. 240–291; Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. – СПб., 1996. – Т. 1.
3. Васьковский Е. В. Будущее русской адвокатуры: К вопросу о предстоящей реформе. – СПб., 1893.
4. Чельцов-Бебутов М. П. Курс советского уголовно-процессуального права. – М., 1957. – Т. 1.
5. Троицкий Н. А. Русская адвокатура на политических процессах народников (1871–1890 гг.) // Из истории общественного движения и общественной мысли в России. – Саратов, 1968. – Вып. 2. – С. 89–145.
6. Скрипилев Е. А. Российская присяжная адвокатура в пореформенной России // Буржуазные реформы второй половины XIX в. – С. 111–124.

7. Черкасова Н. В. Формирование и развитие адвокатуры в России (60–80-е гг. XIX в.). – М., 1987.
8. Адвокатура // Сибирская советская энциклопедия. – Новосибирск, 1929. – Т. 1.
9. Баженова У. С. Адвокатура в дореволюционной России, вторая половина XIX – начало XX вв.: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Н. Новгород, 2002.
10. Шахерова С. Л. Дореволюционная адвокатура Восточной Сибири (1885–1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Иркутск, 2001.
11. Крестьянников Е. А. Из истории западносибирской адвокатуры в последней трети XIX – начале XX вв. // Проблемы экономической и социально-политической истории дореволюционной России. – Тюмень, 2001.
12. Хроника // Сибирская газета. – 1883. – 2 окт.
13. Отчёт о деятельности консультации поверенных при Томском окружном суде с 1 июля 1904 г. по 1 июля 1905 г. – Томск, 1906.

ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ЛИЧНОСТИ ПРИ ЗАКЛЮЧЕНИИ ЛИЦА ПОД СТРАЖУ В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РОССИИ

Т. С. Михалёва
Бурятский государственный университет,
г. Улан-Удэ, Республика Бурятия, Россия

Summary. Research is devoted to problems of provision the person's rights in detention. The detention is strong and common preventive measure in Russian criminal process.

Key words: person's rights, detention, investigator, court.

Уголовный процесс как вид государственной деятельности в значительной степени связан с ограничением основных прав и свобод человека и гражданина. Актуальным вопросом современной российской правоприменительной практики остаётся обеспечение и защита прав личности при избрании меры пресечения в виде заключения под стражу.

Заключение под стражу – это исключительная мера уголовно-процессуального принуждения, применяемая, как указал Комитет Министров Совета Европы в п. b Резолюции № (65) 11 от 09 апреля 1965 г., только в случае строгой необходимости [6]. Избрание этой меры пресечения в уголовном процессе России сопряжено с ограничением таких конституционных прав, как право на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренных ст. 22 Конституции РФ.

Следует отметить следующие причины, которые связаны с проблемами следственной и судебной практики при заключении лица под стражу, влекущими нарушения прав личности:

1. Новый порядок избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Так, до вступления в юридическую силу УПК РФ 01

июля 2002 г. право давать санкцию на арест принадлежало прокурору [3]. Судебный порядок избрания этой меры пресечения построен на принципе состязательности сторон, предусмотренном ст. 15 УПК РФ, который предполагает активизацию стороны обвинения и предоставление широких возможностей стороне защиты. Согласно статистике число удовлетворённых судом ходатайств о применении исследуемой меры пресечения составило: в 2008 г. – 207 245 (90 %), в 2009 г. – 194 399 (90,2 %), в 2010 г. – 148 689 (90 %) [4]. В таких условиях достаточно трудно говорить об эффективном механизме защиты прав человека и гражданина в условиях уголовного судопроизводства.

2. Наличие правовых пробелов, несовершенство уголовно-процессуального законодательства. В последние годы внесены значительные изменения в институт мер пресечения: принято Постановление Пленума Верховного Суда № 22 от 29.10.2009 г. [1], в новой редакции принята ст. 106 УПК РФ (ФЗ от 07.04.2010). На практике изменения сказались увеличением числа поданных и удовлетворённых судом ходатайств в порядке ст. ст. 106, 107 УПК РФ. Например, в порядке ст. 106 УПК РФ ходатайств было внесено: в 2008 – 648 (удовлетворено – 538), в 2009 – 674 (удовлетворено – 598), 2010 – 764 (удовлетворено – 629); в порядке ст. 107 УПК РФ: в 2008 – 101 (удовлетворено – 88), в 2009 – 164 (удовлетворено – 146), в 2010 – 754 (удовлетворено – 668) [4].

3. Правосознание самих субъектов избрания меры пресечения. Большинство из действующих сотрудников органов расследования, прокуратуры и суда являются представителями советской школы уголовного судопроизводства.

4. Необходимость совершенствования профессиональных знаний, качеств, навыков должностных лиц органов расследования и суда. Указанные субъекты не занимаются изучением и анализом правовых решений высших судов (Конституционного Суда РФ, Верховного Суда); практики Европейского Суда по правам человека; научной литературы, содержащей основные рекомендации.

В последнее время Европейский Суд по правам человека всё чаще указывает на нарушение российскими властями ст. 5 Конвенции по правам человека и основных свободах 1950 г. [5].

Согласно ч. 3 ст. 55 Конституции РФ права человека могут быть ограничены только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других граждан, обеспечения обороны и безопасности государства. Таким образом, конституционное и отраслевое законодательство должно ориентировать органы расследования и суд на учет всех интересов лиц, заключаемых под стражу.

Библиографический список

1. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.10.2009 г. № 22 (ред. от 23.12.2010) «О практике применения судами мер пресечения в виде заключения под стражу, залога, домашнего ареста». [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=109025;page=ess>, дата обращения: 11 мая 2011 года.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ, принят ГД ФС РФ 22.11.2001, ред. от 29.12.2010, с изм. и доп., вступающими в силу с 11.01.2011.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, утверждённый ВС РСФСР 27.10.1960 г. [Электронный ресурс] – Режим доступа:
<http://www.consultant.ru/online/base/?req=doc;base=LAW;n=34685#p53>, дата обращения: 28 февраля 2011 года.
4. <http://www.cdep.ru>.
5. <http://europeancourt.ru>.
6. <http://www.businesspravo.ru>.

ИНСТИТУТ ДОСУДЕБНОГО СОГЛАШЕНИЯ О СОТРУДНИЧЕСТВЕ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА

Д. И. Ережипалиев

Академия Генеральной прокуратуры
Российской Федерации, г. Москва, Россия

Summary. Article discusses the legal regulation of the procedural authority of the prosecutor to enter into pretrial agreements on cooperation, taking into account the numerous changes in criminal procedure law governing pre-trial proceedings.

Key words: criminal trial, pre-judicial cooperation agreement, remedial powers of the public prosecutor.

Действующим Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации (далее – УПК РФ) на прокурора возложена обязанность по рассмотрению ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве и постановления следователя о возбуждении перед прокурором ходатайства о заключении с подозреваемым досудебного соглашения о сотрудничестве¹. Данный институт предназначен, прежде всего, для эффективного раскрытия и расследования преступлений, совершенных группой лиц, поскольку за-

¹ В соответствии со статьей 2 Федерального закона от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» раздел 10 УПК РФ дополнен главой 40.1 «Особый порядок принятия судебного решения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве».

ключение досудебного соглашения о сотрудничестве побуждает привлекаемое к уголовной ответственности лицо к активному сотрудничеству с органами предварительного расследования в целях изобличения других участников преступления и розыска имущества, добытого преступным путём. И центральным участником уголовного судопроизводства со стороны обвинения при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве является прокурор. Деятельность прокурора в данном направлении регламентирована приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам».

Заключать досудебное соглашение о сотрудничестве вправе Генеральный прокурор Российской Федерации, заместители Генерального прокурора Российской Федерации, прокуроры субъектов Российской Федерации, городов и районов, другие территориальные, приравненные к ним военные прокуроры и прокуроры иных специализированных прокуратур, их заместители¹. В случае подписания соглашения Генеральным прокурором Российской Федерации или его заместителями подготовительная работа возложена на главные управления и управления центрального аппарата в соответствии с их компетенцией. При подписании соглашения прокурорами субъектов Российской Федерации и приравненными к ним прокурорами и их заместителями проекты готовят управления и отделы соответствующих прокуратур. В прокуратурах городов, районов подготовительная работа должна осуществляться помощниками и старшими помощниками прокуроров в соответствии с их компетенцией.

Для принятия окончательного решения по заявленному ходатайству о сотрудничестве прокурору должны быть представлены два процессуальных документа:

- ходатайство подозреваемого (обвиняемого) о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, подписанное защитником;
- постановление следователя о возбуждении ходатайства о заключении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве, согласованное с руководителем следственного органа.

Указанные документы прокурор должен рассмотреть в течение 3-х суток с момента их поступления. При принятии решения по заявленному ходатайству надлежит учитывать, что такое ходатайство должно содержать указание на действия, которые подозреваемый (обвиняемый) обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголов-

¹ См.: п. 1.4. приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107.

ном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления. При оценке обязательств, указанных в заявленном ходатайстве, следует обращать внимание на возможность их реального исполнения и при необходимости истребовать дополнительные сведения у инициаторов обращения¹. Ходатайство может содержать обязательство: участвовать в следственных действиях, проводимых как по возбужденному в отношении лица уголовному делу, так и по другим уголовным делам; принимать участие в проведении оперативно-розыскных мероприятий, способствующих выявлению готовящегося, совершаемого или совершённого преступления; сообщать о месте нахождения разыскиваемого лица, имущества, добытого преступным путём; проинформировать следственные органы о структуре преступной организации, её руководителях.

Включение в ходатайство обязательства совершить конкретные действия позволяет предотвратить заключение подозреваемым, обвиняемым фиктивных соглашений с целью благоприятного для него решения некоторых вопросов (например, избрание меры пресечения, не связанной с лишением свободы). Установление обстоятельств, свидетельствующих о невозможности или о нежелании выполнения подозреваемым, обвиняемым, обязательств по сотрудничеству со следствием, является основанием для отказа в удовлетворении ходатайства о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве (п. 2 ч. 1 ст. 317² УПК РФ).

С учётом изложенного полагаем, что при решении вопроса о заключении досудебного соглашения о сотрудничестве, в целях обеспечения прав участников уголовного процесса, прокурору не следует ограничиваться изучением только постановления следователя и ходатайства подозреваемого, обвиняемого, а надлежит изучить и материалы уголовного дела, необходимые для принятия законного и обоснованного решения по рассматриваемому вопросу (ч. 1 ст. 317² УПК РФ). Запрашиваемые прокурором материалы должны быть предоставлены ему в соответствии с ч. 2.1 ст. 37 УПК РФ.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 29 июня 2009 г. № 141-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации».
2. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010 № 107 «Об организации работы по реализации полномочий прокурора при заклю-

¹ См.: п. 1.5. приказа Генерального прокурора Российской Федерации от 15.03.2010. № 107.

чении с подозреваемым (обвиняемым) досудебного соглашения о сотрудничестве по уголовным делам».

СПЕЦИФИКА РЕЧЕВЫХ СТРАТЕГИЙ В АДВОКАТСКОМ ДИСКУРСЕ

А. А. Солдатова

Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия

Summary. The paper explores the issue of speech strategies in the advocate's discourse. The author highlights the difference in the approaches towards the choice of the speech strategies and tactics that is based on cultural peculiarities. The paper also represents an attempt to classify strategies and tactics of the advocate's discourse.

Key words: advocate's discourse, speech strategies and tactics, defence, attack, psychological impact.

В настоящей работе мы рассматриваем ряд вопросов, которые лежат на стыке нескольких дисциплин (юрислингвистики, теории коммуникации и теории речевых актов). Мы подвергаем исследованию адвокатский дискурс, речевые стратегии и тактики англо-америкоязычного и русскоязычного адвоката с тем, чтобы выявить национальную специфику комплексов речевых стратегий и тактик, который используется, когда происходит борьба интересов, обусловленных разными коммуникативными задачами в рамках судебного разбирательства.

Поводом для размышлений о расхождениях в используемых речевых стратегиях и тактиках русскоязычного и англо-америкоязычного адвокатов послужила негативная реакция американской стороны, которая признала качество юридической помощи, оказанной русскоязычным адвокатом некоему американскому подданному, ненадлежащей, а кроме того, обвинила адвоката в пассивной позиции и некомпетентности. В результате этой жалобы адвокат был освобождён от должности. Справедливости ради следует заметить, что до того момента адвокат славился своим красноречием, убедительностью и блистательными победами в суде. Мы полагаем, что именно различия в речевых портретах русскоязычного и англо-америкоязычного адвоката обусловили неприемлемость американской стороной использованного комплекса речевых стратегий и тактик русского адвоката.

Следует заметить, что независимо от принадлежности к тому или иному культурному социуму, профессиональные цели у адвокатов одни – защита и восстановление прав своего клиента, эффективная профессиональная коммуникация с людьми, умелое психологическое на них воздействие, убеждение в своей точке зрения и

пр. Однако реализация интенций, как показал анализ речевых портретов русскоязычного и англо-американоязычного адвокатов, может быть детерминирована не только дискурсивно-ролевыми установками и индивидуально-личностными характеристиками адвоката, но и национальной спецификой.

В рамках психолингвистики под стратегией понимается основная задача речи, которую детерминируют практические цели говорящего [1], развёрнутая во времени установка субъекта на общение [2], принцип управления конфликтом в коммуникации [3]. Под речевой тактикой понимается программирование последующих речевых действий, направленных на достижение главной цели и выполняемых коммуникантами в определённой последовательности. По мнению О. С. Иссерс, стратегия не столько складывается из набора тактик, сколько задаёт их общее направление [4]. Таким образом, коммуникативная тактика подчинена выбранной стратегии и представляет собой её реализацию.

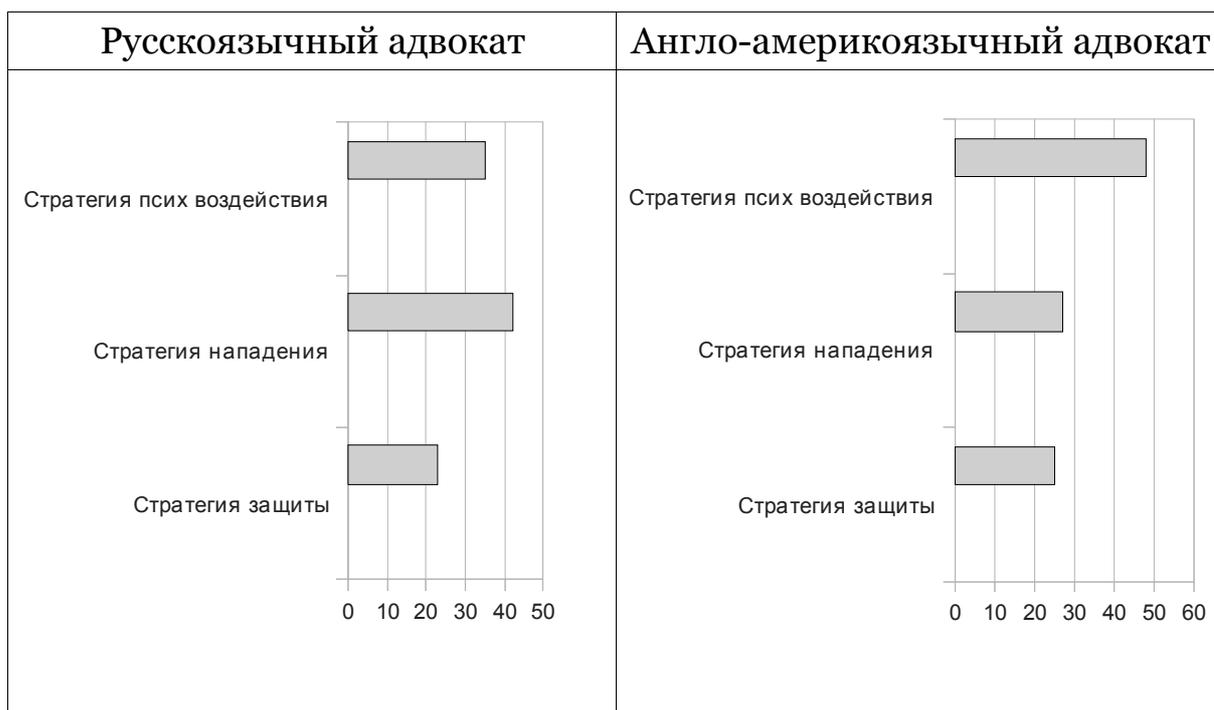
В ходе анализа текстов судебных заседаний мы выделили несколько стратегий, используемых адвокатами в суде: *стратегию защиты, стратегию нападения и стратегию психологического воздействия.*

В качестве тактик, реализующих *стратегию защиты*, мы отмечаем *тактику частичного признания вины, тактику доказательства действий в состоянии аффекта и тактику положительной характеристики.*

Истина в уголовном процессе рождается в противоборстве объективных интересов, а посему адвокат стремится завладеть инициативой в процессе судебного разбирательства и соответственно прибегает к *стратегии нападения*, когда пытается уличить обвинителя в ошибке или несправедливости. Среди тактик, реализующих данную стратегию, мы выделяем *тактику дискредитации, критики обвинителя и сарказма.*

Адвокату необходимо оказать должное влияние на суд, так как именно после его речи и последнего слова подсудимого суд удаляется на совещание. Среди тактик, реализующих *стратегию психологического воздействия*, мы выделяем *апелляцию к принципу справедливости, логическую концентрацию внимания, контрастный анализ и внушение определённой точки зрения.*

Проведённое нами исследование аутентичного материала позволяет говорить о разных процентных величинах, составляющих комплекс речевых стратегий и тактик адвокатов:

Не менее интересным оказалось соотношение применённых защитниками речевых тактик.

Процентная величина частоты машинального выбора адвокатом той или иной воздействующей стратегии представляет особый интерес, поскольку является фрагментом его речевого портрета. Таким образом, становится очевидным различный подход русскоязычного и англоязычного адвоката в выборе коммуникативных стратегий. Позиция русскоязычного адвоката в глазах американской стороны выглядит весьма конфронтационной, когда он выражает своё недовольство чрезмерной (на их взгляд) критикой, попытками дискредитировать свидетелей, дающих показания не в пользу обвиняемого. Речевые тактики русскоязычного адвоката выглядят в большей степени эксплицитными (по сравнению с тактиками англо-американоязычного защитника), поскольку он делает акцент на стратегию нападения и в меньшей степени на стратегию психологического воздействия. Пытаясь ослабить влияние на судью речи предыдущего оратора, защитник прибегает к тактике контрастивного анализа, логической концентрации, апеллирует к принципу справедливости и в то же время перегибает палку, чрезмерно критикуя и дискредитируя обвинителя, что, на наш взгляд, и послужило поводом для недовольства у американской стороны.

Тактики стратегии защиты		
	Русскоязычный адвокат	Англо-американоязычный адвокат
Положительная характеристика	6,58 %	6,85 %
Частичное признание вины	4,85 %	8,65 %
Доказательство действий в состоянии аффекта	8,14 %	9,11 %
Тактики стратегии нападения		
	Русскоязычный адвокат	Англо-американоязычный адвокат
Сарказм	8,89 %	9,99 %
Критика обвинителя	12,13 %	11,11 %
Дискредитация	15,12 %	6,00 %
Тактики стратегии психологического воздействия		
	Русскоязычный адвокат	Англо-американоязычный адвокат
Внушение определённой точки зрения	9,73 %	8,82 %
Контрастивный анализ	10,38 %	11,68 %
Логическая концентрация внимания	10,07 %	11,58 %
Апелляция к принципам справедливости	14,10 %	16,23 %

Анализ адвокатского дискурса позволяет понять, как в различных языковых обществах формируется модель профессиональной

деятельности, каким видится социальный порядок и культурные ценности.

Библиографический список

1. Борисова И. Н. Категория цели и аспекты текстового анализа // Жанры речи: сб. науч. статей. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1999. – Вып. 2. – С. 81–97.
2. Веретёнкина Л. Ю. Стратегия, тактика и приёмы манипулирования // Лингвокультурологические проблемы толерантности. Тезисы докладов Международной научной конференции (Екатеринбург, 24 – 26 октября 2001г.). – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – С. 177–179.
3. Желтухина М. Р. Комическое в политическом дискурсе конца XX века. Русские и немецкие политики / Ин-т языкознания РАН. – Волгоград, 2000. – 264 с.
4. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. – Изд.5-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 288 с.

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ПРАВОЗАЩИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

М. А. Климова

Дальневосточный юридический институт МВД России,
г. Хабаровск, Россия

Summary. In this article analyzes the work of NGOs, their role in modern Russia. The author provides a definition of "Public Reception" and offers ways of improvement.

Key words: non-governmental organization, Public reception, legal consultation, civilian dispatching.

Реализация провозглашённых Конституцией и законом прав и свобод – это не только основная цель и функция государства, но и жизненно необходимая задача самих граждан и их объединений. В осуществлении принадлежащих им прав и свобод они заинтересованы отнюдь не меньше, чем общество и государство [2].

Каждый человек, согласно Конституции РФ, имеет в своём арсенале целый ряд предусмотренных Законом механизмов, обеспечивающих защиту его прав и свобод. Основными являются конституционно-судебная защита (Конституционный суд), судебная защита (суды общей юрисдикции, арбитражные суды), административная защита (действия органов исполнительной власти). Вся ответственность за соблюдение на территории страны прав и свобод человека и гражданина лежит на исполнительных, законодательных и судебных органах, а также органах местного самоуправления.

Однако реализация прав человека в немалой степени зависит и от участия в ней представителей общественности, поэтому немаловажную роль в сфере защиты прав и свобод человека и гражданина играют организации, отличающиеся автономностью от государства, имеющие негосударственный – неправительственный – характер, основной формой деятельности которых является защита конституционных прав и свобод личности. Они являются связующим звеном между гражданским обществом и государством. Современное правозащитное движение существует в условиях реформирования общества и перехода к новому строю и новым отношениям между человеком и государством. В России процесс развития неправительственных правозащитных организаций (НПО) находится в стадии становления и поиска, они уже показали свою состоятельность с одной стороны, но с другой – пока не смогли завоевать должной поддержки и понимания со стороны российского общества.

От результатов деятельности самих НПО в главной мере зависит роль и значимость неправительственного сектора в сфере защиты прав человека в России. Методы работы, формы деятельности российских правозащитных организаций ещё не достаточно отработаны и эффективны. Так, в неправительственных правозащитных организациях создаются общественные приёмные, главной целью которых является оказание помощи гражданам в защите их прав и законных интересов. В связи с чем возникают вопросы в определении понятийного аппарата, форм деятельности. Указанным приёмным приходится сталкиваться с серьёзными проблемами – это и сокращение количества приёмных, «вымывание» из них собственно правозащитной тематики, отсутствие видимой связи между продвижением ценности прав человека и индивидуальным бесплатным юридическим консультированием [1].

Понятие «общественная правозащитная приёмная» видится как приоритетная деятельность некоммерческой негосударственной организации, в полной мере соответствующая её правозащитной функции, по оказанию гражданам услуг консультационного и диспетчерского характера в вопросах защиты их прав, свобод и законных интересов.

Основные формы деятельности: бесплатное консультирование по юридическим вопросам, работа с конкретными жалобами и гражданское диспетчирование.

Важно урегулирование этой деятельности с целью повышения эффективности общественных приёмных и, в свою очередь, повышения статуса негосударственных правозащитных организаций в целом.

Основные направления такой работы видятся в повышении юридического профессионализма, в обязательном сотрудничестве со средствами массовой информации, в возрастании роли региональных отделений, при эффективном финансовом, методическом и организационном обеспечении.

Российским правозащитным НПО предстоит немало сделать для того, чтобы как государство, так и общественность пришли к признанию полезности этих организаций.

Стабильное, адекватное сотрудничество общества и государства – один из бесспорных признаков развитой демократии.

Библиографический список

1. Аверкиев И. В. Модели правозащитных организаций с общественными приёмными // <http://www.pgpalata.ru/reshr/opp/sts/04.shtml>.
2. Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие // М.: издательство МГУ, 1997.
3. Матвеева Т. Д. Неправительственные организации (ИПО) – Основные принципы // Правозащитник. – № 11. – 1994.
4. Цапко Т. А. Неправительственные организации в защите прав человека // <http://www.tveroblinfo.ru/nepravitelstvennye-organizacii-v-zashhite-prav-cheloveka.html>.

План международных конференций, проводимых вузами России, Азербайджана, Армении, Белоруссии, Казахстана, Ирана и Чехии на базе НИЦ «Социосфера» в 2011 году

10–11 сентября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Проблемы современного образования»** (К-27-9-11).

15–16 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Новые подходы в экономике и управлении»** (К-28-9-11).

20–21 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Традиционная и современная культура: история, актуальное положение, перспективы»** (К-29-9-11).

25–26 сентября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Глобализация как этап развития мирового сообщества»** (К-30-9-11).

1–2 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Иностранный язык в системе среднего и высшего образования»** (К-31-10-11).

5–6 октября 2011 г. II Международная научно-практическая конференция **«Семья в контексте педагогических, психологических и социологических исследований»** (К-32-10-11).

15–16 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Личность, общество, государство, право. Проблемы соотношения и взаимодействия»** (К-34-10-11).

20–21 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Инновационный менеджмент в образовательном учреждении»** (К-35-10-11).

25–26 октября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Социально-экономическое, социально-политическое и социокультурное развитие регионов»** (К-36-10-11).

1–2 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Религия – наука – общество: проблемы и перспективы взаимодействия»** (К-37-11-11).

5–6 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Современные тенденции развития мировой социологии»** (К-38-11-11).

15–16 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Научно-технический прогресс как фактор развития современной цивилизации»** (К-40-11-11).

20–21 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Подготовка конкурентоспособного специалиста как цель современного образования»** (К-41-11-11).

25–26 ноября 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«История и культура славянских народов: достижения, уроки, перспективы»** (К-42-11-11).

1–2 декабря 2011 г. Международная научно-практическая конференция **«Практика коммуникативного поведения в социально-гуманитарных исследованиях»** (К-43-11-11).

Информация о журнале «Социосфера»

Научно-методический и теоретический журнал «Социосфера» публикует научные статьи и методические разработки занятий и дополнительных мероприятий по социально-гуманитарным дисциплинам для профессиональной и общеобразовательной школы. Тематика журнала охватывает широкий спектр проблем. Принимаются материалы по философии, социологии, истории, культурологии, искусствоведению, филологии, психологии, педагогике, праву, экономике и другим социально-гуманитарным направлениям. Журнал приглашает к сотрудничеству российских и зарубежных авторов и

принимает для опубликования материалы на русском и английском языках. Полнотекстовые версии всех номеров журнала размещаются на сайте НИЦ «Социосфера». Журнал «Социосфера» зарегистрирован Международным Центром ISSN (Париж), ему присвоен номер ISSN 2078-7081; а также на сайтах Электронной научной библиотеки и Directory of open access journals, что обеспечит нашим авторам возможность повысить свой индекс цитирования. **Индекс цитирования** – принятая в научном мире мера «значимости» трудов какого-либо ученого. Величина индекса определяется количеством ссылок на этот труд (или фамилию) в других источниках. В мировой практике индекс цитирования является не только желательным, но и необходимым критерием оценки профессионального уровня профессорско-преподавательского состава. Одним из способов оценки цитируемости является Индекс Хирша.

Содержание журнала включает следующие разделы:

- Наука
- В помощь учителю
- В помощь преподавателю
- В помощь соискателю

Объем журнала – 80–100 страниц.

Периодичность выпуска – 4 раза в год (март, июнь, сентябрь, декабрь).

Главный редактор – Борис Анатольевич Дорошин, кандидат исторических наук, доцент.

Редакционная коллегия: Дорошина И. Г., кандидат психологических наук, доцент (ответственный за выпуск), Антипов М. А., кандидат философских наук, Белолипецкий В. В., кандидат исторических наук, Ефимова Д. В., кандидат психологических наук, доцент, Саратовцева Н. В., кандидат педагогических наук, доцент.

Международный редакционный совет: Арабаджийски Н., доктор экономики, профессор (София, Болгария), Большакова А. Ю., доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Москва, Россия), Берберян А. С., доктор психологических наук, доцент (Ереван, Армения), Волков С. Н., доктор философских наук, профессор (Пенза, Россия), Кашпарова Е., доктор философии (Прага, Чехия), Сапик М., доктор философии, доцент (Колин, Чехия), Хрусталькова Н. А., доктор педагогических наук, профессор (Пенза, Россия).

Требования к оформлению материалов

Материалы представляются в электронном виде на e-mail sociosphera@yandex.ru. Каждая статья должна иметь УДК (см. здесь). Формат страницы А4 (210x297 мм). Поля верхнее, нижнее и

правое – 2 см, левое – 3 см; интервал полуторный, отступ 1,27, размер (кегель) – 14: тип – Times New Roman, стиль Обычный. Название печатается прописными буквами, шрифт жирный, выравнивание по центру. На второй строчке печатаются инициалы и фамилия автора(ов), выравнивание по центру. На третьей строчке – полное название организации, город, страна, выравнивание по центру. В статьях методического характера следует указать дисциплину и специальность учащихся, для которых эти материалы разработаны. После пропущенной строки печатается название на английском языке. На следующей строке фамилия авторов на английском. Далее название организации, город и страна на английском языке. После пропущенной строки пишется аннотация (3–4 предложения) и ключевые слова на английском языке. После пропущенной строки печатается текст статьи. Графики, рисунки, таблицы вставляются, как внедренный объект должны входить в общий объем тезисов. Номера библиографических ссылок в тексте даются в квадратных скобках, а их список – в конце текста со сплошной нумерацией. Ссылки расставляются вручную. Объем представляемого к публикации материала (сообщения, статьи) может составлять 2–25 страниц. Заявка располагается после текста статьи и не учитывается при подсчете объема публикации. Имя файла, отправляемого по e-mail соответствует фамилии и инициалам первого автора, например: Петров ИВ или German P. Оплаченная квитанция присылается в отсканированном виде и должна называться, соответственно Петров ИВ квитанция или German P receipt.

Электронная версия материалов должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word 2003. Допускается архивация файла доклада стандартным архиватором RAR или ZIP.

Материалы статей должны быть тщательно выверены и отредактированы.

УДК 94(470)"17/18"

**ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ
Г. СЕМИРЕЧЕНСКА В XVIII–XIX В.
В ОСВЕЩЕНИИ МЕСТНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

И. И. Иванов

**Семиреченский институт экономики и права,
г. Семиреченск, Республика Хакасия, Россия**

**MATTERS OF SOCIAL AND ECONOMIC DEVELOPMENT
OF SEMIRECHENSKAY IN XVIII–XIX C.
IN VIEW OF LOCAL PERIODICAL PRESS**

I. I. Ivanov

**Semirechensky Institute of Economics and Law,
Semirechensk, Republic of Khakassia, Russia**

Summary. This article observes the periodicals of Semirechensk as written historical sources for its socio-economical history. Complex of publications in these periodicals are systematized depending on the latitude coverage and depth of analysis is described in these problems.

Key words: local history, socio-economic history, periodicals.

Некоторые аспекты социально-экономического развития г. Семиреченска в XVIII–XIX вв. получили достаточно широкое освещение в местных периодических изданиях. В связи с этим представляется актуальным произвести обобщение и систематизацию всех сохранивших-

ся в них публикаций по данной проблематике. Некоторую часть из них включил в источниковую базу своего исследования Г. В. Нефёдов [2, с. 7–8]. ...

Библиографический список

1. Богданов К. Ф. Из архивной старины. Материалы для истории местного края // Семиреченские ведомости. – 1911. – № 95.
2. Нефёдов Г. В. Город-крепость Семиреченск. – М.: Издательство «Наука», 1979.
3. Рубанов А. Л. Очерки по истории Семиреченского края // История г. Семиреченска. – URL: <http://semirechensk-history.ru/ocherki>. – Дата обращения: 20.04.2011.
4. Семенихин Р. С. Семиреченск // Города России. Словарь-справочник. В 3-х т. / Гл. ред. Т. П. Петров – СПб.: Новая энциклопедия, 1991. – Т. 3. – С. 67–68.
5. Johnson P. Local history in the Russian Empire, the post-reform period. – New York.: H-Studies, 2001. – 230 p.

Сведения об авторе

Фамилия

Имя

Отчество

Ученая степень, специальность

Ученое звание

Место работы

Должность

Домашний адрес

Домашний или сотовый телефон

E-mail

Научные интересы

Согласен с публикацией статьи на сайте до выхода журнала из печати? **Да/нет** (оставить нужное)

Оплата публикации

Стоимость публикации составляет 150 рублей за 1 страницу. Выпущенная в свет статья предусматривает выдачу одного авторского экземпляра. Дополнительные экземпляры (в случае соавторства) могут быть выкуплены в необходимом количестве из расчёта 150 руб. за один экземпляр.

Оплата производится только после получения подтверждения о принятии статьи к публикации!

Расчетный счет для перечисления денег

Получатель: ООО Научно – издательский центр «Социосфера»
р/с № 40702810000000002313 в ФАКБ «Инвестторгбанк»
(ОАО) «Пензенский» г. Пенза
ОГРН 1095837003239
ИНН 5837042277
КПП 583701001
БИК 045655722
к/с 30101810900000000722 в ГРКЦ г. Пензы ГУ Банка России
по Пензенской области

Основание платежа: **ФИО автора**

Контактный телефон (8412) 68-68-45,
генеральный директор НИЦ «Социосфера» Дорошина Илона
Геннадьевна, главный редактор – Дорошин Борис Анатольевич.

PsyJournals.ru
портал психологических изданий

ЖУРНАЛЫ по психологии **online**

Психологическая наука и образование
Архив за 1996–2010 г.г.

Консультативная психология и психотерапия
Архив за 1992–2010 г.г.

Культурно-историческая психология
Архив за 2005–2010 г.г.

Экспериментальная психология
Архив за 2008–2010 г.г.

Все журналы
включены в Перечень ВАК

онлайн подписка это

- * Удобно
- * Выгодно
- * Современно

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ ДЛЯ ВУЗОВ И БИБЛИОТЕК:

- Годовая подписка на коллекции психологических журналов (архивы за 15 лет)
- Льготная подписка для постоянных печатных подписчиков
- Доступ к электронным архивам журналов со всех компьютеров организации
- Доступ к статистике обращений у журналам

Подробная информация

- Информация о подписке: (495) 608-16-27
- Заявка на тестовый доступ к журналам: test@psyjournals.ru
- Условия подписки: PsyJournals.ru/

ИЗДАТЕЛЬСТВО
МГППУ

Научно-издательский центр «Социосфера»
Пензенский государственный университет
Факультет бизнеса Высшей школы экономики в Праге
Пензенская государственная технологическая академия

**ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА:
ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ, ОБЕСПЕЧЕНИЯ
И ЗАЩИТЫ**

Материалы международной научно-практической
конференции 5–6 июня 2011 года

Редактор Л. И. Дорошина
Корректор В. А. Дорошина
Оригинал-макет И. Г. Балашовой

Подписано в печать 29.06.2011. Формат 60x84/16.
Бумага писчая белая. Учет.-изд. л. 10,10 п. л.
Усл.-печ. л. 9,39 п. л.
Тираж 100 экз. Заказ № 28/11.

ООО Научно-издательский центр «Социосфера»:
440046, г. Пенза, ул. Мира, д. 74, к. 14. (8412) 68-68-45,
web site: <http://sociosphera.ucoz.ru>,
e-mail: sociosphera@yandex.ru

Типография ИП Попова М. Г.: 440000, г. Пенза,
ул. Московская, д. 74, оф. 211. (8412)56-25-09